

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Ордена Ленина Академический Театр Оперы и Балета
имени С. М. КИРОВА

в помещении ФИЛИАЛА ТЕАТРА
ЛАТВИЙСКОГО НАРОДА, 6

6, 7, 8 и 9 ноября 1941 г.

КОНЦЕРТ

Заочные артисты РСФСР ПРАСФОРУЮ: Заочные артисты РСФСР

БОГДАНОВ Ф. П., ГОРСКАЯ Р. Г., ИОРДАН О. Г., КОРЕНЬ С. Г.,
ЛЕГКОВ В. Л., НЕЧАЕВ И. А., ПЛЕШАКОВ И. И.
СТУДЕНЦОВ Е. П., Заочный оркестр ПЕТЕРБУРГА: ПАВЛОВСКАЯ В. К.,
КАМЕНСКИЙ А. Д., Лидер Народного хора: ДАНИЯ ШАФРАН,
Артисты: БЕЛУХИНА Н. Д., ГЕРБЕН И. Р., ЖЕЛЕЗНОВА Н. М., КАМИНСКАЯ
САХНОВСКАЯ Н. П., ШЕЛЕСТ А. Я., ОЛЕНЕВА А. И., Художник: КУМОВА Е. А., КОСОВИЧ

**НА СЕГОДНЯШНИЙ ВЕЧЕР
ВСЕ БИПЕТЫ
ПРОДАНЫ!**

Дом Военно-Морского Флота ВМФ
Кронштадт
Творческий отчет
1942 г. Театра Кронштадтского Дома Флота
СМЕРСОНОВ

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА
Художественный руководитель театра И. Ф. ПЕРГАМЕНТ
НАЧАЛО В 19 ЧАС.
МЕСТО

Выходные 11 11
1942 г. 1942 г.

**КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ
ФИЛАРМОНИИ**

ЛЕКТОРИЙ по вопросам ИСКУССТВА
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ХИМНОПИСЕЦ
В. И. СУРИКОВ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Лектор — др. научный работник
Третьяковской галереи
АКЦИИ СОПРОВОЖДАЮТСЯ ДИАЛОГОВИЧКАМИ

Н. С. МОРГУНОВ

В МАШИН ЗАПИСИ ИЛИОГРАФИИ ОТКРЫТЫ ВОСПИТАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. СУРИКОВА
На лекции работники Третьяковской галереи принимают участие.
Вход на лекцию в 9 час.

ЦЕНА БИЛЕТОВ от 1 до 3 руб.
Делегаты войны билеты по предъявлении 25 декабря.

ГОС. ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАД. ТЕАТР
ОПЕРЫ И БАЛЕТА им. С. М. КИРОВА
Театральная пл., 1

КРЕСЛО 2 ряда
№ 46 Середина 30 р

Дети до 16 л. на вечерние спектакли не допускаются.
Вход в зрительный зал во время действия
ВОСПРЕЩЕН

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ

Дневники, воспоминания, стенограммы
выступлений деятелей культуры
блокадного Ленинграда 1941—1944 гг.

ПРОГРАММА
летского праздника «НОВОГОДНЯЯ ВЛКА»

1. Открытие праздника.
2. Короткие сказы артистов ЛОС. Голоса артистов Голосстрель.
3. Танцы.
4. Музыкальная игра.

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ

**ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ,
СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА
1941–1944 ГГ.**

Благодарим за помощь и поддержку

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ

**Дневники, воспоминания,
стенограммы выступлений
деятелей культуры
блокадного Ленинграда
1941–1944 гг.**

**Военный музей
Карельского перешейка
Выборг, 2023**

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ. ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ,
СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ БЛОКАДНОГО
ЛЕНИНГРАДА 1941–1944 ГГ. Выборг: Военный музей Карельского перешейка,
2023. — 240 с., илл.

И86 ISBN 978-5-6049531-0-5

Данная книга — продолжение издания дневников, воспоминаний, стенограмм выступлений деятелей культуры и искусств блокадного Ленинграда. В книгу «Искусство под обстрелами» вошли свидетельства артистов Кировского театра И. Нечаева, Н. Сахновской и О. Иордан, ранее опубликованные в книге «Танцую под обстрелами».

Демонстрация нацистских и фашистских символов в книге не является пропагандой нацизма, а преследует только просветительские и образовательные цели

© «Военный музей Карельского перешейка», 2023

**ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕЧАЕВ**

8

**НАТАЛИЯ
ПАВЛОВНА
САХНОВСКАЯ**

18

**ОЛЬГА
ГЕНРИХОВНА
ИОРДАН**

101

**МИЛИЦА
ВЛАДИМИРОВНА
ДУБРОВИЦКАЯ**

135

**АННА
МАРКОВНА
ЗЕМЦОВА**

141

**ГАЛИНА
ПЕТРОВНА
КОРОТКЕВИЧ**

157

**ВЕРА
СЕРГЕЕВНА
КОСТРОВИЦКАЯ**

161

**ЕВГЕНИЯ
КОНСТАНТИНОВНА
ЛЕПКОВСКАЯ**

185

**ВЛАДИСЛАВА
ЯНОВНА
МЕРКУЛОВА**

189

**АЛЕКСЕЙ
ФЕДОРОВИЧ
ПАХОМОВ**

197

**НИКОЛАЙ
ЯКОВЛЕВИЧ
ЯНЕТ**

203

**ВЕНИАМИН
БОРИСОВИЧ
ПИНЧУК**

211

**ТАТЬЯНА
ФЁДОРОВНА
ХОЛМОВСКАЯ**

223

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Искусство под обстрелами» является расширенным изданием сборника «Танцую под обстрелами». В новое издание вошли дневники и воспоминания не только артистов оперы и балета Кировского театра, но и других выдающихся деятелей искусства и культуры Ленинграда.

Столь полная версия многих дневников и стенограмм публикуется впервые.

Мы знаем общую картину ужасов блокады — голод, холод, обстрелы, бомбёжки, коллапс работы коммунальных служб миллионного города, — но в этих дневниках и рассказах они предстают перед нами во всех кошмарных подробностях и деталях.

Но ленинградские работники искусства и культуры не сдались — наоборот, своим творчеством они активно участвовали в обороне Ленинграда от ненавистного врага.

Они не только давали спектакли и многочисленные концерты, творили и проводили выставки в невозможных условиях, но и сумели создать произведения искусства, ставшие классикой.

Советские работники культуры и искусства вели свою войну против нацизма и одержали в ней впечатляющую победу духа. Эпиграфом к сборнику могут быть слова Ольги Генриховны Иордан:

...Страшный, суровый урок на всю жизнь дала мне война. Но она научила ценить и сознательно любить нашу великую Родину, её замечательных людей, грудью своей отстоявших её независимость, те великие идеи, которые способны вдохновлять на величайшие подвиги, и свято верить в конечноеторжество правды и справедливости.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Ордена Ленина Академический Театр Оперы и Балета
имени С. М. КИРОВА

В ПОМЕЩЕНИИ ФИЛИАЛА ТЕАТРА
ПАРТ. КИРОВА, 4

6, 7, 8 и 9 ноября 1941 г.

КОНЦЕРТ

Заслуженные артисты РСФСР УЧАСТВУЮТ Заслуженные артисты РСФСР

БОГДАНОВ Ф. П., ГОРСКАЯ Р. Г., ИОРДАН О. Г., КОРЕНЬ С. Г.,
ЛЕГКОВ В. Л., НЕЧАЕВ И. А., ПЛЕШАКОВ И. И.
СТУДЕНЦОВ Е. П., Заслуженный артист РСФСР **ПАВЛОВСКАЯ В. К.,**
КАМЕНСКИЙ А. Д., Лауреат Всесоюзного конкурса музыкант-исполнителей **ДАНИЯ ШАФРАН,**
БЕЛУХИНА Н. Д., ГЕРБЕК И. Р., ЖЕЛЕЗНОВА Н. М., КАМИНСКАЯ
САХНОВСКАЯ Н. П., ШЕЛЕСТ А. Я., ОЛЕНЕВА А. И., Ведущая солистка **НАУМОВА Е. А.,**

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Опера в 3 актах, 7 картин

Режиссер **К. М. ЗИМАСЕРТ**

Сопрано, **Е. П. СТУДЕНЦОВА** (Засл. арт. РСФСР)
Сопрано, **В. Л. ЛЕГКОВ** (Засл. арт. РСФСР)
Художник **Г. И. ВОРН**
Консультант, художник **Б. А. АЛЬМДЕНГЕН**
Хормейстер **С. Т. БАЛАКИНА**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ларина **В. М. БОГНЫЧЕВА**
Татьяна **Н. А. ЕДИКАРОВА**
(Засл. арт. РСФСР)
В. А. САМОБОЕНКО,
Л. С. СЕГАЛЬ
Ольга **М. А. ЗИЗОНА,**
И. И. МЕРЖЕВСКАЯ
Внук **С. П. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ**
(Нар. арт. РСФСР)
Т. И. НИКИФОРОВА

Олеся **В. Л. ЛЕГКОВ**
(Засл. арт. РСФСР)
Девичий **И. А. НЕЧАЕВ**
(Засл. арт. РСФСР)
Ка. Греция **А. П. АТЛАНТЕВ,**
А. С. ЛЬЮКИН
Ротный **П. С. ТИХОНОВ**
Поручик **С. И. ЧРЧАЙКИН**
Турки **И. А. ТАЛНАЗАН,**
Ф. А. ФАЙНГОЛД
Паволок **Ф. И. СЕРЕДА**

Декорации и бутылерия выполнены мастерами
театра им. С. М. Кирова под руководством
С. А. ЕВКЕВА

Художественный руководитель оперы —
И. А. НЕЧАЕВ (Засл. арт. РСФСР)

Театральные афиши блокадного времени с анонсами выступлений И. А. Нечаева

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ НЕЧАЕВ

1900—1963

**Советский оперный певец
(лирический тенор) и педагог.
Заслуженный артист РСФСР
(1936)**

Иван Алексеевич Нечаев пришёл в искусство из гущи народной. Одарённый певец-самородок, обладатель редкого по красоте лирического тенора, был замечен, направлен в консерваторию, а потом и в Италию, где в совершенстве овладел школой бельканто. С конца двадцатых годов он начал свой творческий путь на сцене Ленинградского Малого оперного театра, а незадолго до войны был приглашён в Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова.

В годы блокады стал художественным руководителем оперы Кировского театра.

Последние годы жизни он совмещал работу на сцене с преподавательской деятельностью в Ленинградской консерватории.

Награждён медалями «За доблестный труд в Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За оборону Ленинграда», Сталинской премией, званием народного артиста РСФСР.

НА СВОЁМ ПОСТУ

Ночь. Воют сирены. Я с багром на крыше дома — подстерегаю гитлеровские «зажигалки». Летят немецкие самолёты, слышен их особенный, какой-то тупой гул. Где-то неподалёку сыплются зажигательные бомбы. Обрушивается фугаска.

Наутро усталые, с тенями у глаз, мы расходимся по своим делам. Встречи. Разговоры накоротке:

— Ну, как она, ночка? Не зацепило?

Война вошла в город.

Ещё 16 июля эвакуировался Театр оперы и балета имени С. М. Кирова. 22 августа уехал коллектив Малого оперного театра, за ним — почти все остальные.

Но театральная жизнь не замерла. В осаждённом городе остался кое-кто из артистов оперы, балета, хористы, музыканты. Одни работали теперь в мастерских при театре, другие — в пожарной охране местной противовоздушной обороны, третьи — в концертных разъездных бригадах Ленгосэстрады.

3 ноября оставшиеся театральные работники собрались в Кировском театре. Решили, несмотря на трудности, давать оперные спектакли в филиале нашего театра — в бывшем Народном доме на Петроградской стороне.

Не требовали больших замен и вводов три оперных спектакля: «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Травиата». Их сразу и начали готовить. Артисты балета репетировали последний акт «Спящей красавицы» — «Свадьбу Авроры» с дивертисментной сюитой сказочных персонажей.

Обстрелы и бомбёжки не прекращались ни на один день. Дела с продовольствием, топливом, транспортом в Ленинграде становились хуже и хуже. И всё-таки 24 ноября мы открыли свой блокадный сезон оперой «Евгений Онегин». Возобновлял спектакль И. Г. Дворищин, дирижировал В. П. Ульрих. Татьяну пела К. В. Кузнецова, няню — Т. Ф. Холмовская, Онегина — В. Л. Легков, Гремина — А. С. Лыжин, Ленского — я.

Давали спектакль в сукнах: декорации не подвезли из-за длительных обстрелов. А люди пришли. Большой зрительный зал был переполнен.

Во время второго действия начался артиллерийский обстрел района. В музыку Чайковского врвался вой и свист снарядов, близкие взрывы. Под куполом театра покачивалась массивная люстра, в паузах тихо звенели подвески.

«Что день грядущий мне готовит?..» — пел я, и в это время снаряд лёг где-то у самого театра.

Стены тряхнуло. Жалобно и быстро заговорили подвески на люстре.

«...Паду ли я стрелой пронзённый, иль мимо пролетит она?..» — продолжал я и украдкой посмотрел в зал.

Там никто не дрогнул, не выказал испуга. Худенькая девочка-подросток в сером платке, что сидела у прохода второго ряда, плотней запахнулась в пальто, спокойная и внимательная.

Что это? Презрение к смерти? Вызов врагу? Или образы Пушкина и Чайковского оказались сильнее снарядов, нёсших гибель?

Так думал я — и вдруг физически ощутил силу и мужество всех этих людей, заполнивших зал. Для нас, исполнителей, то была самая волнующая из всех наших премьер.

В зале было холодно. В антрактах публика притопывала, чтобы согреться. Девушка в сером платке тёрла озябшие руки и дышала на них во время действий. Но никто не ушёл до конца спектакля. Когда занавес опустился, нам устроили овацию.

Спектакль транслировался по радио. Мне рассказывал знакомый офицер, что нашего «Онегина» слушали кое-где и в частях Ленинградского фронта. Музыка Чайковского звучала из репродукторов на скованных морозом улицах. И каждый думал: живёт, не умирает русское искусство — выстоят и ленинградцы, победит наша Родина.

Через день мы исполнили «Травиату». Виолетту пела Р.Г.Горская, Жермона — В.Л.Легков, Альфреда — я. Дирижировал Н.В.Михайлов.

А «Пиковую даму» дать не пришлось. Она была назначена на 24 ноября, но её почему-то заменили «Травиатой», и это было последнее представление нашего тогдашнего коллектива. Воздушные тревоги срывали репетиции. Всё реже ходили трамваи. Город в те дни обстреливали и бомбили особенно часто. И, чтобы избежать возможных массовых жертв, спектакли прекратили.

Настала более трудная пора блокады. Надо было поддерживать дух защитников города. Как никогда нужна была песня. Мы перешли к шефским концертам.

Заявки поступали отовсюду: из воинских частей и с кораблей, из госпиталей, с заводов. И хотя наш театр более уже не существовал, и никто формально не направлял нас на работу, ни одна заявка не осталась неудовлетворённой. Бывало, начальники военных клубов обращались прямо к кому-нибудь из актёров — в таких случаях приходилось брать на себя и обязанности организатора: составлять программу концерта, приглашать исполнителей, договариваться о транспорте. Нередко это выпадало и на мою долю.

Приходилось мне выступать и одному, даже без аккомпаниатора. Естественно, тогда было не до академического репертуара. Я исполнял те русские народные песни, которые знал с детства и пел мальчишкой.

*Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки...*

У каждого был свой милый, своя любимая. И была стёжка, сейчас развороченная войной, изрытая воронками от снарядов. Как же дорога была память о недавних мирных днях, как сильна была мечта о завтрашнем мире, как напрягались ради победы все силы души... И как ненавистен был враг!..

Нет, ни на минуту нельзя было забыть, что мы солдаты, что мы стоим на самом переднем крае войны.

*До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...*

У песен мы набирались мужества.

Бывали дни, когда мы давали по три-четыре концерта, и притом на разных участках Ленинградского фронта.

Вскоре у нас сложилась постоянная фронтовая бригада. В неё вошли оперные певцы П.З.Андреев, И.И.Плешаков, В.И.Шестакова и я, танцовщица Н.В.Красношеева, актёры драмы Б.А.Горин-Горяинов и А.А.Исакова, пианист-дирижёр В.П.Ульрих.

Вот наша бригада едет в грузовике на фронт. У Финляндского вокзала дальнобойным снарядом прямо перед нами сбивает трамвайный столб. Воздух гудит от выстрелов...

Вот мы в землянке под Пулковом. Негнущимися от холода руками снимаю шапку и пою. Пою о мужестве и отваге русского человека. Пою о широких раздольях Родины:

Степь да степь кругом...

Вот мы на правом берегу Невы. Гитлеровцы приметили землянку, где идёт концерт. Начался обстрел. Под командой капитана, пригибаясь, бежим к другой землянке. Где-то близко разгорается жаркая перестрелка. Это наши засекли огневую точку противника, откуда били по землянке. А концерт идёт своим чередом.

*Таких, как наши песни,
Нигде я не слышал.
И девушек чудесней
Нигде я не встречал.
Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою!*

Помню концерт в Смольном для Военного Совета фронта и высшего командования в присутствии А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, П. С. Попова, всех тех, кто руководил обороной нашего города.

Однажды направили нас в Кронштадт — обслуживать боевые корабли и форты. До Кронштадта добирались в грузовике по льду Финского залива. Тогда мы скрыли от флотского начальства, что Владимира Ульриха до Кронштадта, может, и не доведём.

— Держись, Ульрих, уже виден Кронштадт, там матросы дадут поесть.

В Кронштадте мы пробыли около месяца, давая по три-четыре концерта в день. Часто концерт заканчивался митингом, на котором выступали командиры, матросы и мы, актёры. Принимали наши выступления очень хорошо.

Когда ехали обратно, в Ленинград, в глазах Ульриха светился тёплый огонёк жизни.

Под новый 1942 год мы давали концерт на одном из кораблей. Закамуфлированный, он стоял на Неве, против Летнего сада. Командир носил бороду, усы, попыхивал трубкой — всё, как полагается исконному моряку. К нам он отнёсся на редкость приветливо и радушно. Потом капитан признался, что когда-то играл в духовом оркестре нашего театра. После концерта он пригласил нас в кают-компанию, на встречу Нового года. Что греха таить, мы не отказались. И вот П. З. Андреев, Б. А. Горин-Горайнов, А. А. Исакова, Е. В. Лопухова, А. А. Орлов и я — все мы усаживаемся среди морских офицеров за накрытый стол. Глаза разгораются при виде роскошного новогоднего ужина: тут на каждого порция пшённой каши и ломтик чёрного хлеба со шпротиной. Вдобавок рюмочка, правда, пока пустая. Потираем руки, оглядывая стол с особенной нежностью.

Стрелка часов приблизилась к двенадцати. Тут командир корабля начал священнодействовать. Взял бутылку водки и только приготовился наливать, как вдруг она выскользнула у него из рук, упала и разбилась вдребезги. Все не на шутку опечалились.

Когда покидали корабль, шёл приятный снежок. Расставаться не хотелось — так всей бригадой и двинулись к Невскому. И долго ещё посмеивались над трагикомическим происшествием с бутылкой. Больше всех — Б. А. Горин-Горайнов: он, как никто, умел острить с самым грустным видом.

Улицы пустынные. У редких прохожих проверяют пропуска. Проверят, откозыряют, поздравят с Новым годом — ну, а мы, конечно, их. Что-то нераздельно братское было в этих коротких взаимных приветствиях. А назавтра, в первый день Нового года, — выступление на радио. Мы исполняли отрывки из оперы «Снегурочка». В студии холодно, уютно, голод неотвязно напоминает о себе, его сухая печать на лицах

участников передачи. Солист И. Лапшенков так слаб, что ходит с палочкой. Голос ещё звучит, но чувствуется, как он напряжён. А глаза совсем стеклянные. Запев, Лапшенков всю душу вложил в звук. Понимал ли он, что это его последняя песня? Вскоре его не стало...

Я подхожу к микрофону, пою каватину Берендея: «Полна, полна чудес могучая природа...» Музыка подхватывает, подымает меня — и нет уже полутёмной, сырой студии, нет сосущего голода внутри, всё куда-то уходит, а передо мной — широкие просторы Родины, её прекрасная природа...

С 1942 года я каждое воскресенье пел по ленинградскому радио русские народные песни. Нотного материала не было. С баянистом В. В. Кожевниковым мы подбирали аккомпанемент по слуху. И всё-таки эти концерты приносили мне большое удовлетворение. Концерты вызвали потом много откликов. Радиокомитет получал много писем с просьбами повторить передачу. Письма с заявками и благодарностями приходили и на моё имя. Писали бойцы с фронта, моряки Балтики, раненые из госпиталей, пожилые рабочие и молодёжь. Они сообщали, что ждут этих воскресных передач и заранее занимают места у репродукторов.

Поступали заказы и на такие народные песни, каких не было в моём репертуаре. Приходилось срочно их добывать, разучивать, чтобы в следующее воскресенье ответить на письма песнями.

Некоторые письма требовали немедленного ответа:

«В данный момент у нас нет возможности слушать Вас по радио, и поэтому мы, фронтовики, просим Вас выслать нам текст некоторых песен. Мы уверены, что Ваши песни вселят новые чувства и энтузиазм для окончательного разгрома ненавистного врага. Вышлите по данному адресу: Полевая почта 67707, Рамицину Георгию Николаевичу. Жмём крепко Вашу руку. С фронтовым приветом Рамицин, Никишин, Кульмин, Щеголев, Шульга».

Песен просили. Песни и присылали — собственного, конечно, сочинения. Вот письмо, так сказать, творческого характера:

«Уважаемый Иван Алексеевич! Посылаю Вам одну из написанных мною песен. Мы с Вами земляки — парголовцы, хотя Вы, возможно, меня и не помните. А я Вас хорошо помню. Я был очень рад, когда услышал от своих товарищей, что Вы по-прежнему украшаете своим голосом боевую жизнь Ленинграда.

Сейчас я, конечно, солдат... занимаюсь поэзией под руководством писателя А. М. Флита.

Очень бы хотелось знать Ваше мнение о моем начинании...

Ст. серж. техн. службы М. Николаевский.

Полевая почта 55753-Д».

Песня была, признаться, среднего качества, но я искренне порадовался за земляка, который, воюя, успевал заниматься стихами.

Иногда приходилось экстренно выезжать к моим корреспондентам. Скажем, после такого письма:

«...Мы все решили просить Вас, если будет возможность, то, будьте добры, навестите нас, больных. Мы находимся в госпитале: Ленинград, Нижегородская ул., 33/35, госпиталь, 7-е отделение...»

Комин Павел Дмитриевич, 17/IV-43 г.»

Получал я письма от товарищей по довоенной работе в театре. Вот одно из них:

«Я уже два месяца нахожусь в непрерывных боях за нашу Родину и лично уничтожил 70 гитлеровцев. За последнюю атаку представлен к правительственной награде. Это письмо пишу Вам перед атакой. Передавайте нашим актёрам, что оперный певец научился воевать неплохо.»

П. Картелишев¹».

В этом бою за Ленинград он пал смертью храбрых. Так мне сообщило командование, возвращая непрочитанный Картелишевым мой ответ.

К концу лета 1942 года мы всё-таки возобновили наши спектакли. В сущности, всё создавалось заново. А меня назначили художественным руководителем оперы. Балетную труппу возглавила О. Г. Иордан. Музыкальной частью ведал А. А. Люблинский.

Многих мы уже недосчитались к тому времени. Артистов хора осталось всего пятеро. Пришлось набрать людей и с не поставленными голосами, не умеющих читать ноты. Но хористы так упорно работали и учились, что под руководством хормейстера А. С. Соболева добились поразительных результатов: почти все они были приняты в академическую труппу, когда Театр оперы и балета имени Кирова возвратился в Ленинград.

Наши спектакли, чередуясь с драматическими, шли в помещении Театра Комедии. Небольшая сцена не была приспособлена к требованиям оперно-балетного спектакля, поэтому впоследствии нам предоставили здание Малого оперного театра. Таким образом, мы смогли вернуться к своей основной деятельности. Значило ли это, что наша жизнь

1

Гвардии младший лейтенант Картелишев Павел Тихонович погиб в бою 1 января 1944 года. Сохранились две записи его песен, сделанные до войны («Карие глазки» и «Раз полоску Катя жала»). Вы можете услышать их, пройдя по ссылкам:

потекла спокойно и мирно? Конечно, нет. По-прежнему не хватало рабочих рук, по-прежнему силы у всех были на исходе, по-прежнему на улицах рвались снаряды. Книги режиссёрского управления пестрели записями о том, что из-за артобстрела начало спектакля задержалось на полтора-два часа. Однажды задержка вышла в три с половиной часа. В таких случаях мы сокращали спектакль на ходу, выбрасывали целые сцены. Надо было успеть закончить его вовремя: ведь ходить по улицам разрешалось до 11 часов вечера. Как-то пришлось сыграть «Пиковую даму» без сцен на балу и у Зимней канавки.

И хотя всё так же бомбили Ленинград с воздуха и обстреливали из орудий, билетов в кассе не оставалось через два часа после того, как они туда поступали. Приберегали только бронь для воинов с передовой.

Наш оперно-балетный коллектив существовал два года и дал три балетных спектакля. «Евгений Онегин» прошёл 40 раз, «Пиковая дама» — 29, «Травиата» — 12. Балет дал в общей сложности 55 представлений. Шефских (бесплатных) концертов и вечеров балета было дано около 3000. В самый трудный 1942 год число военно-шефских концертов достигло 1500.

В начале 1943 года в театр позвонили:

— Иван Алексеевич, говорят из управления по делам искусств. Вас просит срочно зайти Борис Иванович Загурский.

Управление по делам искусств находилось тогда на Фонтанке, в помещении Большого драматического театра. Меня сразу провели в кабинет начальника.

Б.И. Загурский дружески пожал руку и протянул телеграмму:

— Правительственная. Вас вызывают на работу в Большой театр. Подумайте и быстро дайте ответ.

«Как же тут быть?» — думаю.

«Бросить свой город теперь, когда каждый работник искусства здесь на вес золота? Скажут: сдрейфил, сбежал. Да ещё тогда сбежал, когда только наладился мало-мальски репертуар в театре. Нет, уезжать я не имею права. Я должен остаться...»

Думал я недолго:

— Борис Иванович, дорогой, ну как же я уеду, подумайте-ка! Бросить работу, с таким трудом поднятую? Нет, не могу так поступить.

Борис Иванович улыбается, жмёт мне руку. Похоже, он и не сомневался, что ответ будет только такой. Когда возвращался из управления в театр, сил у меня прибавилось. Работать хотелось ещё больше. У себя, в родном городе. На своем посту.

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА САХНОВСКАЯ

4.05.1908—4.01.1990

**Солистка балета Театра оперы
и балета имени С. М. Кирова.**

**Участница Великой
Отечественной войны,
блокадница.**

**Награждена медалью
«За оборону Ленинграда».**

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Ленинградское хореографическое училище, после чего была принята в труппу Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. В театре стала партнёршей танцора Роберта Гербека, за которого впоследствии вышла замуж.

Осталась в блокадном Ленинграде с мужем и семьёй. Пережив первую блокадную зиму, Сахновская и Гербек вошли в состав фронтовых артистических бригад. Они неоднократно выезжали на передовую с балетными номерами, также выступали перед рабочими ленинградских заводов. Вошли в состав балетной труппы нового городского «Блокадного» театра, а также выступали с сольными балетными номерами на сцене Филармонии. В годы работы театра дуэт Натальи Сахновской и Роберта Гербека прозвали «золотым».

МЫ СОБИРАЛИСЬ В МОСКВУ

22 июня 1941 года. Война!..

Изменилось всё... Нарушился обычный ход событий... Театр Оперы и балета имени С.М.Кирова готовился к юбилею выдающейся, всеми любимой и уважаемой балерины Елены Михайловны Люком, назначенному на 23-е июня. Второй день войны, страна уже переключилась на военное положение.

Елена Михайловна готовилась к тому, что этот спектакль должен стать завершением её вдохновенного творческого пути. Она готовилась к тому, что он должен быть последним, прощальным и очень торжественным концом её сценической деятельности. Неожиданно ворвалась война и смяла славный венец... Чествование было отменено. Юбилей сорвался...

Елена Михайловна была потеряна, плакала весь день и совсем больной приехала в театр, и всё же нашла в себе силы и заставила себя танцевать спектакль и, как всегда, танцевать прекрасно. Не было торжественного чествования, не был воспет талант, который доставлял столько радости, восторгов и наслаждения, не было заслуженного награждения, лишь долго несмолкаемыми овациями и цветами смог зритель выразить свое признание и восхищение.

Мы с мужем, солистом театра заслуженным артистом РСФСР Робертом Гербеком, были выдвинуты концертной организацией при Лен. Гос. Филармонии на II Всесоюзный конкурс балета. 22-го июня мы должны были ехать в Москву...

В первый же день войны мы (я с мужем) получили повестки, на которых значилось «весьма срочно». Я сохранил эти серовато-зелёные конверты и повестки, гласящие: «Вы назначены в состав бригады по обслуживанию концертами призываемых в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Вам надлежит безоговорочно явиться в театр в помещение партбюро». На обороте адреса: ул. Стачек, 92; Клуб им. Газа; сб. пункт Кировского Р.В.К.; бывшая Александро-Невская Лавра; Дом Пионеров; сб. пункт Смольнинского р-на.

Наша бригада артистов, в которую мы с Робертом вошли, давала по несколько концертов ежедневно.

Мои впечатления первого дня: выступаем в небольших помещениях, наши зрители — мобилизованные юноши. Большинство из них сидели прямо, головы подняты, взгляд открытый, они были, казалось, полны решимости и в последние минуты жизни в мирной обстановке не отказывались от впечатлений, принимали концерт, смотрели и слушали внимательно, а некоторые были рассеянны, взгляд отсутствовал, они слушали, но не слышали, смотрели и не видели... Добровольцы составляли отдельные группы, здесь были люди разных возрастов — от пожилых людей до юных комсомольцев. Провожать парней прибегали

заводские девушки, отзывали их за угол, наливали им в кружки вино, прощаясь, плакали как дети. У меня тоже наворачивались слёзы.

Выступать в эти дни было очень тяжело морально, слишком трагично воспринималось всё... на душе очень тревожно, Родина в опасности, льётся кровь, люди идут на смерть, а мы должны перед ними танцевать, а не вставать в их ряды.

20 июля. Серьёзно заболел муж, Роберт Гербек, и слёг в больницу. Я осталась без партнёра и включилась в общую работу театра, который участвует во всех оборонных работах города. Мне дали плести сетки, которыми будут маскировать высокие здания города: Смольный, Петропавловский и Адмиралтейский шпили и другие здания, которые могут служить ориентиром для обстрелов.

Первая тревога... Она застала меня дома одну. Провыла сирена... «Это уже не учебная», — сказала я сама себе. Никакой пальбы не последовало, и страха я не испытала, поймала себя на том, что стала очень серьёзной и старалась вспомнить, что надо делать. Нам советовали на уроках МПВО заклеить окна бумагой крест-накрест, чтобы не разлетались осколки стёкол при бомбёжках. Этим я и занялась. Фашистский самолёт скрылся, тревоге дан отбой.

Вышел указ эвакуировать детей и детские учреждения. Сколько волнений и переживаний для тех родителей, чьи дети выехали до объявления войны в пионерлагеря под Лугу, Псков и другие места, куда стремительно продвинулась линия фронта. Детей спешно вывезли прямо в тыл, миновав Ленинград, неизвестно куда.

Дали эшелон для детей работников театров. Возглавила эвакогруппу балерина Кировского театра Ольга Мунгалова, её помощником стал солист Малого оперного Василий Азбукин, а организацию по отправке эшелона взяли на себя артисты. Они тащили на спинах тяжёлые ящики, пот струился по их лицам, приходилось всё загружать спешно, времени было в обрез. Хотя мы надеемся, что расстанемся ненадолго, и отъезжающие не берут с собой даже тёплой одежды, всё же трудно передать словами те слёзы и волнения, которые царили на вокзале. Особенно тяжело было отрывать детей от родителей и сажать в вагоны, они кричали и плакали... Я проводила сестру, солистку Малого оперного театра Ксению Сахновскую... Она уехала этим эшелоном со своей трёхлетней дочерью Галей. Один Бог знает, что стоило нам это расставание... Долго стояла я на перроне и смотрела вслед ушедшему поезду, и так болела душа...

* * *

Второй месяц... С каждым днём всё тревожнее сводки. На всех фронтах превосходящие силы противника... Отходим на новые рубежи... Оставляем города... События развиваются так поспешно, с трудом воспринимаются. Тяжело мириться со столь стремительным вторжением.

Полное впечатление, что фашисты сильнее и одолевают. Угнетает неизвестность. И вот вопреки всему, в эти дни отец предсказывает, что мы выиграем войну. Мой отец, Павел Григорьевич Сахновский, военный по специальности, высоко образованный, большой эрудиции и ума, замечательный патриот. Несмотря на то, что уже несколько лет он разбит параличом и с трудом переходит с кровати в кресло, сохраняет удивительную ясность ума, разбирается в событиях и предвидит их исход.

Август. Погода жаркая... Роберт ещё в больнице. Я ежедневно хожу в театр, мы вплетаем рогожу в сетки, потом их красят в зелёный цвет, получается ковёр, словно из травы, для маскировок разных объектов города.

Пора бы уже начать готовиться к новому театральному сезону. Но администрация молчит, никто ничего не знает, ползут разные слухи, даже о возможности эвакуации.

* * *

В конце августа в театре неожиданно объявили открытие сезона. Все встрепенулись, вздохнули с облегчением. В тыл полетели телеграммы с вызовом артистов, эвакуированных с детьми, на сбор труппы. А через два дня вышел приказ Правительства об эвакуации театра в Пермь вместе с семьями.

Роберт срочно выписался из больницы. Он настаивал на отъезде, конечно, мы не мыслили себя вне театра, но родители колебались, как выдержит такой переезд в теплушке отец. Я была в отчаянии, оставлять больных отца, мать и сестру я не решалась, и расставаться с мужем тоже не могла. Узнав в театре, что второй эшелон отбудет на два дня позже, и убедив маму, что надо ехать, мы стали собираться. Волнуясь и плача, беспорядочно укладывались, плохо соображая, что из вещей необходимей.

В день отъезда первого эшелона я была на вокзале, провожала товарищей. Началась погрузка, шум и суматоха невероятная. Огромный состав товарных вагонов-теплушек забили до отказа. На опустевшем перроне осталось несколько семейств, которые не смогли поместиться. Растерянно стояли они возле своих вещей. Помогая то одним, то другим, я не заметила сигнала отправления. Неожиданно для меня эшелон словно вздрогнул и тяжело тронулся с места. Медленно поплыли мимо меня теплушки. Я похолодела, вдруг стало очень страшно. Из всех дверей вагонов высовывались головы, чтобы бросить прощальный взгляд на покидаемый ленинградский вокзал. Замечательная балерина, дорогой друг Феечка Балабина сидела в дверях теплушки на чемодане, глаза были полны слёз, она грустно улыбнулась и кивнула мне на прощание. В следующем вагоне, держась за косяк дверей, в рост стоял солист оперы Георгий Нэлепп, он сохранял бодрость, прощаясь, крикнул нам, оставшимся на перроне, чтобы догоняли их следующим эшелонном.

Простучали колёса последнего вагона, состав набирает скорость и удаляется, а мы остались... Я почувствовала дурноту, жалось сердце, потемнело в глазах... Какая-то девушка поддержала меня и помогла подойти к зданию. Долго стояла я, прислонясь к стене, тщетно убеждая себя, что оторвались мы от театра всего на два дня...

После отъезда театра мы прожили в сборах и ожидании несколько дней. Роберт чувствует себя плохо, он подавлен, нервничает, ждёт выезда и твердит в отчаянии: «Мы не должны отрываться от театра, мы должны быть вместе с театром». Меня мучает, что он страдает из-за меня и моих родителей. Предчувствия оправдались, выехать не пришлось, второй эшелон не состоялся. Враг нагрянул скорее, чем казалось возможным. Город спешно готовится к обороне.

Грозно глянули с перекрестков улиц амбразуры с орудиями. Заняли вахты на крышах зенитки. Гигантскими чехлами затянулись Адмиралтейский, Петропавловский, Инженерный шпили. (Это чудо ловкости и героизма совершают и любители-альпинисты, среди которых и наши музыканты: Ольга Фирсова, Андрей Сафонов, Михаил Шестаков, художница Татьяна Визель). Позеленели купола Исаакия. Скрылись за досками витрины магазинов. В груды мешков с песком обернулись памятники, а клодтовские кони исчезли, словно спрыгнули со своих пьедесталов и умчались неизвестно куда.

Вопреки всему, нас, артистов, оставшихся после эвакуации театров, призывают к нашей деятельности. В помещении театра «Народный Дом», филиале Кировского театра, открываем сезон операми «Евгений Онегин», «Травиата» и «Пиковая дама» и балетами «Эсмеральда», «Конёк-Горбунок» и «Шопениана». В Большом зале Филармонии объявлены концерты и вечера балета. Возглавила труппу балета народная артистка А. Я. Ваганова. Начались ежедневные тренаж и репетиции на ул. Росси, 2 для вечеров балета «Пахита», фрагменты из других балетов и дивертисмент¹. Артисты любят свою профессию и относятся к своим выступлениям с большой ответственностью. Мы рады началу сезона. Но жизнь становится с каждым днём все тяжелей. Исчезли продукты в магазинах, трудно стало с транспортом, и начались налёты...

* * *

Первый налёт произошёл днём. Я была у родителей на Мытнинской набережной. В испуге заметались люди... соседка с обезумевшим взглядом, дрожащими руками хватала какую-то одежду, причёска сбилась, она кричала, что надо немедленно спускаться с пятого этажа. А мы не собирались, но, видимо, родители поддались общему волнению. С трудом передвигая парализованную ногу, отец с моей помощью стал

1 Балетный спектакль, состоящий из отдельных номеров, или вставной номер в балете или опере, непосредственно не связанный с сюжетом.

спускаться, часто садясь отдохнуть на стул, который я несла за ним. На лестнице было много народу. Вдруг в панике сбежали сверху две дамы, дежурившие на чердаке, с криком, что объявлена газовая тревога. Вмиг опустела лестница, точно ветром сдуло всех... люди пронеслись мимо нас куда-то в бомбоубежище. Мы остались совсем одни во всём доме... Момент неприятный, но я не поддаюсь панике. Раздался взрыв, запалили наши зенитки... ещё взрыв и пальба... Наконец стихло... налёт не повторился, прозвучал отбой. Постепенно стали возвращаться жильцы, а мы с таким трудом поднялись наверх в свою квартиру, что я посоветовала родителям больше не спускаться.

8-го сентября среди бела дня, когда так ярко светило солнце на чистом небе и не успела ещё провить сирена тревогу, раздалась пальба, затем взрыв, в небо взметнулся чёрный столб дыма и пламя... сгорели Бадаевские склады, где хранились продукты. Большой ущерб нанесли фашисты.

На следующий день фугасная бомба разорвалась рядом с Мытинской набережной, она упала в прилегающем переулке на середину мостовой... Нас не было в это время у родителей, и мы не пережили этой катастрофы, но их мы нашли в очень угнетённом состоянии. Отец никогда не проявлял страха, но мама и сестра были очень напуганы.

Участившиеся налёты заставляют нас сильно тревожиться за родителей, живущих на открытом месте и на пятом этаже, и мы перевезли их в свою комнату на ул. Мира. Она находится в более укромной улице и на третьем этаже, мы чувствуем себя здесь в меньшей опасности.

Наступили суровые дни, фашисты подошли вплотную к Ленинграду, на днях мы вышли из театра и вдруг совсем близко в городе рванул снаряд... Ещё и ещё... и тут же мы увидели разбитый трамвай: весь искорёженный, без стёкол, он едва тащился через Театральную площадь. Охватило полное смятение и ужас: неужели враг ворвался в город и начались уличные бои? Нет! Это, оказывается, дальнобойная артиллерия, неизвестная нам до сих пор. К налётам присоединились ещё и обстрелы. Редкая ночь проходит спокойно. Спать приходится одетыми. Жильцы домов по очереди несут вахты на чердаках, дворах, у ворот... ходить по улицам стало опасно, в любой момент начнётся обстрел.

* * *

И начался голод.

* * *

Наши соседи по квартире уехали, мы остались одни и имеем возможность ютиться в маленькой передней, расположенной в центре квартиры. Это спасло нас. Окна нашей комнаты выходят на улицу Мира, напротив за забором стоит двухэтажный деревянный дом, дальше большой каменный. Много детишек обычно гуляет во дворе. Их,

видимо, очень много в этих домах. Накануне я с удивлением наблюдала, как мужчина подставляет лестницу и снаружи заколачивает все окна в деревянном доме фанерой. Соседка, проходя мимо меня, сказала, что, очевидно, готовятся к чему-то последнему, катастрофическому. Она часто произносила эту фразу, применяя ко всему. Но всё же мне хотелось узнать, от чего хотят застраховать себя жильцы этого дома?

* * *

Подошёл октябрь. По утрам ежедневно посещаем уроки тренажа и репетиции, которые проводит А.Я.Ваганова, надеемся начать сезон в Народном доме, и как-то во время работы забывается всё, вся тягость теперешнего положения. Мы с Робертом ещё выступаем перед бойцами. К концу дня стараемся вернуться домой, успеть до налётов.

МАМА ПОЗВАЛА НАС ПО ИМЕНАМ...

На улице ещё светло, а в квартире темно из-за светомаскировки (окна плотно завешены одеялами, чтоб не проник ни один луч света, ориентир фашистским самолётам). Мы сидим всей семьёй в своём закуточке. Тихо, ни малейшего звука не доносится извне. Часы показывают семь вечера. Тусклая лампочка освещает наш коридорчик. Вдруг оглушительный взрыв — погас свет, всё кругом рухнуло, пронёсся холодный ветер, полная тьма, точно всё провалилось... а я почему-то сижу на месте, оглушённая, ничего не понимаю и не вижу... Наступившую зловещую тишину нарушил голос мамы, называвшей нас по именам... Все отозвались. Пыль рассеялась... мы все оказываемся живы, но отца сильно ударило упавшей дверной фрамугой, сестру поранило осколками стекла. Всё произошло внезапно, и только после тишину с улицы пререзал звук сирены, и тотчас загудели моторы мессершмиттов, раздались залпы зениток и взрывы... взрывы, сотрясающие землю и дома... Крики о помощи неслись со всех сторон.

Наш дом пострадал сильно. Выбиты все двери, окна вместе с рамами, до кирпичей точно срезало. В квартире все предметы сорваны со стен, и на полках груды щебня, битого стекла, лома до уровня подоконников. Роберт бросился помогать раненым. Я осталась с родителями, надо было найти место, где и на что посадить, и как-то успокоить, оказать помощь. Несколько часов длился налёт... рвались бомбы, палили зенитки... казалось, не будет конца. Стихло, наконец прозвучал отбой. По обломкам я с трудом пробралась к окну. Боже мой! Небо очистилось от туч, полная луна смотрит с неба, освещая своим сказочным светом страшную картину бедствия... От каменного дома остался кусок стены и гора обломков, а двухэтажный, деревянный с заколоченными фанерой окнами рухнул, как игрушечный, от воздушной волны. В прилегающих

домах выбиты все окна, на их местах тёмные зияющие дыры. Израненных людей огромное число... порезаны стёклами лица, руки, отхвачены носы, уши, осколки со страшной силой врезались в тело и торчали, как иглы. А в этих двух домах, куда было прямое попадание, ни один человек не уцелел. В деревянном доме всех похоронило под обломками.

Несмотря на воздушный налёт, много людей сбежалось на помощь пострадавшим. С маленькими фонариками в руках они лазают по грудам обломков и то здесь, то там вытаскивают убитых. Увы, ни одного живого. Роберт всю ночь помогает откапывать. Чудом уцелел лишь один грудной младенец под обломками деревянного дома. Оказывается, его кровать опрокинулась и на неё завалился шкаф, образовав таким образом навес, где он и лежал... Люди, услышав его жалобный плач, приложили все силы, чтобы извлечь его как можно скорей, но это было очень нелегко, и только на вторые сутки непрерывного труда прорыли лазейку, ежеминутно грозившую обвалом при малейшей неосторожности. Пролез в неё тонкий паренёк, он рассказал, что рядом с ребёнком лежит убитый мужчина, видимо, его отец. Часы на его руке ещё шли, а жизнь уже оборвалась. Тщетны усилия спасти жизнь крошечного младенца, он был мокренький, надышался холодного воздуха и погиб от воспаления лёгких. Угасла только начавшаяся жизнь. Вернувшая домой после катастрофы женщина, увидя страшную картину гибели своих близких и дома, не выдержала и, обезумев, бродила жуткой тенью по развалинам, всё что-то бормоча и роясь в обломках, и хоть осталась живой, но тоже погибла. Злодеяние не выпустило из своих когтей ни одной своей жертвы. Погибли все. Погибло столько народа...

Отцу тоже не прошёл даром удар фрамугой, он заболел и лежит такой бледный, в тупике коридора, по которому гуляет ветер. Вечером во время налёта мы сидим возле его кровати в полной темноте. Окна завесить невозможно, они выбиты, к оголённому кирпичу не прибить, все портьеры и одеяла изодраны в клочья. С ужасом прислушиваемся к рёву моторов бомбардировщиков, ожидаем своей участи. В этот момент смерть кажется неизбежной.

По квартире гуляет ветер, комнаты завалены обломками от окон и дверей... Квартира перестала быть жилой...

ВЕЩИЕ СНЫ

Роберта мучает недомогание. Нервы у него так обострились, что он видит во сне события, которые произойдут завтра. Ему приснилось так явственно, что, проснувшись, он поспешил рассказать, чтоб как-то рассеять волнующее впечатление от того, что увидел во сне. И за день до пережитой нами катастрофы рассказал всё случившееся со всеми подробностями так, как оно произошло наяву. Никто из нас не придавал

снам никакого значения, и вряд ли что-либо из рассказанного сохранилось бы в памяти, если бы я не обратила внимание на то, что во сне Роберт увидел, будто мебель наша раздвинута по стенкам и осталась цела, кроме одного зеркала-псише², стоявшего на обычном своем месте, и по нему якобы прошла трещина сверху донизу. Выслушав его, я вдруг спохватилась, как нам до сих пор не пришлось в голову принять такие необходимые меры предосторожности. Мы встали и тотчас убрали все мелкие вещи в ящики, задвинули туалет и псише в простенки между окнами, зеркалами к стене, другую мебель расставили тоже, а стулья и кресло вынесли в переднюю, чтоб обосноваться там.

Сон был забыт, другие заботы сложной жизни овладели нами. Но вот теперь, когда мы делаем попытку очищать свою комнату от щепня и битого стекла и увидели, что зеркала не пострадали, я с удивлением вспомнила, как точно рассказал нам всю картину пережитой нами катастрофы накануне Роберт... Всё же подумалось, что этот сон подсказан действительностью и тождественность ситуации — случайное совпадение.

* * *

Условия с каждым днём всё тяжелее, ощущается отсутствие топлива. В репетиционном зале, как и во всех зданиях, становится холодно, стынут руки и ноги, перехватывает дыхание. Но всё равно утром мы спешим на ул. Росси, 2, на классический тренаж и репетиции.

* * *

Сегодня, проснувшись, Роберт пожаловался, что не может придти в себя от огорчения. Ему приснилось, будто, выйдя утром на улицу, мы с ним увидели длинные очереди у магазинов. Оказалось, выдают вино по талонам, которые можно получить в своём учреждении. Приснилось, как мы спешим в театр, получили талоны и бросились в Елисейский гастроном и будто меня Роберт поставил в хвост несметной очереди, а сам пробился в магазин к прилавку, там кто-то от театра организовал отдельную очередь для артистов. Роберт якобы получил вино, счастливые, мы сели в трамвай и будто в давке нам разбили все бутылки. Роберт разрыдался и проснулся, всхлипывая... Выслушав его рассказ, я усмехнулась: ну какое вино, когда нечего есть? Что только не приснится голодному человеку. Выйдя из дома, мы увидели очереди и узнали, что стоят за вином. Я не верила своим глазам и ушам. Но было не до чудес — захотелось скорей получить вино... Всё происходило в точности, как во

2 Специальное прямоугольное или овальное зеркало для гардеробных комнат, шарнирно закреплявшееся между двумя стойками. Псише устанавливали на туалетном или подзеркальном столике или на консоли, самостоятельно, в качестве трюмо.

сне у Роберта, только получив дивный портвейн, мы не стали искушать судьбу и не рискнули сесть в трамвай, а пошли пешком домой...

Вино очень поддерживает наши силы, мы все пьём его по маленьким рюмочкам ежедневно, и нам хватит его надолго. Говорят, что наши руководители решили: лучше раздать вино населению, чем оно погибнет на складах. Во всяком случае, это было полной неожиданностью. И предвидеть этого никто не мог. Сон Роберта был вещим. Просыпаясь утром, когда удаётся поспать, а теперь это бывает не всегда, я с испугом жду, что он расскажет? А другой раз спрашиваю сама, что ему снилось. Это его свойство как-то пугало, узнать то, что случится, страшновато, и ждать этого ужасно, а ведь я не смогу не поверить ему, что б он не рассказал теперь.

* * *

Сию в закутке коридора возле постели отца, серьёзно заболевшего от удара фрамуги во время взрыва. Сквозь выбитые окна и двери врывается с ветром зловещий гул моторов и взрывы... взрывы без конца... Маму, сестру и соседку я вывела на чёрную лестницу, которая выходит во двор и в подвал. Тревожило меня, что Роберта нет дома в пору такой бомбёжки. Отец просил, чтоб я спустилась вниз, но как я могла оставить его одного? А нервы явно начали сдавать... перед глазами стоит картина катастрофы, мысленно представляю себе, что испытали люди и дети, когда на них рушился потолок... Тяжело охнуло поблизости... меня охватил страх... я жду, что сейчас ударит в наш дом, и вдруг чувствую, как от ужаса у меня на голове шевельнулись волосы... Я заговорила с отцом, спросила, боится ли он? Очень спокойно он ответил, что нет у него такого чувства, что погибнет он от бомбёжки, и добавил, что не надо думать, что налётами можно разрушить город, процент разрушения относительно не будет велик. Его спокойствие помогло мне. Я не признаюсь никому в своём малодушии и никогда больше не допущу себя до такого состояния. Но мне кажется, что эти дни будут самые тяжёлые морально, никогда я не ощущала тревогу в такой мере. Нервное напряжение настолько велико, что кажется, не выдержит сердце. Ещё очень действуют общая растерянность и мрачные прогнозы людей, которые доводится слышать на улицах или в парадных воротах, где дежури́м по очереди с жильцами дома.

Сегодня 7-е ноября. Несмотря на страшную войну над городом и вокруг него, всё же в ноябре театральный сезон продолжается. Впервые, были отмечены дни Великого Октября. До войны в эти дни мы с Робертом имели много приглашений и количество наших выступлений превышало всякую норму. В этом году война... Мы были рады, что 7 ноября состоялся праздничный концерт в политуправлении, при этом была прислана легковая машина, которая заехала сначала за Софьей Петровной Преображенской, потом за нами. В этот день обстрелы

начались с утра, и этот комфорт избавил нас от мытарств в пути и напомнил мирное время.

* * *

Днём 6, 7, 8, 9-го были даны афишные концерты при участии певцов Р.Горской, В.Легкова, И.Плешакова, И.Нечаева, пианиста А.Каменского, чтеца Студенцова, балет представляли О.Иордан, С.Корень, А.Шелест, и мы, Р.Гербек и Н.Сахновская. Мы ещё успели станцевать в военных частях и у раненых в госпиталях. Никакие налёты не сбили нашего праздничного настроения. 8-го также состоялся афишный утренник балета в большом зале Филармонии, в котором участвовали все оставшиеся артисты балета в Ленинграде и к которому мы готовились под руководством Агриппины Яковлевны Вагановой. Программа была большая, шли фрагменты из балетов и сольные номера. Танцевали: А.Шелест, Р.Гербек, Н.Красношеева, Н.Штомпель, М.Гришкевич, М.Померанцева, М.Полунина, Н.Костаниди и др. Я с Робертом исполнила вальс Штрауса «Сказки Венского леса». Зрители очень тепло приняли наш вальс, точно и нет войны. Агриппина Яковлевна тоже сказала, что ей мы понравились. Это очень поддерживает нас морально и поднимает настроение, в чём мы так нуждаемся в эту пору.

Сегодня 20-е ноября.

Наконец состоялось открытие сезона в Народном доме оперой «Евгений Онегин». День был тяжёлый, несколько раз объявлялась тревога, она прерывала спектакль. Пришлось немного сократить спектакль, но всё же удалось довести до конца. Радостно, что мы, оставшиеся артисты, будем представлять здесь, в заблокированном Ленинграде, наш Кировский театр. Выпустим и нашу премьеру — балет «Эсмеральда». А.Я.Ваганова уже приступила к его подготовке.

* * *

Налёты становятся все интенсивней, не успевают одна партия самолётов отлететь, как надвигается другая... Вдруг наша квартира озарилась розовым светом, доносятся крики людей... Мы выбежали на улицу. Фашистские лётчики забрасывают город зажигательными бомбами. Возникают пожары. Загорелся наш театр Народный Дом, пламя перекидывается и охватывает все деревянные постройки аттракционов парка, факелом горят американские горы, пострадал и зоопарк. Бедные звери мечутся в клетках и тоже стали жертвами войны... Полыхает огромное пламя... Зарево предательски освещает город красным светом... светло, как днём... зловеще красиво.

Массированный налёт длился без конца. На борьбу с «зажигалками» мобилизовались все, кто только мог. Я с Робертом заняла вахту на крыше. Нет слов передать то состояние обречённости и страха, которое охватывает при виде надвигающейся на тебя тучи бомбардировщиков,

и слушать гул их моторов... Как огненные шары, падают раскалённые фугасные бомбы... Дома превращаются в руины, гибнут люди, дети...

Совершенно измученными вернулись мы домой, продежурив на крыше несколько часов. Сгорел наш театр, где теперь пойдут наши спектакли? Проклятые фашисты...

* * *

Сегодня темно... Над городом тяжёлые чёрные тучи, слякоть, дождь и снег... дороги не видно... сталкиваемся с прохожими, одновременно извиняемся и говорим: «Ничего, ничего, зато, может быть, не налетит». И впрямь, непогода дала нам передышку на сутки.

На следующий день отца навещает врач. Она пришла, скинула пальто, присела к его кровати. В волосах и на лице её блестят капли дождя. Она сказала, что погода и сегодня отвратительная, идёт снег и дождь одновременно, такая темень, что ни зги не видно... и добавила с улыбкой, что «это отлично, по крайней мере, не будет налёт...» и слово замерло недоговорённым, издали послышался воющий звук сирены, постепенно приближаясь и расширяясь, и вместе со звуком расширялись её зрачки, наполняясь ужасом. Затем последовал гул летящих самолётов и взрывы, взрывы... содрогалась земля...

Враг, как удав, опоясал город и сжимает... сжимает, и душу мучительно сжимает тревога, она растёт беспредельно, становится невыносимой... эти налёты, эти людские жертвы, дома, превращающиеся в руины.

В воскресенье, 30-го ноября, большая афиша: в Филармонии объявляется смешанный концерт, начало в 11 ч. утра. В программе з.а.³ Н.Вельтер, Е.Михайлов, з.а. Заветновский, профессор А.Каменский, Е.Бриль, А.Шелест, орденоносец Р.Гербек, Н.Сахновская, В.Шестакова, К.Гурецкая, Н.Пельцер, М.Гришкевич, З.Аббакумов, М.Волков, у рояля концертмейстер К.Генер.

То, что живо Искусство, особенно балетное, несмотря на голод, обстрелы, бомбёжки и все лишения, говорит о том, что ленинградцы мужественно борются за свой город, его культуру, не уступают своей духовной жизни. Это вызывает гордость, желание участвовать в этой борьбе ленинградцев, отдать все свои силы и не прекращать нашей деятельности, хоть голод и валит с ног.

Все мои платья и обувь, и свою одежду Роберт обменивает на рынке то на стакан крупы или ложку жира и даже на маленький кусок бараньей косточки, которую мы варим вот уже неделю. Постепенно суп всё жиже, чуть мутная вода, а сегодня косточка рассыпалась и совсем не замутила воду.

3 Заслуженный артист.

РОБЕРТ В БОЛЬНИЦЕ

Надвинулась зима 41–42 гг., декабрь. Невозможно было оставаться жить в нашем доме, но невозможно было пробовать заняться его ремонтом.

Райсовет начал переселять пострадавших в опустевшие квартиры других домов. Нам предоставили две комнаты в доме 26/28 по Кировскому проспекту. Это было нашим спасением. Вообще и ещё потому, что я чувствовала, что от этой страшной картины разрушения перед нашими окнами я теряла душевное равновесие. Мне всё мерещились эти трупы детишек, так недавно гулявших во дворе. Их было так много. Одна девчущка так и застыла, закрываясь куклой, другие просто ручонками защищали головки, как это делают люди, когда на них что-то падает. И так вот, в таких позах их вытаскивали и складывали на машины... Столько погибло жизней.

Наше переселение на новую квартиру оказалось очень нелёгким. Роберту с трудом удалось найти старого дворника, имевшего тележку, и они вдвоём перевезли вещи и мебель в несколько рейсов. Много сложнее было провести отца три квартала пешком. С трудом спустилась я с ним по лестнице и со страхом шагнула на улицу, каждую минуту ожидая налёта или обстрела. Мама повела сестру вперёд. Я несла стул, и отец делал частые остановки. Резкий ветер бил в лицо сухими колючими крупинками снега. Я с волнением смотрела, как тяжело даётся отцу каждый шаг, как выбивается он из сил, и как каждая остановка становится всё продолжительней. Завыла сирена... этого я опасалась больше всего. Отец продолжает сидеть... Я стою, как приговорённая. Снаряды начали рваться в соседнем квартале, отец встал, сделал несколько шагов и снова сел. Он явно нервничал, я успокаиваю его и прошу не торопиться, хоть обстрел усиливается. Но что делать? Впереди ещё целый квартал. Мы прошли ещё немного, я пытаюсь его подержать, но вижу, что он дальше идти не может, и мы окончательно остановились. На улице никого нет, мы одни. По радио повторяют, что хождение опасно, всем надлежит пройти в укрытие... Но сил у отца нет больше... он сидит... прошу его отдохнуть спокойно, пройти осталось немного, и мы дойдём, только надо не волноваться. И вдруг вижу: мой дорогой Роберт бежит к нам. Он управился с вещами и спешит на помощь. С большим трудом добрались до ворот нашего теперешнего дома, но надо пройти весь двор насквозь, наша квартира выходит на другую улицу, это ещё квартал. Стало совсем грозно, снаряды грохали близко, зенитки палят всюду, загудели самолёты... Мы все трое выбились из сил. Уж как мы преодолели это расстояние, один Бог знает. Роберт почти нёс отца, я поддерживала с другой стороны. Ещё несколько ступенек полёта первого этажа. Отец уже не держался на ногах. Роберт внёс его на руках. Но какими мы вдруг почувствовали себя счастливыми, оказавшись в квартире с паровым отоплением, в тепле, за метровыми стенами,

на первом этаже шестиэтажного массива, тремя своими фасадами выходящего на три улицы. В изнеможении отец просто упал на кровать, мы помогли ему лечь, а сами плюхнулись на диван. Взяла такая слабость. За окнами война, возле окон находится опасно, но нам не подняться, чтоб перейти в переднюю, защищённую со всех сторон добротными стенами. Хорошо нам стало на новой квартире, тепло и можно пользоваться электричеством, замаскировав окна. Мы так намучались без тепла и света, с выбитыми окнами и дверьми.

Рацион наш ничтожно мал и быстро уменьшается с каждым днём. Недолго мы пользовались и теплом, отключили паровое отопление, не стало топлива, грянули морозы, полопались трубы... Дымоходов не оказалось в комнатах, квартира быстро выстывает.

Мы решили перейти на казарменное положение либо в наш Кировский, либо в Пушкинский или Малый Оперные театры, но нигде нам не разрешают взять с собой родителей, а как мы можем их бросить?

На рынке редко можно что-либо выменять или купить, совсем не стало никаких продуктов. Мне только попало два пучка тонких-тонких корешков хрена, не знаю, зачем он, но я всё же купила с отчаянья. Дома бросила его в буфет. Роберт катастрофически теряет силы, он так серьёзно болел летом и осенью, и не успел полностью поправиться, как начался голод. И вот наступил день, когда он окончательно ослабел, и не может больше не только танцевать, но и вообще двигаться. Слёг мой Роберт. Я осталась без любящего друга рядом и без партнёра.

Академик Михаил Дмитриевич Тушинский взял Роберта к себе в больницу, в своё отделение. Он поддерживает Роберта, чем только может: и лекарством, и последний порошок глюкозы отдал ему, и свои полстакана чаю. Дорогой Михаил Дмитриевич, как я благодарна ему за то, что спасает жизнь Роберта.

На обед в больнице давали на чайном блюде столовую ложку очень жидкой каши, вернее, наvara. Хорошо, что тогда я купила два пучка корешков хрена. Навещаю Роберта ежедневно, ношу ему его долю хлеба и натёртых на тёрке корешков хрена. Он добавит их в порцию жидкого наvara из крупы, которую дают в больнице на чайном блюде (столовую ложку!), и всё же получается гуще и немного больше порция.

Оборвалась наша артистическая деятельность. Изменилось всё. Уже я не меняю красивые чашки, как с Робертом. Мы с ним пили пустой кипяток из всех дорогих чашек, которые имели, и сидели за красиво сервированным столом для иллюзии... Теперь властвуют другие заботы. В квартире так холодно, необходимо установить печурку в комнате, где лежит больной отец. Много пришлось мне зря побегать по разным адресам, прежде чем я нашла человека, который изготавливает печурки и меняет их на папиросы, которые у нас были, мы их получали по карточкам. Несу я через дворы печурку, навстречу идёт солист Музкомедии, любимец публики Валентин Свицерский. Узнав о нашем бедствии,

он снял у себя в ванне трубу и отдал мне. Я так обрадовалась, что теперь мы будем в тепле, только остаётся установить. Случайно к маме зашёл отец её бывшего ученика по музыке, увидев трубу и печурку, предложил свои услуги. Но его попытка вывести трубу в форточку не удалась. Только зря выбил и лишил нас стекла, дым валил в комнату. Не было тяги. Он извинился и ушёл. Я разрыдалась от отчаянья, надежда на тепло не оправдалась.

* * *

Фашисты разбомбили склады с продовольствием, бомбят электростанции, выводят из строя одну за другой. Мы лишены возможности кипятить воду на электроплитке и этой капли тепла в комнатах. Не стало и света. Бомбят устройство водоснабжения. Прекратилась подача воды. Ни отопления, ни воды, ни света... вот когда начались бедствия, лишения, голод и зима... Ртуть в градусниках падает всё ниже и дома, и на дворе и наконец совсем упала и уже не поднимается, уже много ниже 40°С. Снег порошит, то летит хлопьями, засыпает дома, улицы, обвалившиеся стены полуразрушенных домов, обнажившиеся остатки жилья, части комнат с уцелевшей мебелью и одеждой, развеваемой ветром. Зрелище жуткого бедствия. Снег засыпает убитых и обессиленных людей, не дошедших до места, упавших и умерших...

Всё чаще и чаще падают люди, не прося о помощи. Кто может, спешит поднять, отвести в помещение ЖАКТа⁴, дать воды. Тяжкое зрелище представляют дороги к больнице. Измученные люди направляются туда, ищут помощи, и не доходят, падают и замерзают. Особенно страшно было мне увидеть мужчину и женщину в разорванных одеждах, явно борющихся, не то вырываясь друг от друга, не то таща один другого к дверям больницы, они лежали рядом полураздетые, замёрзшие, худые, странные... Число жертв увеличивается с каждым днём. Тех, кто умирал дома, родственники или соседи, не имея сил отвезти на кладбище, заворачивают в простыни и выносят на улицу. Мороз, усугубляя страдания людей, в то же время спасает город от эпидемий, от разложения трупов, заполнивших сараи, дворы, парадные лестницы и вымершие квартиры.

* * *

Город погрузился в темноту...

* * *

Свечей у нас нет. Выгорел малый запас керосина в коптилке, вышел из строя карманный фонарик, и тянутся долгие, долгие часы...

4 Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

дни... впотьмах... Пасмурно выглянет из мрака дневной свет на несколько часов и пугливо спрячется, точно боясь полностью осветить наши бедствия, и снова ночь... ночь... и всё ощупью... и эти страшные тёмные парадные лестницы... и это хождение по тёмным улицам по колено в снегу под обстрелом и во время налётов... и эти мысли, сосредоточенные на одних страданиях, и голод... голод... голод...

На стенках дома в квартире появился иней. Мы во всём зимнем не только днём, но и спать ложимся так под одеяла. Утром о мытье нельзя и помыслить, протираю руки и лицо вазелиновым маслом, которое оказалось в домашней аптечке. У всех начала развиваться дистрофия. Роберт в больнице; мама, отец, сестра — лежат дома. Я выстаиваю очереди за кусочком хлеба с большой долей суррогата, делю на всех, отношу мужу в больницу его долю. Добываю топливо: доски от забора, щепки от разбомблённых домов. Печурку установила на кухне, в дымоход большой кухонной плиты. Один раз попыталась зачерпнуть воду из люка на нашей улице, но ведро оказалось слишком тяжёлым для меня, вытащила не до конца, оно опрокинулось мне на ноги. Прибежала домой в слезах, с мокрыми ногами, а обогреться негде. Вместо воды приношу снег. А вода, кроме того, что её тяжело добывать, дома замерзает и разрывает посуду. Температура такая низкая, что, пока мы пьём кипяток, на блюде успевает образоваться корочка льда. Мучительно стынют руки. Мы уже не выходим во время налётов в переднюю, прятаться нет сил, отец совсем не встаёт, мама и сестра поднимаются с постелей к столу только попить кипяток со своей долей хлеба.

Наши соседи, семья в четыре человека, неожиданно выехали из нашей квартиры, осталась одна жилища, кроме нас. Она не возражает против того, чтобы мы обосновались на кухне, где всё же теплее, когда топится печурка. Для тепла и светомаскировки я плотно завесила окно одеялом, которое днём откидывалось. Две кровати для родителей встали по стене, напротив плиты, раскладушка для сестры вдоль окна, а я ложусь на плиту. Всё же стало немного легче. Печурка нагревала воздух, правда, быстро выстывало. Нужно топлива побольше, и я тружусь, тащу домой доски, раскалываю на щепки. Что это стоит мне и моим израненным рукам?

Мы были бы совсем оторваны от всех событий нашей страны, если б не радио. Разделяя общую участь, работники радио, бедствуя и теряя товарищей, не прекращают информаций и радиопередач. Тревожные вести с фронтов о покидаемых городах чередуются с передачами, призывающими не падать духом. Выступают партийные руководители. Особенно большой моральной поддержкой служат выступления Петра Сергеевича Попкова. Его обращения к населению всегда очень тёплые. Он призывает нас быть мужественными и стойкими. Говорит, что о нас помнят на Большой Земле и Правительство организовало помощь, и она

обязательно придёт, и мы не должны отчаиваться, ждать осталось не долго, придёт час Победы и т.д.

Часто передачи прерываются воем сирены, объявляется тревога, налёт или артобстрел, а то и то и другое вместе, тогда метроном начинает учащённо биться, предупреждая об опасности. Пока он так бьётся, известно, что хождение по улицам запрещено.

Я ходила на рынок. Но увы! Он полон такими же, как я, ищущими еды. Хлопнул снаряд... один... второй ближе... Не знаю, как я не потерялась, находясь близко от ворот, я бросилась прочь от них, к центру рынка, и через несколько шагов уже с трудом пробивалась сквозь хлынувшую к воротам толпу, сразу образовавшую там пробку. Снаряды ложились один за другим, и близко падали осколки... я стояла посередине опустевшего рынка и с ужасом смотрела на обезумевших от страха людей, которые лезли друг на друга, плотно закупорив своими телами ворота, давя друг друга, не давая ни одному человеку вырваться... масса жертв... Кто-то крикнул мне, чтоб я пригнулась к земле, иначе убьёт. Я оглянулась и увидела, как какой-то гражданин выбивает запасные ворота. Я бросилась туда и успела проскочить до толпы, вновь образовавшей пробку и здесь. Добежав до ближайшей парадной, я попыталась в ней укрыться, но там было тесно. К счастью, кто-то сзади грубо втолкнул меня. В этот момент раздался оглушительный взрыв, и многих стоявших за мной ранило осколками. Томительно долго ждали мы конца обстрела после того, как внесли раненых, уступив им самые укромные уголки, поддерживая их по возможности.

Домой вернулась поздно, усталая, дрожащая, напуганная. Навестить мужа не в силах. На следующий день поздно выдали хлеб, и я только к вечеру пришла к нему в больницу. Он был в очень плохом состоянии, что испугало меня. Оказалось, в больницу вчера доставили убитых и раненых, всем больным стало известно всё, и, зная, что я собиралась на рынок, Роберт ждал меня с волнением, и не дождавшись, впал в отчаяние, уже не надеясь увидеть меня живой. Встревоженная и удручённая его здоровьем и тем, что напугала его, не навестив вчера, возвращалась я домой. Уже совсем стемнело, раздавались взрывы, стало страшно. В нашей парадной в полной темноте я споткнулась о мёртвого человека...

Заснеженный город без единого огонька... только теперь я увидела с удивлением, какие короткие и тёмные дни зимой в нашем Ленинграде...

* * *

Вчера я пришла в больницу, когда уже стемнело, и дверь вдруг оказалась закрытой. Тщетно я стучала. Какой-то гражданин, проходя мимо меня, посоветовал обойти здание и войти через запасный вход, объяснив мне, что я попаду в это же отделение больницы, только

с другого конца коридора. Я пошла. Поднялась по тёмной лестнице, нащупала дверь и шагнула в помещение, судя по кафельному полу, это был вестибюль. Постояла, прислушалась. Темно и тихо, где-то издали приглушённо гудели голоса. Медленно, протянув вперёд руки, я двинулась в кромешной тьме по направлению к шуму. Сделав несколько шагов, вдруг наткнулась на что-то вроде кровати, нащупала и, поняв, что это труп на носилках, отпрянула. Не успела податься в другую сторону, как наткнулась на другие такие же носилки, повернулась, ноги подбило, потеряв равновесие, я упала вперёд руками на холодное мёртвое тело, лежавшее на низких носилках. Всё помещение оказалось заставленным мёртвыми людьми, и куда бы я ни пробовала шагнуть — всюду стала наткаться на мертвеца. Как ни пыталась держать себя в руках и подавила готовый было вырваться крик, всё же очень испугалась ещё и потому, что потеряла ориентир и дорогу обратно и не представляла, как выбраться из этого склада покойников. Видимо, крутилась на одном месте. Стараясь успокоить дыхание, я стояла, не зная, что предпринять. И сколько простояла в этой темноте — не знаю, показалось — вечность... и вдруг услышала тяжёлые шаркающие шаги. Повернувшись в том направлении, я уловила едва-едва мелькнувший отсвет и поняла, что там дверь, и кто-то по ту сторону чиркнул спичку и прошёл мимо замочной скважинки с огоньком. Тихонько нащупывая ногой край носилок, стала продвигаться вдоль них, и в конце концов добрела до стены, нашла дверь ощупью, осторожно нажала ручку и наконец выбралась из этого лабиринта с трупами.

Постояла, чтоб немного прийти в себя, и тихо пошла по коридору. Больница не отапливалась, муж лежал в шубе и шапке. Света не было, в нужные моменты больные жгли лучинки или жгутики из бумаги. Моё неожиданное появление доставило Роберту большую радость, и мне тоже. Но я с ужасом думала, что надо идти обратно через тот вестибюль и потом по тёмным, безлюдным улицам, и надо идти скорей, так как город на военном положении и после восьми часов вечера хождение запрещено. В мирное время я редко ходила одна, без провожающих, а сейчас, когда так страшно, темно, бомбят, дорога заснеженная, со всех сторон подстерегает смерть — я совсем одна и едва передвигаю ноги. В этот вечер долго стояла, придерживая парадную открытой, прислушиваясь, присматриваясь, обращаясь с вопросом... не помню, как вошла домой, как легла, силы покинули меня, душу охватило отчаянье.

* * *

Я навещала мужа ежедневно, но мы встречались в темноте, не видели друг друга и не подозревали, как мы изменились, какими стали страшными, исхудавшими, отёкшими, постаревшими... Сегодня на окнах приподняли светомаскировки, и Роберт увидел меня. Из глаз его

попились слёзы. «Бедная, как ты изменилась», — посмотрел на мои руки, красные, распухшие, и сказал: «Ведь у тебя же были ручки...» А меня пугал его истощённый вид больше, чем мой... Я старалась его подбодрить, уверять, что, если переживём, вернётся ещё молодость. Но сама этому не верила. Тяжело нам приходится, как и всем блокадникам. Мы стали не люди, а какое-то страдающее подобие, дрожащее от холода, голода и страха... На слабых, отёкших ногах плетёмся на рынок в поисках какой-нибудь еды, которой давно нет. Существоем от утренней чашки кипятка из талого снега до дневной и вечером — третий раз с кусочком блокадного хлеба в 100 грамм.

Говорят, что люди варят студень из столярного клея и едят, варят кожаные ремни... не знаю, этого у нас не было, а вот баночка скипидарной мази оказалась. Я выложила её на сковородку и выпаривала неделю, скипидар улетучился и остался чистый свиной жир. Мы его съели. Несколько раз я перебирала нашу аптечку, но больше ничего не нашлось.

* * *

В городе не осталось ни крошки еды, четвёртый день не выдают хлеба... страшно... смертность достигла своего апогея... город вымирает...

* * *

Несмотря на большую слабость, я решила пойти в театр, может быть там, в столовой, я сумею по карточкам получить дрожжевой суп. Чуть забрезжил рассвет, я встала, закуталась во все платки и шарфы (поверх шубы), какие только были в доме, взяла посудину и с трепетом переступила порог дома. Пугал такой далёкий путь, ведь мы живём на Петроградской стороне в доме 26/28 по Кировскому проспекту, а театр... как далеко, на другом конце заснеженного города. Дойти бы только... но надо ещё и вернуться тоже, успеть засветло. Ой! Как жутко на улице, мороз, темно, ни души, где-то пальба... В городе тихо, город как мёртвый, занесён снегом, дома промёрзшие, заиндевевшие, ни огонька, ни звука... а может, лучше вернуться? А то убьёт в пути, занесёт снегом, никто и не узнает. Убить может и дома, а смерть везде хватает, надо идти. Может быть, получу суп, принесу его домой, хоть немного, хоть по ложечке всем нам.

Вдруг тишину прорезал дикий крик. Упало сердце, прислушалась, это кричит женщина, у неё отняли хлебную карточку. Голос выкрикивал «смерть мне, смерть...», удалялся и замер где-то там, откуда возник. И опять тишина... А я бреду одна, под ногами хрустит сухой снег... на душе плохо, в ушах только что умолкший крик несчастной. Скорей бы хоть наступил рассвет. Где же люди? Почему не встречаются прохожие? Выхожу на Большой проспект, наконец вижу: впереди маячат такие же, как и я, закутанные, бесформенные тени... всё же не так страшно.

Но как далеко до Тучкова моста, а там ещё через Васильевский остров до другого моста Лейтенанта Шмидта, он длинный, затем площадь Труда, театр... а потом весь этот путь обратно... Нет! Нет! Так нельзя думать, сил не хватит, упаду и замёрзну. Главное дойти вон до того угла, это близко, дойдя, думать — теперь до этого дома... там отдохну, а там уж и театр, и я получу суп, пусть это навар, самый жиденький, но горячий. Выбиваясь из сил, я видела этот суп, почти ощущала его во рту, и ноги шли, шаг за шагом, утопая в снегу. Мечта о супе заслонила страх и придаёт мне силы. Я дошла до театра, но... супа не оказалось... трудно, трудно осознать, что и сегодня, третий день не съедим ничего, только попьём талый снег. Обессилев, опустила на ступеньку и заплакала. Так хотелось есть, так мучительна ноющая боль пустого желудка. Мною овладело отчаянье, страшное отчаянье... Унизительно умирать от голода, слабеть и чувствовать, как жизнь уходит из тебя. Ведь я же здорова, совсем здорова, только бы ложку супа или кусок хлеба, и вернулись бы силы...

Обратно я поплелась другой дорогой. Я иду по улице Плеханова на канал Грибоедова, через Марсово поле, на Кировский проспект. Рядом оказался какой-то человек. Он говорит, что вчера на Плеханова упал снаряд, кого-то убило, сколько-то человек ранило, что там идти не надо, он не пойдёт и мне не советует. Но мне было всё равно, страха нет, есть усталость, изнеможение и апатия. Сверлит мысль, что сил не хватит дойти, что непременно упаду и жизнь оборвётся. Я тащилась, срезая углы на переходах, выигрывая каждый лишний шаг, я даже перестала замечать, по какой улице иду.

И вдруг... что-то яркое ударяет по глазам... трудно сосредоточиться, мысли не было, и думать не хотелось, но... глаза смотрели, и душа медленно выходит из состояния отупения... Густо заснеженный сад тянет ко мне свои обременённые снегом ветки, сдерживающая их натиск решётка полукругом, вся в инее, лёгкая, как кружево, разделена колоннами-башенками, выступающими из сугробов. Всё это, залитое ярким солнцем, ослепительно горит и сверкает тысячью огней. Где я? Стою, опираясь на парапет канала Грибоедова. Направо — угол левого крыла Русского музея, жёлтая стена которого тоже подёрнута инеем... приковывающая глаза решётка окаймляет маленькую площадь вокруг церкви. Нежные тона мозаики художника Васнецова и купола церкви под вуалью инея на фоне чистого, голубого неба гармонично сливались с общей картиной торжествующей красоты... Глаза видели, и медленно теплом вливалось в душу восхищение, возвращая к жизни. Когда же вышло солнце? Почему я не заметила? Полной неожиданностью предстал передо мной яркий день, предвещающий приближение весны. Нет! Нет! Жить! Хочу жить, я не упаду, у меня хватит сил, раз я способна увидеть красоту и обрадоваться ей, значит, я ещё не сломлена. Это дивное видение, созданное природой и человеческим гением, будет для меня

знаменательным, придаст мне силы и мужества, вернёт угасающую надежду на то, что помощь не опоздает...

Стало легче на душе, даже будто радостно. Я пошла, оглядываясь, продолжая любоваться, на миг предав забвению войну и голод. Марсово поле тоже выглядело красиво в этот тихий, морозный, солнечный момент. В следующий — вернулась усталость, чувство голода... Где-то разорвался снаряд, грозно напомнив о войне... Но надежда прочно вошла в душу и не покидала. Кировский мост тянулся долго, длинно. Начался обстрел где-то дальше. Я шла и шла, едва передвигая ноги. Сосало под ложечкой, мучил голод, и к тому же я очень замёрзла. На Кировском проспекте, квартала за два до дома, вдруг раздался знакомый голос: «Наташа, это ты?» Передо мной стояла Настя Костаниди, солистка балета нашего театра, очень исхудавшая, с отёчностью на красивом лице. Мы были друзьями и очень обрадовались друг другу. Мой вид произвел на неё плохое впечатление. Она уговорила меня зайти передохнуть у её матери, жившей в доме, около которого мы стояли. Нас встретила приветливая, истощённая женщина в пальто и шерстяном платке на голове. В маленькой комнате с откинутыми портьерами на окнах светло и теплее, чем на улице. Мне предложили сесть, я была в полном изнеможении. Поговорили.

Вдруг Настя вынула из своей сумки кусок пилёного сахара, наколола его на блюдце и протянула мне. Она настоятельно требовала и держала передо мной блюдце, говоря: «Нет, ты возьми, нет, ты съешь», и, чтобы успокоить меня, добавила, что это Иван Плешаков, её муж, отличный певец, тоже солист нашего Кировского театра, ездил с концертами в Кронштадт, и ему удалось получить этот сахар по карточке. И я не устояла. О! Какое блаженство я испытала, ощутив на языке эту сладость, я боялась проглотить и дольше продержала во рту, чтоб продлить вкус. Но... он прошёл, этот вкус, а то тепло, которое вошло в душу от доброты, сердечности, жертвенности такого же голодающего друга, я знаю, никогда не пройдёт, как и чувство большой благодарности навсегда останется в моём сердце.

Кто не испытал такого голода, не сможет понять, какое значение мог иметь маленький кусок сахара и что жизнь подчас зависит от вовремя поданного глотка воды, кусочка хлеба или вот сахара...

* * *

Наконец начали выдавать хлеб, после четырёхдневного перерыва. Очередь в булочную была длиннющая, выстаивать не только холодно и утомительно, но и страшновато. Все знали о катастрофе, случившейся на Васильевском острове, когда снаряд угодил прямо в такую же очередь. Вместе с осколками взметнулись человеческие руки, ноги и другие части тела... А чья-то оторвавшаяся от туловища голова будто летела вдоль улицы, как бомба, настигла и убила шедшего человека... Сколько

крови... сколько жертв... совсем окоченела. Но вот, наконец вошли в магазин. Крошечное помещение, забитое людьми. Очередь вилась змеей. Не знаю, как это произошло, но вдруг меня обвинили в том, что я сбита порядок, завернув не в ту сторону. Поднялся крик, меня стали выталкивать, и я оказалась вне очереди, простояв столько часов. Я разрыдалась. Какой-то интеллигентный гражданин сжалился надо мной и поставил меня перед собой, строго приказав быть внимательной и следовать за тем, за кем стою. Я получила хлеб. Он был такой ароматный, почти без примесей суррогатов, тёплый, показался нам таким настоящим, совсем не такой, какой выдавался прошлые месяцы. Счастливая, спешила я домой... Говорят, будто наши партизаны позаботились о нас, снарядив обозы с мукой, прорвались к нам в Ленинград.

БЕДНЫЙ ОТЕЦ, НЕ ДОЖИЛ...

Я возвращалась домой вечером. Кромешная тьма и очень тревожно на душе, мучает какой-то странный страх, всё кажется, что преследует меня кто-то... Я поминутно озиралась и спешила как могла, но ноги тяжёлые, как колоды, не слушались, а волнение охватывало всё сильней... Не сразу решилась войти в парадную, почудилось, что стоит кто-то в темноте, окликнула, ответа не было... замирая, ощупью поднялась по лестнице. Ключ не попадал в замочную скважину, не слушались руки. Наконец открыла дверь, прошла тёмным коридором в тёмную кухню, громко всхлипнув, и вдруг: «Тихе, Наташа, отец умирает, садись», — чуть слышно сказала мама. «Он ждал тебя, хотел проститься». Отец, отец... неужели... как я надеялась, что это не случится. Тихо, без жалоб и стонов уходит жизнь, и мы бессильны удержать её... Я опоздала проститься, отец уже потерял сознание. Агония — сопротивление побеждённой жизни... Уже нет сознания, а жизнь ещё бьётся, клокочет, не отступает... Слабеет биение, слабеет и наконец замирает... всё... нет, ещё усилие, последнее... и всё... тишина, полная тишина... слух напряжён... но, нет, тихо... тихо... уступила жизнь и покинула человека навсегда, навсегда. Умер отец. Боже мой! Робкий рассвет обозначил окно, завешенное одеялом, контуры предметов и наши словно окаменевшие фигуры возле постели покойного... Где-то скрипнули половицы, хлопнули двери... ночь прошла, проснулись люди... проснулась, зашевелилась и соседка за стеной: вдруг зайдёт, узнает, нас заставят вынести тело покойного в сарай или морг.

Эта мысль заставила меня очнуться. Нет, нет, я должна захоронить, во что бы то ни стало. Не заходя к нам на кухню, соседка ушла. Мы поспешили убрать и одеть покойного. Боже! Надо видеть, во что он превратился, как настрадался... На одеяле перевезли тело в комнату, уложили на кровать. В комнате морозно, как на улице, стены заиндевели,

снег в ведре, занесённый для питья, не таял. Можно надеяться, что отец пролежит какой-то срок.

Как тяжело, и горе, и тревога, что не удастся скрыть, тщетные попытки что-либо предпринять... Остаётся только пережить. Каждый день захожу в комнату, стою возле покойного и кажется, что отец с нами, что он спит... Лишения, страдания, невзгоды берут свое... Тянутся дни... февраль подходит к концу.

* * *

Несколько наладилась выдача хлеба, и он стал чище, с большим процентом муки. Всё же смертность усиливается, истощённых людей уже не может спасти этот минимальный паёк. Все так ослабели, жизнь едва теплится в каждом, и от малейшей случайности, вернее, потрясения — обрывается. Например, печальную историю поведал мне Роберт. Человек, лежавший в больнице в его палате, очень ждал посылку с Большой земли, но пришло письмо, прорвавшееся сквозь линию фронта. Родные написали ему, что им по радио сообщили, что в Ленинград пробились эшелоны с продуктами и голод ликвидирован, и они бесконечно рады и счастливы за него и за всех ленинградцев. Бедный человек, он не смог поверить этим сообщениям, они противоречили действительности. Мечта о посылке стала несбыточной. Он был потрясён и умер к вечеру от отчаянья. Многих уже не может спасти и питание. Всё ж, если б оно было, смертность снизилась бы...

* * *

Сообщение о продуктах оказалось всего лишь преждевременным, но верным. И вот в марте началась выдача микропайков всему населению. Первое, что я получила, была чечевица. Так бережно, боясь просыпать хоть зёрнышко, отделили мы с мамой небольшую долю и тотчас поставили варить. Получился божественный суп. Он доставил такое наслаждение, этот горячий навар, пусть и не густой. Но и такой суп совершенно неожиданно оказался большой нагрузкой на пустой желудок, отвыкший от еды. Я вдруг ощутила такую тяжесть, словно съела целое ведро, а не чайную чашку. Я даже испугалась, что начинается заворот и стала ходить, вышла на улицу, обошла дважды наш квартал. Наконец, почувствовав облегчение, поспешила в больницу накормить Роберта чечевичным супом. Бедный отец, не дожил...

* * *

Хорошо, что первые наши пайки были минимальными. Изголодавшиеся люди набрасывались на еду и погибали. Отвыкший желудок не справлялся, необходимо было постепенно вернуть его к деятельности. Но многие съедали всё сразу, а некоторые даже не могли дождаться, пока сварится, и выхватывали ложками из кипящего котелка. Правда,

редко, но было и так, что у человека был такой страх перед голодом и полным отсутствием еды, что он смотрел на то, что получил, и боялся съесть, чтоб вновь не остаться без всего. И голод переживают разное: одни тихо слабеют и, засыпая, умирают, или молча падают, как подкошенные, у других на почве дистрофии развиваются недуги, причиняющие страдания, у иных голод вызывает спазмы желудка и сильные боли. Особенно часто так страдают подростки. В булочной порой разыгрываются тяжёлые сцены, когда парень вырывает у кого-нибудь из рук эти несчастные 100 граммов хлеба, бросается на пол и запикивает в рот, не спасаясь от побоев. Пострадавший — такой же голодный, истрадавший человек, этот кусочек хлеба для него единственный ресурс, иногда тут же была не только его доля, и вот предстояло вернуться к родным с пустыми руками... А как смотрели голодные люди, какие встречались глаза, полные страдания... Норма должна быть одна для всех, приходится делить всё поровну, но это несправедливо, у каждого человека свой минимум. Та доля, на которой может продержаться один, другого не спасает. Микропаёк поддерживает тех, у кого дистрофия не перешла своего рубикона. Смертность ещё не приостановлена.

ПУТЬ ЗА КРОХАМИ ПОМОЩИ

Меня очень тревожит Роберт, он так слаб, не может встать. Встретивший меня товарищ сказал, будто в Управлении по делам искусств можно что-то получить из продуктов. Оно помещалось в Большом драматическом театре им. Горького на набережной реки Фонтанки. Дни стали длиннее и много светлее, хотя морозы ещё держались большие, но солнце пригревало днём, с крыш капало, местами на дорогах подтаивало. Переходя площадь Ломоносова, я вдруг по колени повалилась в воду. Оказалось, под люком растаял снег, сверху корочку льда припорошило, и дорога казалась ровной. С трудом выбралась из этой кругом обледеневшей ямы. Какой же толщенный слой снега лежит на дорогах, крышах, во дворах. Мокрые ноги схватило морозом, я поспешила, чуть не плача. В Управлении оказалось тепло, в окна светило солнце, топилась печурка. Мне сказали, что относительно какой-либо помощи я должна обратиться в Кировский театр к директору Белякову. Я попросила разрешения погреться у печурки и подсушить ноги. Обувь и чулки промокли насквозь. Предстоял такой длинный путь до дома в мокрой обуви в мороз. Я была в отчаянии. А здесь, в Управлении, совсем не чувствовалось бедствия, служащие сидели нормально, сняв пальто и платки. Показалось даже, что не было такого голода. Вдруг остро засосало под ложечкой. Я решила хоть воспользоваться теплом и просушить ноги. Вид у меня, конечно, был очень жалкий, а недовольные, холодные взгляды служащих меня угнетали. В комнату вошла начальница гос. эстрады

Юлия Петровна Нивэ. Из очень полной женщины она превратилась в совсем стройную даму. Перемена во мне поразила её, она за улыбкой и шуткой поспешила скрыть это впечатление и сказала, чтоб меня подбодрить: раз целы кости, мясо всегда нарастёт, и что я ещё затанцую с таким же успехом, как раньше. Но получилось наоборот. Нервы мои сдали, хлынули слёзы, и я дала им волю, надо было выплакать всё своё отчаянье от постигших меня неудач — напрасно совершённый далёкий путь сюда, мокрые ноги и, главное, то, что я совсем не напоминаю бывшую себя, и на то, что когда-нибудь затанцую, нет и не может быть надежды, я стала старухой. Попав в нормальную, как мне показалось, обстановку, по сравнению с той, в какой я жила, я это остро и с болью осознала. Юлия Петровна прибавила топливо в печурку и предложила сесть поближе, и сразу все сидящие в темноте проявили участие, просили, чтоб я сушила чулки и сапоги без стеснения. В конце концов всё подсохло, и я пустилась в обратный путь.

* * *

Сегодня я ходила в театр. Директор Беляков ответил, что у него ничего нет, будто всё в управлении. Создалось впечатление, что мне верно подсказали, что всё же что-то имеется. Я ходила несколько раз туда и сюда, пока не столкнулась в дверях Управления с начальником Борисом Ивановичем Загорским, который сразу спросил, что с Робертом Гербеком, и, выслушав меня, тут же дал распоряжение некоему Гаврилову В.П. выдать масла и шоколад. Услыхав в ответ, что ничего нет, Загурский повторил настоятельно: «Надо дать. Гербек заслужил, чтоб его поддерживали». Гаврилов позвал меня и в каком-то закутке предложил пакетик крупы и немного сахара. Я была счастлива и этому.

Встретилась с народным артистом Н.Я.Янетом. Он не сразу понял, кто я, пришлось отрекомендоваться. Янет признался, что его ужасает мой измученный вид. От него я узнала, что театр музкомедии готовится к открытию сезона. Больно жжалось сердце при мысли о себе. Так хотелось стать полезным человеком, вернуться к своей деятельности. Я сказала об этом Янету. Он посоветовал обратиться к режиссёру А.В.Пергаменту, который собирает группу артистов в Доме культуры им. Промкооперации.

Я решаюсь обратиться к Пергаменту. Я готова согласиться на любую работу, гримёршей или костюмершей, и на что угодно. Ни на что не надеясь, я пошла. Несколько раз обошла здание ДК, пока во дворе не нашла дверь, которая была не заперта. Долго бродила по пустому зданию, и наконец встретила человека, который указал мне, где находится Пергамент. Я постучала в дверь, голос ответил: «Войдите». Я вошла. Холодное помещение, серые стены, железная кровать. Человек лежал под одеялом в пальто, шапке, обмотанный шарфом. Я сказала, что ищу Пергамента. Подняв голову, он посмотрел на меня и ответил, что это он,

и снова опустил голову на подушку. Я назвала себя. Он быстро поднялся и сел на кровати, спустив ноги, тоже трудно узнаваемый. Извинившись передо мной, что не узнал меня, огорчил тем, что собирает артистов драмы и вряд ли сможет предложить мне что-либо, но всё же любезно записал мой адрес и обещал дать знать, если я окажусь нужной. Разочарованная, вернулась домой, хоть сама не представляла, на что смогла бы быть способна. Но сердце щемило... больно... больно...

* * *

Март принес улучшение. Микропайки выдаются систематически, раз в неделю: 200 грамм крупы; в следующую: сахар; потом жиры, дальше 25 грамм шоколаду и т.д. Ведал выдачей товарищ Андреевко, и, конечно, он стал очень популярен, уважаем и любим. Подходило начало недели, все ждут: «Что-то подкинет нам товарищ Андреевко». Очень продумана последовательность выдаваемых продуктов и отлично организована. О выдачах объявляется по радио, печатается в газете, указываются числа выдачи, какой продукт, в каком количестве. На первых порах люди спешили получить и образовывались большие очереди, а теперь в дни выдачи открывают продуктовые магазины во всех районах города.

Я как-то разговорилась в очереди с женщиной, стоявшей рядом, безусловно интеллигентной, и вдруг наш разговор стал интересным, и в первый раз за период блокады отвлек мои мысли от действительности. Мы встречались ещё пару раз, а сегодня она рассказала мне свой странный сон. Ей приснилась война, окопы, шёл бой, и это происходило то зимой, то летом, чередуясь несколько раз. По её мнению, это значило, что война продлится несколько лет. Потом во сне ей показались вдали высокие горы, и из-за них грозно поднималась фигура фашиста-исполины, она росла и ширилась, наводила ужас, была готова повалиться и задавить всё, грозила гибелью нашей стране, и когда конец казался неизбежным и огромная фигура вот-вот задавит, она вдруг начала как-то странно крениться на бок, всё больше и больше, и рухнула за горы... Вместо неё, освещённая ярким солнцем, поднялась фигура Вождя. Женщина решила, что, судя по этому сну, Победа начнется с юга, с Кавказа. Эта встреча у меня была в марте 1942 г. Рассказанный ею сон произвёл на меня впечатление, меня ужаснула мысль, что война может продлиться ещё несколько лет, я не хочу и не могу этому поверить, всё же этот сон записываю... В Победе не сомневаюсь...

«ВЫГРУЗИТ ТОВ. САХНОВСКАЯ»

В конце марта вышло распоряжение всему населению выйти на трудовые работы по очистке дворов и улиц от снега и нечистот. Я получила повестку и наутро вышла во двор скалывать лёд. Конечно, работать ломом было не под силу, снег обледенел, слой толщенный, но я не одна, все измучены, но вышли убирать... В толще снежного слоя находятся замёрзшие люди...

Прошло две недели, дворы нашего большого дома и улицы очищены. Как справились, не понимаю, все были такие же, как я, качаются от ветра. Когда загрузили доверху последнюю грузовую машину, наша бригадирша вдруг сказала, что отведёт и выгрузит её тов. Сахновская. Села я в кабину машины, как приговорённая: как я смогу одна выгрузить целую машину? Шофёр, молодой паренёк, был прислан с фронта, он покосился на меня и стал расспрашивать, кто я и что, и как думаю справиться с выгрузкой. Всё обошлось просто: он открыл борта и сам всё скинул.

* * *

К середине апреля завершена уборка города, дворы и улицы стали чистыми. По одному маршруту пущен первый трамвай. Открылись бани. Увеличились немного пайки населению, а специалистам, имеющим звания, назначены дополнительные. В Елисейевском гастрономе я получила спецпаёк на Роберта Гербека. Пакетик крупы, муки и сахару. Добрая Мария Ивановна Иванченко, директор магазина, сама заботливо привязывает его мне на спину. Паёк очень поддержал нас. И в больнице улучшается рацион, и постепенно у Роберта начали восстанавливаться силы; он уже может сидеть на кровати. И наконец настало утро, когда его впервые две санитарки, поддерживая под руки, поставили на ноги. Как он выразился, пол ушёл из-под ног, в глазах потемнело, закружилась голова, лицо стало серым. Его сразу уложили. При этом присутствует сам профессор Михаил Дмитриевич Тушинский. Он успокоил нас, что всё естественно, и Роберт научится снова ходить, а там и танцует лучше, чем прежде.

* * *

Роберт начал вставать, и его перевели в спецкорпус, в маленький одноэтажный флигель во дворе больницы, и будут выводить на крыльцо греться на солнце. Спасибо Михаилу Дмитриевичу: своей заботой он сохранил Роберту жизнь.

* * *

Почти рядом с нашим домом в соседнем квартале открылась баня. Я повела маму и сестру мыться. У нас тоже кружились головы, темнело

в глазах, но мы испытывали блаженство. Почти четыре месяца мы не раздевались. Я только вытирала лицо вазелиновым маслом. Больно было видеть, на что все стали похожи, живые скелеты. Мы старались не смотреть друг на друга.

* * *

Весна, солнце греет, стаял снег. Иней на стенках наших комнат расплылся мокрыми чёрными пятнами. Я с ужасом увидела изменения, происшедшие за эту ночь. Вдруг запали глаза. Надо скорей хоронить. Поспешила на Смоленское кладбище, там захоронен мой брат. На кладбище сказали, что требуется разрешение от председателя райсовета. Усталая, поплелась по Васильевскому острову. Сколько разбитых домов, как пустынно, совсем нет людей, так страшно одной, город беспрерывно обстреливается. В райсовете никого не застала, двери заперты. Придётся прийти завтра.

Страшно ходить так далеко, всё время летят снаряды. В райсовете меня принял молодой человек и сказал, что кладбище для захоронения закрыто и разрешение он дать не может. Я разрыдалась. Мне казалось необходимым, чтоб отец покоился рядом со своим любимым сыном, моим братом, и сказала тов. председателю, что это было бы хоть каким-то утешением. Он оказался отзывчивым человеком и подписал мне разрешение.

Где достать гроб, как отвезти покойного на кладбище? Всё оказалось очень сложно. Несколько дней тщетно металась, пока не заговорила с какой-то женщиной в нашем дворе, которая указала мне квартиру, где живёт старик-дворник. Волнуясь, я постучала в дверь его комнаты. И неожиданно он согласился сколотить из досок ящик подобие гроба и на тележке отвезти покойного на кладбище. Расплата хлебными талонами. Видя моё волнение и сомнение, он уверил, что достанет и доски, и тележку, и всё сделает. Боясь верить, поспешила в больницу. Роберт сидел на крыльце, бледный, истощённый, но заявил, что пойдёт со мной на похороны. Я испугалась за него, но впереди ещё несколько дней, там видно будет.

Товарищ дворник не обманул. Сколотил гроб и достал тележку. Хороним отца. Маму уредила остаться дома, она так слаба, плохо ходит, может только осложнить, ведь если не дойдём, я же не смогу оставить её одну на улице, и все сорвётся. Роберту выписаться из больницы ещё не разрешили, но он неумолим. Согласился хоть проехать на трамвае до Васильевского острова, а там встретиться с нами и до кладбища пройти пешком.

И вот человек везёт тележку с гробом, а я бреду сзади. День холодный, резкий ветер, пасмурно. В памяти воскресает всё... и то, что порой заслоняла жестокая борьба за существование. Воскрес в памяти и весь облик благородного отца, всеми уважаемого и любимого человека,

и этот тяжёлый путь к смерти голодной, и все безропотно принятые страдания... не забыть и не уйти от этой тоски...

Проехав Тучков мост, трамвай шёл налево, а к кладбищу надо направо. Роберт сошёл с трамвая и поджидал нас. Надо было пройти в глубь кладбища. Бросились в глаза разрушения, разбитые памятники, опрокинутые кресты, посечённые деревья... Пришли к месту. Подоспели и могильщики, сняли гроб на землю. Тележка уехала, а могильщики начали рыть могилу. Земля — как камень, ещё не оттаяла. Вдруг завывла сирена... Сказав нам, чтоб мы подождали, что они будто сейчас вернутся, эти двое ушли, мы остались... Загудели бомбардировщики, начался налёт... запалили наши зенитки совсем над головой. Мы попытались сами рыть могилу, но сил не хватило. Близко охнул снаряд... начался ад... Прижавшись друг к другу, мы легли на землю рядом с гробом. Кругом что-то рушилось, гремело, сыпалось... земля гудела и точно вздрагивала при взрывах... ветер подвывал. Начали коченеть руки и ноги, лежать неудобно и утомительно, а над головой идёт бой... наши лётчики отгоняют мессеров... Вспышка выстрела, как молния, и медленно затем расплывается оставшееся в небе облачко, иногда их скапливается несколько... самолёты исчезают за тучки и снова появляются... бой удаляется и надвигается. Ещё прибавился и артобстрел... Неужели не удастся захоронить? Столько преодолено препятствий, и вот на последнем этапе срывается. Роберту уже надо возвращаться, он устал, измучился, у него такое изнурённое лицо. Мы поднялись, прикрыли гроб сухими ветками и побрели искать сбежавших могильщиков. Они сидели в камерке служебного помещения, где топилась печурка, и мирно что-то ели. Наше появление смутило их, и они поспешно вывели нас к месту, где остался гроб. Но рыть могилу отказались, решили, что лучше делать это ночью, предварительно накинув цену за работу. Назначив час на следующий день, уверили нас, что последят за гробом. Опечаленные, с чувством невыполненного долга побрели мы молча домой. Ещё один день. Но лишь бы сохранился гроб с телом покойного. К счастью, с пути попался трамвай. Я проводила Роберта до больницы и потащила домой. Тоска давила сердце, угнетало, что гроб не опущен в землю... Тревога настигла меня почти возле дома. Налёт свирепствовал дальше, был интенсивнее дневного.

Утром поспешила за Робертом в больницу, и мы вместе едем на кладбище. Оно ужаснуло нас, сердце замерло при виде такого разрушения. Кругом изувеченные деревья, со сбитыми кронами, разбитые памятники. Надгробие в человеческий рост коленопреклонённого ангела стоит с оторванными крыльями и разбитым лицом, кругом щебень набитого мрамора, несколько дальше надгробие детской могилы — фигурка херувима с молитвенно сложенными ручками и оторванной головкой, в стороне развороченный склеп зияет чёрной дырой, словно огромный, вопящий рот, сбитые кресты валяются, другие покосились,

груда посечённых ветвей и только, словно символизируя стойкость, среди этого разрушения возвышается нетронутым постамент с бюстом академика Зернова. Спокойным казалось его лицо с вдумчивым, мудрым взглядом. Что натворил вчерашний налёт! Мы бросились искать могильщиков. Они успокоили нас, что всё цело и могила готова. Миновали снаряды нашу часть кладбища. И вот опускается гроб в могилу, бросаем горсти земли... Земной путь закончилось наконец и тело покойного отца. Останки преданы земле.

Когда за что-то бьёшься и преодолеваешь, казалось, всё невозможное, то ждёшь какого-то облегчения, но это обманно. Вновь переживаю утрату, точно теряю вновь. Терзает, что не дождался, бедный, улучшения, не поел досыта, так и ушёл из жизни голодный.

* * *

Заметны перемены к лучшему. Упорядочилась выдача продуктов по карточкам. Даже было опубликовано извещение о выдаче свежего мяса. Сколько волнения, какое возбуждение царило в магазине. Делить тушу на граммы, мыслимо ли, чтобы были одинаковые порции? А голодным людям обидно, одни плакали, другие поднимали крик, продавцы нервничали, грозили перестать продавать. И не осудишь, жалко и больно за людей, до чего довёл голод.

Наступила весна. Солнце светит ярко и греет допоздна. Мы скинули зимнюю одежду, жадно вдыхаем свежий воздух и ароматы первых зелёных побегов, едим травку и почки. Наши учёные исследовали травы и в Елисеевском гастрономе сделали витрину — выставку с образцами трав, годных в пищу — лопух, лебеда, крапива, почки и т. д. Мы точно возрождались.

Жизнь — это дар природы, здоровье — это благо, разум — это высшее проявление природы, дарованное только человеку.

Но у души свои запросы. Она у нас скорбит...

Затосковали мы с Робертом по нашему искусству, захотелось деятельности, быть полезными нашему городу. Но сил нет и, казалось, они никогда не вернуться.

НАС ВКЛЮЧИЛИ В БРИГАДУ

Роберт выписался из больницы.

Мы узнаём, что руководство Кировского театра собирает оставшихся в живых артистов. Оказывается, сформирована первая бригада и начинает свою концертную деятельность по обслуживанию Красной Армии, Краснознамённого Балтфлота и госпиталей. В театре наше появление тепло встречено, и тотчас нас включили во вторую концертную бригаду. Мы счастливы...

И вот... неужели?! С большим чемоданом два жалких дистрофика спешат к месту сбора. Было пущено ещё 2–3 трамвайных маршрута, проехать к театру мы смогли часть пути, а большую пришлось идти пешком. То там, то здесь рвались снаряды, руки оттягивал чемодан с костюмами, мы выбиваемся из сил и просто теряемся, за что нам волноваться: за свою жизнь или же за то, что опаздываем и заставляем ждать товарищей, или — а это главное — за то, как мы будем танцевать после такого перерыва, такие исхудавшие и слабые... Когда мы подошли к театру, обстрел усилился. Все были в сборе, и грузовик ждал. Бедный наш театр, в него попало 18 снарядов. Одна фугаска разрушила правое крыло здания.

Все сели в машину и поехали. Наш шофёр сразу набрал скорость, стараясь выехать из зоны обстрела. Тяжёлое впечатление произвела площадь Труда. Свежие следы разрушений. На скамейке лежит убитый человек, исхудавшее тело его скорее похоже на брошенную одежду. Под ним маленькая лужица крови, цветом похожая на ржавчину. Вся, что была. Враг глумится над городом, день и ночь летят снаряды и хватают свои жертвы. Систематически обстреливаются перекрёстки и целые районы. Снаряды летят в самое неожиданное время и врываюся в самые, казалось бы, защищённые места. Смерть находит людей на улицах, на работе, дома, во время сна, не щадит и детей... Наконец мы приехали, оказалось — автобаза. Крошечная эстрада в большой комнате. Наш первый зритель — небольшая группа людей в шинелях и ватниках, шофёры — герои, совершающие множество рейсов через Ладогу.

Давно забытое волнение — как возвращение к жизни! Но сможем ли мы танцевать, хватит ли сил? И станет ли зритель смотреть на таких дистрофиков? Мы очень изменились, костюмы болтаются, как на вешалках. На руки мне приходится надевать длинные лайковые перчатки, на плечи пелеринку. Хочется чем-нибудь завесить и постаревшее лицо... Знакомые аккорды. Сердце заколотилось, неуверенно поднялись мы по ступенькам на эстраду. Ноги с трудом поспевают за музыкой. Всего несколько движений, а мы уже почти выбились из сил. Голова кружится, в глазах темнеет, несколько раз мы солидно споткнулись, едва удержавшись на ногах. К счастью, я в «наилегчайшем весе», и Роберт Гербек с трудом, но может поднимать меня. Скорее бы конец, только бы дотянуть... И, о радость — аплодисменты, аплодисменты! Мы — артисты...

После концерта нас не могли развезти по домам, машина шла до места сбора, к театру. Артисты высаживались по пути, кому где ближе к дому. Нам пришлось порядочную часть пути пройти пешком. Снаряды хлопают, на улицах ни души, уже комендантский час, но нам, артистам, выданы пропуска с разрешением ходить по городу в любое время. Измочаленные вконец, едва передвигая ноги, мы плетёмся с трудом, такие счастливые, не верим самим себе, неужели мы танцевали?

* * *

Небольшой бригадой едем на передовую в Автово. Сложен путь по тёмным улицам вымершего города, с разрушенными домами. Едем в открытой машине, молча прижавшись друг к другу, стараясь подавить тревогу из-за родных, оставленных дома, напряженно вслушиваясь в темноту, мучительно ожидая обстрела... сочувствуя шофёру, которому в темноте приходится угадывать направление, повороты, разбитые дома... Наконец остановились возле одного из нескольких маленьких домов на пустыре. Попросят быстрее выгружаться, входить в дом... Враг близко и, заметив малейшее движение, начинает обстрел. Это передний край обороны наших военных частей, впереди фашистские окопы... Здесь расположилась наша пограничная группа, подвергавшаяся обстрелу в любой час дня и ночи. В маленькой комнате для группы бойцов, свободных от «дела», даём концерт. Певцам и чтецам легче, а танцевать классику в домашней обстановке всегда трудно: мало места, близкие взгляды, но мы танцуем, и страшная действительность, затаившаяся за порогом этой комнаты, отступает. Все мы — артисты, и зрители — забываем о ней и отдыхаем душой. Ласково блестят молодые глаза наших друзей. Долго ли им смотреть на мир? Они благодарят нас, зовут ещё... А потом, когда мы переходим в другой домик, девушки провожают нас и объясняют, как надо соблюдать меры предосторожности, и даже стремятся прикрыть нас собой от вражьей стороны. И какими родными стали эти люди, какой радостью и тревогой за них наполнилось наше сердце. Не хотелось уезжать... И вот опять едем во тьме... ветер... мы устали, но сна нет. И цел ли дом, живы ли родные? Тревожно... холодно... хочется есть... устали...

* * *

Нелегко даётся нам наше возрождение к деятельности. Духом мы воскресли, но физически приходится тяжело. Всё тело ноет, болят ноги, истощённый организм требует настоящего питания, а наш рацион ещё мал, постоянно мы испытываем мучительный голод. За ночь не успеваем отдохнуть. Но, несмотря на это, наступает новый день, и мы с радостью принимаем предложение выступить в концерте, а то и в двух. Это входит в систему, и пришла пора подумать о тренаже. Наша военно-концертная комиссия расположилась на ул. России, 2, в нашем хореографическом училище, заняв две комнаты на пятом этаже. Эта организация планирует нашу шефскую работу. Она принимает заявки на концерты от воинских частей, госпиталей и т. д., составляет программы и приглашает артистов, составляет бригады. Приезжая в училище раньше, до выезда на концерты, мы понемногу начали заниматься тренажем в нашем репетиционном зале. Приходят и другие наши коллеги: Надя Красношеева, Вера Мацкевич, Мара Полунина и другие, такие же отошавшие и слабые, как мы.

* * *

1 мая 1942 года. У нас три концерта: в авиачасти, у бойцов и в госпитале. Я взяла отдельную тетрадь и записала эти выступления, и впредь буду записывать все наши выступления.

2 мая. Как и вчера, снаряды летят с утра. Сегодня едем мимо Невской заставы, за Кировский завод, через вторую заставу. Приехав, мы сначала отсиживаемся в подвале, пока идёт обстрел, очень интенсивный, снаряды рвутся рядом. Когда несколько стихло, нас перевели в большое помещение первого этажа недостроенного здания с неоштукатуренными стенами, и амбразуры окон не везде прикрыты фанерой. День холодный, ветер гуляет... Условный «зал» забит бойцами в шинелях, ушанках, а некоторые были и с автоматами. Настроение тревожное, но необходимость выступить, ухитриться переодеться и причесаться за щитом, отгородившим нас от публики, несколько отвлекает от всего. Артистам других жанров хоть не приходится переодеваться. Певцы просто натягивают концертные платья поверх своей одежды — все же так исхудали. Балету приходится натягивать трико и лёгкие костюмы. И вот, казалось бы, полностью отсутствуют условия для вдохновения: холод, желание поесть, тревога, неудобства, маленькая сценка, и всё же, всё же приходит вдохновение. Столько глаз следят с таким вниманием, и такими они кажутся близкими. Сроднила нас одна обстановка, общие страхи, лишения, бедствия... Может быть, в последний раз будем танцевать, пусть танец увлечёт нас всех вместе, как и весь концерт. Прочь война, хоть на миг забудем о ней... Кончился концерт. Беспорядочно хлопают снаряды, то близко, то подальше... К нам подходят, благодарят. Совсем юный боец торопится высказаться: «Хороший концерт, послушал, и немного в себя пришёл. Психанул очень... вот на шинели кровь и мозги... товарища убило на глазах, совсем рядом стояли... Ужасно психанул... Не стало товарища... вот помогли вы мне немного отдышаться, в себя прийти... понял, мстить надо за товарища, ответят фашисты проклятые за каждого, за каждую жизнь... хорошо, что вы приехали, очень психанул... прийти в себя не мог, ведь в первый раз увидел такое. Спасибо, приезжайте ещё».

Никогда не забыть его лица и прерывающегося голоса.

* * *

Большое количество раз мы выступаем в госпиталях. В городе заметно увеличивается число раненых. Все школы, клубы, институты, многие больницы превращены в госпитали, переполненные изувеченными людьми... кто без ног, кто без рук, кто на носилках или в креслах... какие измученные, страдающие лица. Ну как можно перед ними танцевать? Пение, музыка, сцена — это одно, а прыгать перед человеком, лишённым возможности двигаться, значит — усугублять его и без того угнетённое состояние. Меня уверили, что раненые очень любят балет.

Трудно было пересилить себя и настроиться на выступление. Потом я поняла, что была не права, мы не просто демонстрировали конечности, а заставляли людей вернуться в мир красоты. Когда после нашего номера раздались голоса «ещё, ещё», мы были счастливы, и нам так хотелось доставить нашим зрителям хоть маленькое удовольствие, что мы не заставили себя просить и пробисировали с лёгким сердцем, забыв даже о тяжести в ногах.

У нас очень болели колени от нагрузки. Слабые, после дистрофии, с опавшими мышцами, одни сухожилия и связки. Танцевать начали сходу, едва Роберт выписался из больницы. Вот в коленях и полопались мелкие кровеносные сосуды и причиняли немало мучений, ноги отекали. Садись и вставал с трудом, и, чтобы станцевать, приходилось предварительно очень долго делать разминку. Холод и нетопленые помещения затрудняли этот процесс. Мы сравнивали себя с грузовыми машинами, газогенераторами, которые перед тем, как сдвинуться с места, долго пыхтят и шипят, пока, разогревшись, не трогаются в путь.

У НАС СЛОВНО ВЫРОСЛИ КРЫЛЬЯ

17-го мая. Первый открытый «афишный» концерт в Большом зале филармонии для города. Мы танцевали вальс Штрауса. Большая площадка требовала размаха и вдвое больше сил. Конечно, станцевав, мы задохнулись и за кулисами упали на стулья. Товарищи говорили, что наши лица не только побледнели, а даже почернели сквозь грим. Мы были на грани потери сознания, но духом вознеслись, парили высоко над ужасами войны и блокады, танцевали с упоением и восторгом. Хоть бисировать не рискнули, но на поклоны откуда-то взялись силы. Сцена большая, конференсье, волнуясь за нас, умоляла не бежать к рампе, а кланяться тут же у выхода, но у нас словно выросли крылья.

20-е мая. Произошло значительное событие в нашей блокадной жизни. Накануне Роберта Гербека вызвал начальник управления по делам искусств Борис Иванович Загурский и предложил организовать и возглавить коллектив балета. Но Ольга Иордан опередила Роберта: когда наутро мы пришли в репетиционный зал на ул. Росси, 2, она встретила нас с листком бумаги и предложила расписаться, если мы желаем вступить в коллектив. Ни слова не сказав, Роберт записался, и я тоже. Теперь мы коллектив балета. Танцовщиц оказалось немало, кроме театра им. С. М. Кирова подключились и артистки Малого оперного. Мужчин, наоборот, мало, всего несколько человек. Мастеров с именами всего двое: Ольга Генриховна Иордан и Роберт Иосифович Гербек. Они вошли в состав Художественного совета, осуществляющего руководство труппами оперы и балета. В состав труппы балета вошли артисты: М. Ф. Кирхгейм, М. С. Добролюбова (репетиторы), Красношеева Н. В., Пешкина Л. Я.,

Сахновская Н.П. (солистка), Гемпель Е.В., Владимирова И.В., Алексеева Г.В., Ганус Т.С., Чернова А.М., Никольская Г.А., Фельтен Г.А., Юрьева К., Иванова Т.В., Дмитриева З.О., Мацкевич В.Л., Стрельникова Л.В., Дубовицкая М.В., Сокольская М., Томсон В.Э., Васильев Г.П., Авдеев П.Ф., Углич М., Шмырова Т.И., Серебрянников Н.Н., Шехматов Н.

Ольга Генриховна предложила программу, разработанную А. Я. Вагановой, но не осуществлённую осенью 1941 года. Балеты: фрагмент из «Пахиты» и дивертисмент, «Эсмеральда», «Шопениана» и «Конёк-Горбунок». Начать решили с концертной программы так называемого «Вечера балета» и сразу приступили к репетициям. С сегодняшнего дня уроки-тренажи стали обязательными, организованы, как должно, в определённый час, с педагогом и музыкальным сопровождением. Преподают и репетирует О.Г.Иордан хорошо, и наши концертмейстеры М.Граминицков, Ю.Грейс, Е.Соколова, прекрасные пианисты, тоже самоотверженно трудятся, несмотря на нетопленые помещения, где кочуют руки, холодные клавиши рояля, которые они заставляют тепло и одухотворённо звучать. После репетиций мы с Робертом, Н.Красношеевой, В.Мацкевич, М.Дубровицкой и многими другими отправляемся на концерты, продолжая свою военно-шефскую деятельность. Концертные бригады составляют смешанные, из артистов разных жанров.

23-го мая. Второй открытый афишный концерт для горожан в зале Камерной музыки. Сцена небольшая. Всё прошло хорошо, на подъёме. Но меня смущает мой вид. Роберт танцует этот вальс Штрауса во фраке, худой, но хоть всё закрыто, а я в бальном платье, как швабра: палка, а на голове шевелюра. Меня пугали мои кости. Но когда я получила письмо от неизвестной девушки, я поняла, что ошибаюсь, и успокоилась. Выписываю из письма: «Теперь я очень люблю и уважаю, и всегда буду уважать артистов. Зимой 42-го года мы с сестрой всю семью потеряли, остались одни, такие несчастные, такие жалкие, голодные... только о еде и говорили и думали. Но вот шли мы как-то мимо театра, смотрим, люди туда заходят, и вдруг решили тоже зайти. Стоял лютой мороз, дома темно, холодно, есть нечего. Что мы теряем? Хоть погреемся. Зашли, сели. Погреться, правда, не удалось, было холодно, но хоть светло. Поднялся занавес, и вдруг исхудавшие, продрогшие и жалкие артисты на сцене пели и танцевали. Мы были так благодарны им, и очень тронуты тем, что такие же несчастные, как мы, а нас отвлекали и развлекали. Мы забыли о своих горестях. Ложась в холодные кровати в темноте, мы в первый раз не говорили и не думали о еде, а делились впечатлениями. С тех пор стали часто ходить в театры. Артисты нам очень помогают пережить это тяжёлое время, и мы всегда будем вас любить и очень, очень уважать».

Я-то мучилась, стыдясь худобы, как я не поняла, что сытые и холёные, мы были бы чужды измученным людям, а разделив общую участь, близки и уважаемы.

Возврат к артистической деятельности был для нас величайшим счастьем. Захваченные общим подъёмом, мы работаем с большим рвением. Приносить пользу, служить защитникам нашим и подвижникам-ленинградцам стало самой насущной моральной потребностью. Ещё мало сил, не хватает дыхания, темнеет в глазах. Иногда не удаётся закончить танец, теряю сознание. Но в таких случаях наши зрители высказывают большое сочувствие и теплоту. Надеюсь, что силы восстановятся.

28-е мая. Мы едем на концерт, как обычно, бригадой довольно большой. Хочется есть после тренажа и репетиции. Наверное, никогда мы не перестанем испытывать это противно-мучительное чувство. Но ещё светит солнце, и когда светло, настроение бодрее, слышатся шутки. На лицах даже улыбки... Вдруг взорвался снаряд — один, второй ближе... Смолкли все, замерли... Взрывы сотрясают воздух, то по два-три раза подряд, то с интервалами. Машина прибавляет скорость, стремясь вырваться из зоны обстрела... Выехали на площадь, снаряды рвутся кругом, люди попрятались, машины мчатся прочь, а в центре тоненькая девушка в милицейской форме регулирует движение. Бледная. Ни кровинки на лице, но стойко не покидает своего поста. Так страшно было за неё, но как восхищает такое мужество... со всех сторон летит смерть, а она остаётся на своем посту. Теперь в страшные минуты вспомнится бледное лицо милиционера и придаст мне мужества и силы преодолеть страх, не буду прятаться и прерывать занятий или пути, и буду помогать другим не поддаваться паническому страху. Но, казалось бы, зачем, когда идёт обстрел, артистам ехать на концерт? Зачем рисковать лишними жизнями? Что случится, если не состоится который-нибудь из них? В мирных условиях это всего лишь разочарование, пусть досадное, группы людей, мечтавших получить эстетическое удовольствие.

Но в блокаду это нечто гораздо большее: это отдых, момент забвения, уход от тяжёлой действительности, моральная поддержка. В комнату, где мы передевались после концерта в госпитале, пришли три молодых женщины — врач-хирург и две медсестры. Поблагодарив за концерт, они поведали нам, что не забыли о том, что есть поэзия... Им приходится по несколько суток не выходить из операционной, размещённой в самом укромном от бомбёжек месте, без окон, без вентиляции... вереницей проходят носилки с ранеными... нечеловеческие страдания, загноившиеся раны, раздробленные кости. Нужно скорее оказать помощь... Забыв о пище и отдыхе, задыхаясь от запаха гниения, трудятся они, спасая жизни, пока в изнеможении не падают тут же на койку, чтобы проспать два-три часа, вскочить снова и занять место у операционного стола, не успевая выйти и глотнуть свежего воздуха, не зная подчас день или уже ночь... А раненые прибывают и прибывают, и нет конца потоку носилок, и кажется, что вся жизнь — одни страдания истерзанных людей... нет солнца, нет воздуха, забыты улыбки...

И вдруг маленькая передышка в их труде дала им возможность подняться из операционной, и концерт перенёс их в иной мир. Они сказали, что получили необходимую зарядку, что раз живо искусство в городе, сжатом вражеским окружением, значит выстоим и победим. Их «спасибо» — доброе и радостней всех похвал, отсюда мы и черпаем вдохновение.

* * *

Белые ночи... Светло, тепло... Открылись окна в домах... ослабевшие люди поднялись с постелей, подобрались к окнам и подворотням домов погреться на солнышке... подышать, порадоваться весне... Завыла сирена... загудели бомбардировщики, бьют зенитки, летят снаряды... всё превратилось в ад. Но кусты и деревья продолжают цвести, травка пробивается даже между асфальтом... Жизнь не остановишь. Не остановить и нас, людей. Мы уже не те жалкие, страдающие подобия, в которых едва теплилась жизнь, мы — Люди. Пока живы, не уступим.

Весь май трудились без единого выходного, и каждый день несёт своё, но всего ведь не опишешь.

5-е июня. Выступаем перед транспортной авиацией. Вот истинные герои. Они делают по 6–7 рейсов сверх нормы, в день по 6–7 раз лишних прорываются сквозь линию фронта, чтоб доставить ленинградцам продукты. Нам рассказали, как они заботятся о том, чтобы перевезти как можно больше, загружая самолёты до отказа, и стремятся захватить каждый лишний килограмм, даже если под локтем у лётчика остаётся местечко, он берёт лишнюю буханку хлеба... Так хотелось, чтобы наши концерты хоть несколько успокаивали взвинченные нервы. Как ни старались они держаться как ни в чём ни бывало и улыбаться, но разве можно скрыть величайшее напряжение, пережитое во время полётов? Окруженный фашистами город, лишённый питания, и эта единственная воздушная связь, как ниточки или тончайшие кровеносные сосуды, поддерживающие жизнь замёрзшего города, большого оцепеневшего организма... как подстерегали их фашисты, стремясь прервать эту связь. Приезжая сюда, мы по-особому воспринимаем наших зрителей, самоотверженных героев, рискующих жизнью всякий раз. Так хочется служить им, по-своему участвовать в их борьбе.

Июнь 1942 года. Театр Музкомедии начал ставить спектакль на современную тему. Пьесу под названием «Лесная быль» написал К. А. Гужынин. Музыка — хормейстер театра композитор А. А. Логинов. Тема — борьба наших партизан с фашистами. Режиссёр-постановщик А. Я. Янет, а балетмейстером пригласили Роберта Гербека. Он должен будет поставить танцы в партизанском стане.

На Роберта свалилось столько работы: и в нашем коллективе он единственный ведущий солист и балетмейстер, и в Музкомедии тоже, и ещё 15-го июня начнёт работать в армейском ансамбле Дома Красной

Армии в качестве руководителя и балетмейстера хореографической группы ансамбля при 42-й армии. Долго ли он сможет выдержать такую нагрузку и при этом ходить пешком на Выборгскую сторону?

Сколько бы мы ни старались трудиться, уйти от нашей действительности не удаётся. Она всё же властвует над нами. Я снова хожу той же дорогой в больницу им. Эрисмана и в то же отделение Михаила Дмитриевича Тушинского, где лежал Роберт. Слегла Верочка Полунина, сестра моего большого друга Марианны Полуниной, с которой мы вошли в один день в хореографическое училище на ул. Росси, 2 в 1922 году, сели на одну парту и подружились, наверное, на всю жизнь. Они обе вместе с Николаем Павловичем Ивановским, мужем Веры, в начале войны были командированы театром рыть окопы под Ленинградом. Чуть не попали в плен нагрянувшим интервентам. Их не отозвали вовремя, спасались бегом, и только с полпути их подхватила военная машина. Много выпало на их долю бедствий и горя, и к тому же изнурил голод. Вера с мужем (он был художественный руководитель нашего училища) находились на казарменном положении в театре. В их доме, где осталась жить её мать, няня и Марианна, возник пожар. Четыре дня горел тлеющим огнём огромный домина с несколькими флигелями и дворами, фасадами выходивший на ул. Декабристов и пр. Маклина. Тушить было нечем. Стоял лютый мороз, валил хлопьями снег... Ослабевшие от дистрофии люди тащили вниз по лестницам вещи во двор... металась в панике... На пятые сутки чудом заглох огонь, сам по себе... уцелел лишь флигель во дворе, где была их, Полуниных, квартира. Опять надрывались, втаскивая со двора вещи. За этим последовало тяжёлое горе: в один день скончались мать и няня.

В театре тоже трагедия: в здание попало 18 артиллерийских снарядов, один из них разорвался в декорационной мастерской, где работала бригада над маскировочными сетками. Все были убиты. Находившимся на казарменном положении, в том числе и Вере, пришлось извлекать трупы из-под обломков, убирать битое стекло, кирпичи, щебень и т. д. и всё сносить с верхнего этажа вниз. Было тяжело физически, и особенно морально. Так близко столкнуться с гибелью людей, живших с ними на казарменном положении в стенах театра. Весной стало возможно эвакуироваться в Пермь, где находился наш Кировский театр. Они собрались втроём, но Вера заболела и слегла в больницу, сестра Марианна осталась с ней.

* * *

12 июня умерла Вера. Тяжёлый удар для Марианны, она потеряла всю семью. Трудно поверить, что так рано оборвалась жизнь Веры. Она младшая, ей едва исполнилось 30 лет. Роберт хлопочет через театр Музкомедии машину для похорон. В больницу я не пустила Марианну, решила сама пойти просить, чтобы выдали тело покойной... Там

меня послали в морг, указали дверь в подвальное помещение. Я вошла и... ударил в нос едкий смрад... отпрянула назад, стало дурно... Но что делать? Заставила себя снова войти. Ужас... словами не передать, надо видеть. Сваленные в кучу до потолка трупы-скелеты, обтянутые серой кожей, с открытыми глазами, кричащими ртами, дыбом всклокоченные волосы... страшное зрелище так и стоит в глазах. Сколько кроется здесь муки, какая мера страданий... Слезы застелили глаза, я выскочила в отчаяньи. Как я найду Веру в такой свалке? Хотела кого-нибудь позвать, увидела дверь в здание, вошла поспешно, очевидно в анатомичку, и... на столе лежала покойная Вера... Несколько дней ушли на формальности, потом захоронили на том же Смоленском кладбище в могилу прародителей. День был солнечный, тёплый... Несмотря на горе, мы не рыдали, скорбно бродили вокруг, пока готовилась могила. Щипали и ели травку, а молодую крапиву собирали в карман на суп. С удивлением взглянула я на себя как бы со стороны — изменила нас блокада, притупилось что-то внутри, нет сил вместить все невзгоды и горе.

18-го, 19-го, 21-го, 22-го июня 1942 г. В театре Музкомедии, в здании театра им. Пушкина, состоялась премьера спектакля «Лесная бэль». Первый спектакль на современную тему. Театр откликнулся на события сегодняшнего дня. Такая серьёзная тема — и вдруг в жанре оперетты. Казалось бы, совершенно невозможно, а вот получилось. Публика приняла восторженно. Пьеса написана Гузыниным правдиво и очень патриотично. Поставлена режиссёрски А.Я. Янетом очень интересно. Исполнители на высоте, создают отличные образы. Массовая партизанская пляска и особенно сольный танец партизанки на музыку песни «Крутится, вертится шар голубой» из кинофильма «Юность Максима» удивительно удались балетмейстеру Роберту Гербеку. Номер «Девушки-партизанки» стал исполняться на концертах и имеет большой успех, всегда на бис. Танцы очень оживили сцену партизан, вошли очень органично — самое главное, ведущими солистами были Нина Пельцер и Саша Камков.

27-го и 28-го июня 1942 г. Прошли два наших афишных концерта «Вечера балета» в двух отделениях. Программа состоит из фрагментов из балетов и концертных номеров. Роберт танцевал два номера со мной — вальс, муз. И. Штрауса и «Meditation», муз. Массне, и *Pas-de-deux* — из балета «Дон Кихот» с Ольгой Иордан. Итак: в блокированном Ленинграде начала работать малым составом наша балетная труппа артистов Кировского театра. Будет ли это достойно войти в историю города? Не знаю. Искусство есть искусство, и никаких скидок на тяжёлые условия оно не терпит, но условия эти неизменно сопутствуют и не могут не влиять. Публики собралось достаточно, и среди наших зрителей нашлись любители балета, и наши концерты тепло встречены, коллектив получил одобрение, и мы можем ещё несколько раз повторить эту программу, пока готовим новую.

2 июля. Отмечается День учителя. Мы с Робертом принимаем участие в праздничном концерте. Оставшиеся в живых педагоги общеобразовательных школ ходили по домам, собирали ребят, организовывали занятия в бомбоубежищах, красных уголках при ЖАКТах, у себя дома и везде, где только возможно, нагоняя пропущенное. То же самое проделывают и наши педагоги хореографического училища: В. Костровицкая, Н. Бажаева, Л. Ярмолович, они выискивают детей, способных к танцам, чтобы открыть хореографическое отделение в нашем училище по ул. Росси, 2. Роберт назначен членом комиссии по отбору и приёму ребят. Молодцы учителя, они помогают детям переживать голод и все бедствия. Концерт был большой и прошёл действительно празднично. Много тёплых слов было произнесено в адрес педагогов.

3-е июля. Сегодня открытие Дворца пионеров. Благодаря тому, что мы в числе артистов, участвующих в праздничных концертах города, мы многое узнаём о людях. Директор Дворца Н. М. Штейнварт ходит по городу и подбирает осиротевших детей. В одной из комнат Дворца устроил для них интернат, ухаживает за ними, организует им разные занятия. Он им отец, замечательно добрый человек. Сегодня праздник ребят всего города. Его постарались отметить как можно торжественней. Первое отделение программы составили с участием самих пионеров, второе отделение — наш концерт артистов. После был банкет: чай и сладкая лепёшка, называемая пирожным. Мы тоже были приглашены на этот банкет. Я с Робертом поделили одно пирожное пополам, второе отнесли маме и сестре, показалось замечательно вкусно. Бедные дети, их праздник, и такой сильный артиллерийский обстрел города. Но участники торжества оказались отважными: избегая взрослых, особенно милиционеров, отводивших их в укрытие, бежали по улицам, невзирая ни на что, и были все в сборе к назначенному часу в вестибюле Дворца. Мы тоже подросли к этому моменту, и видели, как они взволнованы, и спешат... и спешат...

4 июля. Выступаем на Кировском заводе, большой концертной бригадой приехали мы к ним. Огромная территория, кругом воронки, некоторые цеха разбиты. Это главный объект города Ленинграда, форпост труда на оборону. Враг стремится его уничтожить, снаряды летят день и ночь... но завод работает. Гордо высятся трубы... мирный труд стал боевым трудом... Много рабочих ушло на фронт, много погибло от голода, многие убиты, и всё же работа не прекращается. На производство приходят женщины, подростки. Истощённые под огнём обстрелов, подменяя погибших товарищей, трудятся они по две смены. В моменты наивысшей опасности директор завода приказывает прекратить работу и спуститься в бомбоубежище, а ему отвечают: «Нельзя, товарищ директор, сталь идёт... сталь идёт, принимать надо, иначе пропадёт ценный материал». И принимали сталь, несмотря на бомбёжку и гибель рядом стоящих товарищей. В один из дней прямым попаданием в цех были

убиты разом семь человек, высокой квалификации сталевары. Люди дороже, чем сталь, но такова рабочая честь. Конечно, всё, что мы увидели и услышали, не может не взволновать. Мы очень устали, концерты в клубе и цехах, дважды прерываемые походами в бомбоубежище, но, когда нас попросили выступить ещё раз, никто не отказался. Замечательно проявляют себя люди в стремлении отстоять наш город, трудятся, не щадя жизни. Обидно, до боли, что мне не удалось дотанцевать в четвёртый раз, изменили силы. Было такое приподнятое настроение, и начали мы танец с полной отдачей, и главное, почти в конце, вдруг потемнело в глазах, и... Когда я пришла в себя, мне сказали, что Роберт не дал мне упасть, ловко подхватил и унёс со сцены. Но, несмотря на усталость, мы получили моральную зарядку. Победа неизбежна. Такой народ отстоит свою Родину, слишком велик патриотизм и героизм.

* * *

С 9-го по 12-е июля, четыре дня наш коллектив выступал с той же программой в летнем театре Сада отдыха при Дворце пионеров. Сцена приличная, но театр не обогревается и очень сыро, неприятно переодеваться. Несколько раз в течение концертов начинались обстрелы, некоторые зрители уходили в бомбоубежище, но большинство оставалось с нами, артистами, в театре. Стараемся не поддаваться и не допускаем, чтоб обстрелы влияли на наше настроение. Видимо, зрители реагируют так же, и очень тепло принимают все номера, а Надю Красношееву и меня с Робертом просят бисировать, это очень приятно.

Много танцуем, не успеваю описывать всех событий. По утрам работаем над возобновлением нашего довоенного концертного репертуара. 26-го июля в Филармонии на вечера балета танцевали «Элегию», муз. Рахманинова.

Из предосторожности я не смею писать адресов, куда мы ездим бригадами на шефские концерты, время слишком серьёзное, пишу просто: 7-го июля выступаем у призывников, 8-го, 14-го, 29-го — в военных частях.

19-го, 26-го — у моряков и на кораблях. Большая дружба у нас с Краснознамённым Балтийским Флотом, нас часто приглашают выступать на кораблях, стоящих на Неве. Их команды несут вахты, не покидая своего судна, под систематическим обстрелом. Концерты проводятся прямо на палубах, чаще на двух-трёх кораблях в один день. Места достаточно, танцевать удобно, погода, хотя и не жаркая, но всё же лето, и дни светлые, ночи белые. Вот когда дождливо — в кубрике и салоне теснота и потолки низкие. Нас это не заставило отступить, мы подменили верховые поддержки, прибегли к пластике, мимике и игре, и нас также тепло приняли наши дорогие зрители.

А 14-го и 15-го два дня подряд выезжали к бойцам. Концерты проходили под аккомпанемент аккордеона, сценой служили наши грузовые

машины. Хорошо, что оба дня были тёплые, солнечные и особой сложности наши выступления не представили. Сцена была слишком мала, хоть и высоко, и солнце, как огромный прожектор, слепило глаза, но всё это не страшно, главное, что бойцы довольны и с удовольствием слушают пение и музыку. Такой зритель всегда вдохновляет, и настроение поднимается. В нашу бригаду вошли артисты: з. а. П. Болотин и Н. Болотина, з. а. Н. Вельтер, В. Шестакова, В. Ивановский, Н. Чернявская, А. Королькевич, К. Астафьева и мы с Робертом.

* * *

Мы уже побывали во всех госпиталях города, а в некоторых по многу раз; 7 августа, когда наша бригада должна была ехать в один из них, начался налёт и артобстрел. Перебегая от дома к дому, мы с Робертом стремимся успеть к месту сбора. Несмотря на тревогу, подошли и другие товарищи. Но на этот раз нам пришлось долго ждать сначала отбоя, а затем грузовую машину, которая должна приехать за нами. Наконец она пришла. Шофёр поведал нам, как тяжело переживал этот налёт и артобстрел госпиталь. Снаряды ложились то с одной, то с другой стороны здания, вылетали стёкла, казалось, сотрясались стены, и каждую минуту можно было ждать прямое попадание. Оставаться в палатах было опасно, главврач дал команду эвакуировать раненых в подвальные помещения. Можно себе представить, как это произошло, столько прикованных к постелям, а сестры и санитары — женщины. К нашему приезду почти всех перевели обратно, но мы сразу почувствовали, какое было пережито потрясение, и решили, что наш концерт нехстати. Оказалось, совсем наоборот. Выступали мы в широком коридоре. Слушать и смотреть нас вышли буквально все, с табуретками, на носилках, в креслах, на колёсах, и даже кровати лежачих больных были придвинуты к дверям. Все врачи и сёстры, и санитарки пристроились между больными. И вот... все вместе мы забываем о войне, о пережитых волнениях, страхах, и Искусство переносит нас в самый мирный «свой мир».

9-го августа. Сегодня в летнем театре Сада отдыха наш коллектив выступал утром с обновлённой программой. Мы подготовили фрагмент из балета «Пахита» — *grand pas* и много новых номеров для дивертисмента второго отделения.

В это же утро неожиданно эвакуировалась артистка Е. Соколова, ранее подававшая заявление на эвакуацию в Пермь. И так неудачно, её отъезд состоялся именно сегодня. Мне пришлось выручать спектакль, выучить за полчаса и станцевать за неё всё: и сольную вариацию в «Пахите», кроме своих двух номеров в дивертисменте. Конечно, это стоило больших волнений, слава Богу, что прошло благополучно, и впредь всё закрепляется за мной. Танцы в «Пахите» как-то отвечают нашему блокадному духу, они в благородной и, главное, гордой манере

и, надо отдать справедливость, очень удаются ведущей паре О.Г.Иордан и Р.И.Гербеку. У них всё получается эффектно и красиво, что влияет на других исполнителей и поднимает общее настроение. «Пахиту» хорошо приняли зрители, и репертуар нашего коллектива расширился.

11-го сентября. Выступали мы перед лётчиками боевой авиации. Когда нас привезли на военный аэродром, нам сказали, что мы заслуживаем полного доверия, но серьёзность ситуации требует мер предосторожности. Мы не должны смотреть по сторонам, в глаза нам бил прожектор, и от машины до крыльца стояли две шпалеры бойцов с наведёнными автоматами. Мы быстро проходили с опущенными глазами в здание. Нас провели в комнату, очевидно служившую столовой и местом отдыха. В ней имелся буфет, который обслуживала молодая женщина. Между разговорами людей, находившихся в комнате, я уловила тихо задаваемый вопрос: «Вася вернулся?» и в другом конце: «Вася вернулся?» И чувствовалось общее ожидание и тревога. Я тоже ощутила страх за человека, боровшегося с врагом где-то в небе, и у которого кончилось горючее... Мучительно тянулось время... И вдруг вздох облегчения: «Вернулся!» И вот он появился у буфета. Никогда не забуду лица лётчика, только что вернувшегося с боевого задания...

25-го сентября. Завыла сирена. Учащённо забился метроном по радио. Уже стемнело, моросил дождь. Второй час наша бригада сидит на ул. Росси, 2 в ожидании машины. На душе тревожно, знобит, хочется есть. Когда мы решили, что машины уже не будет, она подошла: открытая грузовая, мокрый, пустой кузов, без скамеек, без единого стула или хотя бы просто досок, на которых можно было бы сидеть, нельзя же стоя ехать... да и вообще тьма крошечная, зенитки бьют, прожектора рыщут по небу, освещая низкие, тяжёлые тучи, где-то неподалеку рвутся снаряды. А, может быть, не ехать? Об этом стыдно даже подумать. Машина пришла, нас ждут, как можно не ехать? Нашли доску, две табуретки, кто-то примостился на мешках с чурками, кое-как разместились и поехали. Можно себе представить, как нас протрясло на этих табуретках, как мы продрогли и как устали от напряжённого ожидания — попадёт в нас снаряд или проскочим. Где уж тут выступать. Одна мечта — если б съесть кусок хлеба и скорее лечь отдохнуть...

Нас привезли в госпиталь. В довольно просторном помещении собрались раненые. Больше двух часов они сидели в ожидании концерта. Они не хотели расходиться, каждый боялся потерять место. Надо было видеть, как они обрадовались нашему появлению. Неужели мы заставим их ещё ждать? Нет, нет, мы сейчас же начнём концерт. В уголке, огороженном щитом и шкафом и ещё чем-то, мы, балет: я и Гербек, спешно переодеваемся, причёсываемся при скудном освещении. Певица уже начала концерт. Нашим окоченевшим, отёкшим ногам приходится делать своё дело. Творческое волнение вытесняет все невзгоды, все заботы и лишения... Забыта война, бушующая над головой, мы сами

переносимся в самый мирный мирок богини Терпсихоры и увлекаем за собой нашу аудиторию.

ПОГИБ КАПИТАН

Погиб капитан... погиб на своем боевом посту...

2-го августа мы посещали этот катер. Место для танца было не больше обеденного стола. У нас получился не танец, а мимическая сценка, переданная пластически. Повторили мы с удовольствием, и, кажется, получилось ещё веселей. Много пел Валентин Свицерский. Капитан, такой приветливый, общительный, в знак своего расположения подарил Роберту тёплую морскую шапку, кожаную с каракулем, а мне со своего письменного стола — бронзовую фигурку — спаниеля, свернувшегося клубочком. Буду хранить её как дорогую реликвию грозных лет и память о погибшем капитане.

2-е октября. Не описать всех дней, каждый из них несёт своё неповторимое и бывает чреват событиями... В работу включились все артисты, пережившие блокаду, а в городе идут представления всех жанров. Не все зрители могут посещать театры: одни не имеют права оставлять свои посты, другие прикованы к постелям, третьи несут вахты за городом. Но они не забыты, артисты приходят к ним сами и несут им своё искусство. Разбиваясь на бригады после спектаклей в театре, спешим побывать у всех, везде, без учёта, на добровольных началах. Этот труд — наша доля в общей жизни защитников города. За лето открылись новые театральные площадки в разных концах города, увеличивался спрос, увеличивалось и количество наших выступлений.

Сегодня директор филармонии Б.М.Хайт предложил Роберту Гербеку и мне дать сольный концерт в Большом зале. Предложение неожиданное, очень лестное, но и чрезвычайно ответственное. С большим волнением мы согласились и сразу начали готовиться в перерывах между работой в балетном коллективе и шефскими выступлениями. Несколько новых костюмов для этого выступления нам шьют в театральных мастерских из сохранившихся материалов. Много тёплых слов хочется сказать о мастерицах пошивочных цехов. В самые тяжёлые дни они не прекращали работы, шили ватники бойцам и искусно трафаретили маскировочные халаты. С большой радостью взяли они шить нам театральные костюмы, и сколько любви и мастерства вкладывают в этот любимый ими труд, и сколько участия проявляют к нашим волнениям, милые наши друзья.

8-е октября. Нас торопят назначить день нашего концерта, а мы не решаемся, тянем. Тренаж берёт много сил, вечером так хочется есть, трудно заснуть.

ПЕРВЫЙ СОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

1 ноября. Наш концерт состоялся 31 октября 1942 г. Начало было объявлено на 6 часов вечера. Около 4 часов с бьющимся сердцем подошли мы к Филармонии, остановились в недоумении перед закрытыми дверьми. Оказывается, администрация за полтора года просто забыла, что нам необходимо время на подготовку. Дежурная должна была подойти за полчаса до начала концерта. Сердиться бесполезно, а нервничать было нельзя — могло не хватить сил на концерт. Вот мы и расположились в парадном подъезде № 3 на ступеньках лестницы. Начали гримироваться. Вскоре пришли костюмерши М. Меркулова и А. Шенис и гримёрша А. Веселова, принесли новые костюмы. Все захлопотали, засуетились. Мы сосредоточились на том, что надо успеть подготовиться и думать только о предстоящем выступлении, не выбиться из творческого состояния, и ничего не слышали, что делается вокруг. Не помню, когда открыли дверь, как мы перешли, как перенесли и разложили костюмы. Помню только, как мы стояли за тяжёлой бархатной портьерой нашей любимой Филармонии, как упало сердце, когда объявили начало концерта и наш первый номер. Помню, как распахнулась перед нами эта портьера, и мы вступили на освещённую сцену. Вмиг исчезли страх и волнения, на смену им пришла радость, огромная радость... Никогда, казалось, не танцевали мы с таким наслаждением, никогда не ощущали полноты отдачи. Ласковые лица и тёплый прием были нам наградой... Но вот смолкли последние аплодисменты, погас свет. Жаль, что прошли счастливые мгновения... жаль восторженного порыва души...

Выйдя на улицу, мы точно окунулись в чернила, до того было темно и тихо, совсем, совсем тихо. Ничто не омрачило нашего вечера. Спокойно дошли мы до нашего дома. Но заснуть не могли, болели ноги, все тело ныло, нервы были взвинчены, и мысли возвращались к пережитому. Сольный вечер потребовал много сил, серьёзная подготовка, станцевать надо шесть номеров фактически без передышки. Пока идёт музыкальный или вокальный номер, надо спешно переодеться и сделать другую причёску, это, наоборот, утомляет, хоть помогают костюмерша и гримёрша, всё равно нервное напряжение не ослабевает. Потом — большая нагрузка в течение месяца требовала и настоящего питания... увы...

В первом отделении концерта мы танцевали «Meditation», муз. Массне, «Восточный Этюд», муз. Бородина, и вальс Штрауса «Сказки Венского леса». Во втором: «Элегия», муз. Рахманинова, «Вальс», муз. Мошковского, и новый номер «Испанский вальс», муз. Альбениса. Все номера нашего репертуара ставит всегда сам Роберт Гербек. Воспевали мы в нашем творчестве чувство любви в разных её проявлениях, и мы не обманывали зрителей, мы не расставались и после концертов, оставались и в жизни вместе, и проносим любовь через всю жизнь.

Директор Б. М. Хайт просит повторить наш вечер, но наступили морозы, зал не отапливается, танцевать целый вечер очень трудно в холод. Обещаем повторить на следующее лето.

2 ноября 1942 г. Произошло знаменательное событие в блокированном Ленинграде. Медицинский институт праздновал выпуск студентов, закончивших курсы ускоренно за счёт неиспользованного летнего отдыха 42 года. Такое необходимое пополнение в дни войны. Выпускной вечер состоялся в подвальном помещении столовой на ул. Скороходова. Принять участие в этом торжестве нас, артистов, пригласил профессор Михаил Дмитриевич Тушинский. Талантливый врач, блестящий диагност, эрудит, и большой души человек, и замечательный педагог, Михаил Дмитриевич положил много труда на подготовку молодых кадров. В самые суровые дни не прерывал работу с ними. Михаил Дмитриевич очень любил искусство, наш Кировский театр и сердечно относился к нам, артистам, врачевал наши недуги и пользовался большим уважением и любовью с нашей стороны, и, конечно, все откликнулись на его приглашение и пришли выступить на этом вечере.

Торжественно прошла официальная часть и выдача дипломов. Профессора и выпускники были в приподнятом настроении и взволнованы. Завершение учёбы и окончание института не могло не взволновать, каждый испытывал чувство большого удовлетворения. После торжественной части состоялся концерт. Выступал народный артист П. З. Андреев, народная артистка С. П. Преображенская, заслуженный артист И. А. Нечаев, залуженный артист Р. И. Гербек в паре со мной, Н. П. Сахновской. Аккомпанировал концертмейстер и композитор заслуженный артист М. Т. Дулов. Вёл концерт сам профессор М. Д. Тушинский, выступая в качестве конферансье, очень остроумно и с большим юмором. После читали свои произведения, посвящённые этому дню, В. Инбер и поэт А. Прокофьев. В заключение все приглашены были на банкет, типично блокадный. На маленькой тарелке — ложка винегрета и пластинка хлеба, не помню, что ещё, кажется, это всё, а в стаканах немного портвейна, всё в граммах. Еды было мало, совсем капли. Звучали вдохновенные речи, высоко патриотичные. Казалось бы странным, даже неправдоподобным — город в тисках, гибнут люди, враг рвётся к Москве, истекает кровью Сталинград, а какие-то люди в подвале провозглашают Победу. Победу... И, ликуя, поднимают свои четверть стакана вина, веря и надеясь... Но ведь, несмотря на трагическую обстановку, эти молодые люди стали врачами, и завтра встанут в ряды борцов за жизнь, и будут бороться за неё, не щадя своих жизней. Всю силу этого события мы особенно остро ощутили, когда вышли на улицу. Пока мы были в помещении среди людей, работал движок, горели лампочки, хоть и не ярко, но всё же было освещение, мы чувствовали себя в укрытии, более или менее защищёнными... разве только, если прямое попадание. Но когда мы вышли на тёмные, пустынные улицы,

с чёрными промёрзшими домами, в которых в нетопленных квартирах, съёжившись под одеялами, прямо в шубах, шапках, валенках, в темноте, дрогнут истощённые люди, так страшно идти, совсем одним, под свист снарядов — вот тогда событие, которому мы были свидетелями, представлялось нам во всей своей значительности.

Раз могли голодные, переутомлённые профессора, несмотря на такую нагрузку в переполненных больницах, находить силы ещё читать лекции студентам, раз могли истощённые полуживые юноши посещать эти лекции, значит, мы сильны и непобедимы. Да, несмотря на страшную действительность, мы не сомневались в нашей Победе.

3 ноября. Выступая с нашей первой программой, коллектив балета приступил к работе над балетом «Эсмеральда», муз. Пуни. Пока светило солнце в большие окна нашего двухсветного репетиционного зала и пригревало нетопленное помещение, танцевать было хорошо. Тепло — большое облегчение в нашем труде. Мы с увлечением разучивали и отработывали свои партии, забывая о голоде и о войне. Когда подходил момент конца занятий, с ужасом вспоминали, что предстоит выходить на улицу. Но подходит зима. Осенью закрылся Летний театр, наша основная площадка после Филармонии. Последний раз я с Робертом выступила там в концерте тринадцатого сентября. Был жуткий холод, у нас стучали зубы. Танцуя, мы не смогли согреться, наоборот, обдувало холодным воздухом и ещё больше коченели. Хорошо, что после надо было выступать ещё в двух шефских концертах — в зимних помещениях немного отогрелись.

Оперные, балетные и драматические спектакли нуждались в стационаре. Управлением по делам искусств было решено предоставить нам помещение театра Комедии на Невском, 56. Он стал называться Блокадный театр. Открытие состоялось восемнадцатого октября драматической пьесой «Русские люди». Опера «Евгений Онегин» назначена на 8 ноября, балет «Эсмеральда» — на 13 декабря.

10 ноября. Работаем над «Эсмеральдой». Солнце уже давно перестало светить, и от больших окон тянет холодом, температура в зале упала и продолжает падать с каждым днём, и условия осложняются. От нас требуется не только мужество, но и подвижничество. Вода, которую мы обычно брызгаем на пол, чтоб не скользить, замерзает и происходит обратное действие. Наступив на такую корочку льда, мы падаем.

Сегодня произошёл такой случай. Роберт Гербек репетировал с артисткой Ниной Владимировой вариацию. Отталкиваясь на прыжок, она поскользнулась на замёрзшей капле воды, плашмя упала на пол и потеряла сознание. Роберт схватил лейку и плеснул ей в лицо холодную воду, поднял её, поставил на ноги, она пришла в себя. Он запретил ей плакать и заставил тут же повторить это движение несколько раз. После Нина благодарила его за то, что он был так строг, заставил танцевать и побороть страх, хоть это было в тот момент мучительно

трудно, слёзы у неё текли сами. Закончив репетицию, Роберт извинился за свою настойчивость, проявил немного участия к Нине, накинул на плечи пальто, усадил в кресло, беспокоился о её самочувствии. Так мы помогаем друг другу не терять воли и не отступать ни перед чем. Замахнулись мы на целый спектакль, не так просто это осуществить. Танцев много, требуется много исполнителей, каждый должен освоить то, что ему поручено, и добиться какой-то степени мастерства.

14 ноября. Наконец мы перешли репетировать в наш новый театр. Первая репетиция на сцене театра проходила при одной контрольной лампе. Всё произвело неважное впечатление. Пустовавшее год помещение выглядело неприглядно. Сырость, запустение, полутёмная крошечная сценка, в полу щели. словно мы попали в погреб. Особенно после просторного, светлого репетиционного зала эти сжатые рамки были трудны. В театре было так же холодно, но ещё и мало места. На первых репетициях мы натыкались на декорации, на рампу, нервничали, плакали... Но постепенно применились к обстановке.

14 декабря. Число тринадцать подвело, и мы не смогли выпустить премьеру, не были готовы декорации. «Эсмеральду» заменили «Пахитой» и дивертисментом. Этот вечер балета прошёл не очень удачно, неожиданная перемена, прорепетировать на сцене и вообще где бы то ни было не было времени. Новая площадка театра... впервые... холодно, тесно, темновато. Всё сказалось. Но, может быть, для коллектива и лучше было освоить сцену танцевальной программой.

18 декабря. Наконец настал день премьеры. Все мы в волнении... гримироваться приходится, не снимая пальто, температура низкая, но электричество горит, и всё же надо натягивать трико и балетные костюмы...

Наши милые костюмерши М.Д. Меркулова и А.Я. Шенис, чьими руками любовно отглажены и приведены в порядок все костюмы, внимательно оглядывают всех, что-то подшивают, где-то подкалывают... гримёрша А.А. Веселова подправляет наши причёски... девушки, такие тоненькие, изящные в балетных тюничках, дрожат от холода и волнения. Тщетны все разминки, ног не разогреть...

Третий звонок, смолкли голоса, зажглась рампа, поднялся занавес... спектакль начался... Наша «Эсмеральда» увидела свет. Первый блокадный балет 18 декабря 1942 г. Зрители тепло приняли нашу «Эсмеральду».

24 декабря. Второй спектакль мы танцевали без страха, с увлечением. Мы освоили маленькую сценку и полюбили наш крошечный блокадный театр. Забыла записать участников премьеры: Эсмеральда — з.а. О.Иордан, Гренгуар — орденосец Р.Гербек, Флёр-де-Лис — Н.Красношеева, её подруги — Н.Сахновская и Л.Пешкина, цыганки — В.Мацкевич, Н.Владимирова, Т.Ганус, Л.Стрельникова. Мать

Флёр-де-Лис — Т.Шмырова, Феб — Г.Васильев, Квазимодо — з. а. А.А.Орлов, Клод Фролло — С.Карпов, массовые танцы — весь коллектив.

* * *

Всё было проверено и слаженно, и вдруг заболевает Н.Красношеева, и снова волнения и страх перед третьим спектаклем. Мне, Сахновской, приходится спешно готовить партию Флёр-де-Лис, а за меня партию подруги должна танцевать артистка Е.Гемпель. Морозы стоят лютые, и один бог знает, как нам доставались эти репетиции. Всего четыре дня на подготовку. В репетиционном зале -6°C , и всё же мы переодевались и репетировали. Спектакль состоялся 31 декабря 1942 г. Итак: 42-й год закончился для меня выступлением в большой партии Флёр-де-Лис, хоть танцевать пришлось, что называется, с налёта, всё же это было маленькое творческое достижение. Мне сказали, что партия остаётся за мной и следующий спектакль я буду танцевать опять.

Кончился 42-й год. Страшно оглянуться. Нет с нами отца, больно, что настрадался и умер голодный...

Вторая зима блокированного Ленинграда такая же лютая и снежная. Война бушует вокруг города и над нами. Налёты, обстрелы даже усилились. Враг бешено мстит за свой просчёт. Он ждал, что город встанет на колени и сдастся, а город гордо поднял голову. Если первую зиму 41-42 гг. можно охарактеризовать словами: «война и вымирание», то вторая зима — это «война и сопротивление». Успешно ведут бои наши армии ленинградских фронтов, работают заводы, вырабатывая военную продукцию. Открылись учреждения, налачился труд, люди вернулись к своим профессиям, и все силы устремлены на сопротивление и оборону. И наша деятельность продолжает расширяться. Артисты оперы и балета работают от Кировского театра, собственно, это продолжение нашей службы в театре, и явка на любой вызов для нас обязательна. Шефская работа, наоборот, сугубо на добровольных началах.

Филармония, Радиокомитет и возобновившая свою деятельность Ленгосэстрада приглашают на выступления. Мы с Робертом одинаково относимся ко всем выступлениям, любим свою профессию, любим танцевать, ценим признание зрителей и безотказно выступаем везде, где нас просят, как до войны, так и теперь. В 1942 г. мы станцевали 166 шефских концертов, 11 спектаклей, 32 концерта: всего 209, ещё и сольный творческий вечер в Филармонии.

НАСТУПИЛ СОРОК ТРЕТИЙ

1 января 1943 г. Сегодня первый день Нового года. Город подвергается всё таким же налётам и обстрелам, так устали мы от этого, нервы не выдерживают, спасают концерты, в эти моменты мы отключаемся, это наше успокоение. Сегодня нас пригласили принять участие в новогоднем концерте в Горкоме. Мы станцевали вальс Штрауса «Сказки Венского леса», говорят, что были в ударе, бисировали. И на втором концерте в Доме Красной Армии — тоже. Это очень подняло настроение, завершили старый и начали Новый год с полной творческой нагрузкой, значит, весь 43-й год будем много и удачно танцевать.

2 января. Нас возили в недавно организованный Дом отдыха для лётчиков. Дорогие наши защитники, голова склоняется сама перед ними, перед их героизмом, волей, храбростью и решимостью делать вылеты выше нормы. Условия здесь им созданы по возможности хорошие: уютно обставлено, тишина, тепло... храни их судьба...

4 января. Говорят, что фугаска повредила Дворцовый мост и движение закрыто. Тяжёлые налёты переживает город. Вчера в Блокадном театре шёл балет «Эсмеральда». Роберт исполнял роль Гренгуара, а я опять — Флёр-де-Лис. Не очень удачно прошёл у меня этот спектакль, к большому моему огорчению. Устала я, много ежедневных выступлений. Городской транспорт не может работать, много снега, замело дороги, большие концы по городу приходится шагать пешком. Но, как ни устали мы с Робертом, отказаться выступить в тот же вечер ещё в 62-й армии мы не смогли, стыдно было. Всем тяжело, все устали и всё ж работают.

Сегодня 19-го января, ликуем мы, ликует город. Вчера наши войска прорвали вражеский фронт, цепь блокады, и соединились около Шлиссельбурга, освободили железную дорогу. Какая радость... а фашисты бесятся, жестоко обстреливают город эти дни...

24 января. Два дня подряд в Выборгском Доме культуры вечера балета. В первом отделении дивертисмент: танцуем вальс Мошковского, на бис вальс Чайковского, во втором отделении второй акт «Эсмеральды»: Роберт — Гренгуар, я — Флёр-де-Лис. Мучит холод, второй год не отапливаются здания. Стёкла выбиты, окна заколочены фанерой, сквозь щели дует морозом, пробивается снег, горками лежит на подоконниках и не тает, а мы тут же раздеваемся, натягиваем трико и лёгкие туники. Зрители сидят в шубах и валенках, кутаются в платки, и то дрогнут. Мы танцуем, изо рта клубится пар. Начался сильнейший налёт. От взрыва фугаски точно содрогнулось здание, но оркестр не остановился, и я тоже продолжала танцевать. (После концертмейстер М.Граменицкая мне сказала, что в этот момент я прыгала на одной ноге на пальцах по диагонали сцены). Раздался второй взрыв... все артисты находились на сцене. Спектакль не прерывался, никто из зрителей не тронулся

с места. Акт кончился, занавес опустился, но налёт не прекращался, и публике предложили спуститься вниз в бомбоубежище. Мы узнали, что часть зрителей бросилась бежать домой и многие были убиты. Маскированный налёт продолжался очень долго. Повыбывало оставшиеся стёкла. Было страшно. Мы, артисты, молча разгримировались, держась подальше от окон, поближе друг к другу, внешне спокойно... Окоченевшие руки с трудом натягивали тёплую одежду, ноги сводило так, что хотелось кричать... Впереди предстоит путь с Выборгской стороны на Петроградскую. Пока мы переодеваемся, зрители успевают разойтись. Мы все только выходим вместе, а там уж расходимся кто куда. И вот мы с Робертом бредём вдвоём, увязая в снегу. На улицах ни души, темно, бьют зенитки, гудят мессеры. Мучительно хочется есть, волнует мысль: живы ли родные, цел ли дом. К счастью, целы, и мы добрались... тяжёлый был путь...

25 января. Сегодня после спектакля «Эсмеральда» мы поспешили в госпиталь, как обычно, концертной бригадой. Нас ведут по тёмному помещению, электричество не горит, но это не помеха, раненые ждут концерта, и он должен состояться. Раздобыли для нас три фонаря, и мы начали... Высокие потолки старинного здания, большое помещение, полукругом расположившиеся зрители в халатах, забинтованные, первые ряды прямо на полу, а последние, стоя сзади... и всё тонуло в полумраке, а слабое причудливо колеблющееся пламя фонарей выхватывало из темноты выступающих артистов и первые ряды сидящих на полу раненых. Создалась интимная обстановка, тёплая, задушевная... проносились вслух слова благодарности, просьбы исполнить или повторить то или иное, неожиданные реплики, полные юмора и т. д. Забыв обо всём на свете, мы старались исполнить все просьбы наших зрителей, отдавших своё здоровье, защищая наш город и нас...

НО, ЕСЛИ СУЖДЕНО, ТОЛЬКО БЫ ВМЕСТЕ...

С 26 января все дни подряд до конца месяца шли спектакли балета в Клубе МВД на Харьковской улице (за Московским вокзалом). Ежедневные налёты, бомбёжки и обстрелы. В первый день на Марсовом поле нас настигла тревога, начался налёт, зенитки палили, снаряды рвались, спрятаться негде. Прижавшись друг к другу, спешили к домам. Долго стояли в подворотне одного из них, пока немного утихло. Пошли дальше... но не успели дойти до середины Кировского моста, снова начался налёт. До домов опять очень далеко, бежать нет сил. Если суждено, то только бы вместе... Невольно вспомнилось — январь 1942 г. Шла я одна по Кировскому проспекту, впереди брели, так же тесно прижавшись плечом к плечу, двое. Женщина несла на руках младенца, мужчина — девчурку постарше. Не успела я подумать, что хорошо бы

их догнать, что идти вместе не так страшно, как впереди разорвался снаряд... Медленно падает мужчина, рядом на земле девочка, остановившийся взор её больше не видит мир, а крошечное тельце на руках у женщины вздрогнуло и отяжелело... дитя защитило свою мать... Женщина осталась одна... Участь у каждого своя. Как часто приходилось в этом убеждаться в те дни. Но, если суждено, только бы вместе.

На следующий день тоже был сильный налёт, но после спектакля нас повезли на концерт в госпиталь, а вот 29-го опять пришлось идти пешком через весь город. Грозно было на улице, темень и пальба, и сверху бомбы, и с боков — снаряды, и свои зенитки бьют, а осколки вниз падают. Просто ад. Марсово поле занесено снегом, дороги не было, мы прыгали в чьи-то следы, по колено увязая в снегу, страх гнал к домам, ноги не шли, и вдруг... упало сердце... подворотня, в которой мы прятались прошлым вечером, завалена, под ней зияет дыра, в этот дом попал снаряд... а мы спешили сюда, чтоб опять укрыться...

30-го первый раз станцевали в госпитале, второй в балете «Эсмеральда» там же, в Клубе МВД, и после поехали в Автово на передовую линию обороны, домой вернулись в 5 утра. Тяжёлый выдался январь. Ноги стёрты в кровь, и пальцы, и на пятках просто раны. Ещё бы — за 30 дней 34 выступления, из них 15 балетных спектаклей. И сколько приходится шагать... Но всё равно, мы не уступим наших творческих мгновений и радости вдохновения ни врагу, ни голоду, ни холоду... Все ленинградцы трудятся, подхваченные волной патриотизма, поднявшей нас на самый высокий свой гребень. Такой полноты этого высокого чувства ещё не доводилось испытать так, как в эти дни блокады.

* * *

Февраль не принёс облегчения от налётов, война бушует. Произошёл ряд событий, которые следует записать, но не было времени, за 27 дней у нас с Робертом было 35 выступлений. Первое событие 7-го февраля — в Ленинград прорвался первый поезд с Большой земли, это очень радостное событие, результат прорыва блокады. 9-го февраля город подвергался жестокому обстрелу. А мы готовили всем театром, и оперой, и балетом, вечер, посвящённый великому поэту. Морозы и метели нагрянули февральские, и наши помещения так промёрзли, что разучивать и репетировать танцы приходилось в шубах и ботах. В программе романсы и отрывки из опер и балетов на темы из произведений А. С. Пушкина. Балет готовит танцы из оперы Глинки «Руслан и Людмила» — «В замке Наины», пост. М. Фокина, и III акт из балета «Бахчисарайский фонтан», муз. Б. Асафьева, постановка Р. Захарова. Вечер состоялся 11-го февраля и явился событием в блокированном городе. Гениальные стихи А. Пушкина и музыка П. Чайковского и М. Глинки властвовали над холодом и бомбёжками. Очарованные зрители, заполнившие зрительный зал Выборгского дома культуры, закутанные во всё

тёплое, восторженно аплодировали каждому номеру. Дух поэта словно присутствовал в театре. Никого не смутило, что Ленский — И. Нечаев пел в шубе, температура — почти как на улице, стены покрыты инеем, сильно помёрзли. Но балет обязан танцевать в легких костюмах. Чудный голос Софьи Петровны Преображенской льётся, она поёт Ратмира, а по сцене мелькают тени, они проносятся то поодиночке, то собираются в кружки, вьют хоровод и, закружившись, исчезают и вновь появляются. Они посинели от холода, тонкие, лёгкие, невесомые, настоящие «тени таинственных дев». Учащённое дыхание их стало видимым, пар клубится изо рта (морозный) и реет вокруг их лиц, создавая особый зрелищный эффект. Очень хорошо танцевали «тени» — солистка Женя Гемпель и Галя Алексева, и особенно главную партию Надя Красношеева. Отлично была принята эта сцена из оперы «Руслан и Людмила» композитора Глинки.

Во втором отделении программы был представлен III акт из балета «Бахчисарайский фонтан», муз. Асафьева. Исполняли: Мария — Наталия Сахновская, Зарема — Ольга Иордан, Гирей — Роберт Гербек. Мы тоже тепло были приняты зрителем. Весь концерт прозвучал празднично. Домой брели по заснеженным улицам по колено в снегу, усталые, но счастливые... Нипочём война... Белеет огромное Марсово поле, озарённое предательски луной, снег скрипит под ногами, лютует мороз, лютует война, кругом грохочет, а в душе что-то ликует и гонит страх.

17 февраля. Не успеваю вести дневник, устаём, болят стёртые ноги, работаем без отдыха, переживаем тяжёлые моменты... Но сегодня такой приятный день. В доме Красной Армии был торжественный вечер от театра им. С.М. Кирова. Выступали все артисты: С. Преображенская, И. Болотин, Н. Болотина, И. Нечаев, Н. Вельтер, К. Кузнецова, М. Елизарова, В. Ивановский, В. Легков, В. Шестакова, Г. Скопа-Родионова и др., балет: О. Иордан, Р. Гербек, Н. Красношеева, Е. Гемпель, Г. Алексева, М. Дубровицкая, В. Мицкевич, Н. Владимирова, К. Юрьева, Н. Сахновская и др. В программе — отрывки из опер и арии, один акт из балета «Эсмеральда» и второе отделение — дивертисмент. Зал был полон до отказа. Вся программа принималась очень хорошо, просто на ура... Огромный успех был у И. Болотина, его не отпускали долго со сцены. На нашу долю тоже выпал успех. Новый номер, поставленный Робертом накануне, понравился зрителям, нас заставили повторить дважды и после не хотели отпускать. Было волнующе приятно. Роберт Гербек задумал такой сюжет для номера на музыку песенки «Синенький платочек» в обработке нашего блокадного композитора Б.В. Савельева: лейтенант сидит где-то в парке, на скамейке, читает газету. Появляется девушка, подкидывая теннисной ракеткой мяч. Неверный удар, мяч летит и теряется. Незаметно подхватил и спрятал его в карман лейтенант и делает вид, что старательно помогает ей искать, на деле это всего лишь повод для знакомства. Девушка сердится и, убегая, роняет с плеча синенький

платочек. Лейтенант подхватывает его и не сразу отдаёт вернувшейся за ним девушке. Знакомство состоялось, вспыхивает любовь, объяснение и неожиданный поцелуй... В этот момент я стояла спиной к зрителю и играли в основном мои руки. Кисти рук производили быстрые протес-тующие движения, затем постепенно замирали и под конец безвольно падали на плечи юноши и переходили в объятия... Получался жизнера-достный номер, не лишённый юмора, что импонировало зрителю. Такая бытовая сценка, переданная танцем. На мне короткое летнее платье, на Роберте — военная форма.

В суровое, грозное время нам хочется танцевать весёлые танцы, и блокадникам они нравятся.

Себе Роберт Гербек поставил сольный танец — гопак, который прошёл с большим успехом.

18 февраля. В клубе Балтфлота выступил наш коллектив балета. Мы повторили всю программу и прошли с большим успехом и у моря-ков.

Нет времени писать, нет сил... «в мягких муровах у нас пляски, песни всякий час», ежедневно было по два-три выступления. В феврале 6 спектаклей, 4 концерта для города, 2 от радио и 23 шефских, всего 35 выступлений за 28 дней.

Март месяц... Светлее дни, теплее солнце, первая, звонкая ка-пель... Правда, не щебечут птицы, воробьи, как обычно: всё живое по-кинуло город, даже мыши, только люди остались верны своему Ленин-граду... Устали мы от грохота, мечтаем отдохнуть в тишине, мечтаем о хлебе, наестся вдоволь, до отвала... есть и есть...

Вчера мы выступали для райкома Свердловского района, а се-годня для райсовета Куйбышевского. Отмечалась работа и достижения тружеников района, объявлялись благодарности лучшим. Торжествен-ная часть и концерт транслировались по радио.

О нас хотят позаботиться, чтоб мы не ходили под обстрелом через весь город пешком, и раз наша жилплощадь пострадала, предоставить нам комнату в центре, ближе к работе. Товарищ Пудов удивительно сердечно отнёсся к нам, предложил подать заявление.

13 марта. На смену уехавшим гастролёрам, пианистке М. Юди-ной и певцам Э. Пакуль и И. Яундзем, доставившим нам большое удо-вольствие своим искусством и общением, приехали Д. Ойстрах, Я. Зак и А. Макаров. Тоже большие мастера, прекрасные музыканты.

20 марта. Сильнейший налёт фашистской авиации, пережили тяжёлые часы, нервы не выдерживают, устали...

24 марта. Повторился такой же злейший налёт. Нет сил терпеть. Зверствует, чувствует свой неизбежный конец.

27 марта. Выезжали на фронт в деревню Пери, выступали в двух концертах, принимали радостно. Бойцы сказали, что лучший отдых для них — послушать концерт. Поездка была очень утомительная,

тряслись по разбитым дорогам, облегчало сознание, что мы нужны нашим героям-защитникам.

28 марта. Танцуем в Блокадном театре «Эсмеральду». Хоть утром едва встали, совсем точно после болезни. Откуда берутся силы?

31 марта. Опять ездили на фронт в село Рыбацкое. Сильно отекали ноги и болели, но когда так встречают, забываешь... В марте 25 выступлений.

Апрель 1943 г. Снова весна, уже стаял лёд и снег. Солнце светит в окна и греет. Мы сняли шубы, легче стало ходить, и к тому же пошли трамваи. Но война бушует, нет ей конца...

2 апреля. Выехали мы, как обычно, бригадой к бывшей больнице Фореля, переднему краю обороны, к бойцам. На несколько часов их вывели из окопов в баню, потом концерт, они ждали нас. В ночь им предстоял бой. Но мы могли бы не доехать... По дороге к проспекту Стачек начался обстрел. Где-то совсем близко сзади ахнул снаряд, тотчас следом второй — впереди и... наша машина с полного хода круто свернула вправо и подобно снаряду влетела под арку. Мы все попадали с мест. Но готовые сорваться возгласы застыли на губах: оглушительный взрыв рядом... В стену дома врезались осколки. К счастью, снаряд упал не против нашего укрытия, а несколько поодаль и стена защитила нас, хотя в кузов машины упали мелкие осколки металла. Но нас отбросило вперёд, к кабине. Всё это произошло мгновенно... Какое чувство подсказало шофёру опасность? Инстинкт или расчёт бойца — он и сам не смог объяснить. Его находчивость спасла нам всем жизнь. Немного придя в себя от потрясения, мы продолжили путь. У заставы проверяли документы. Организатор концерта предъявил пропуск с красной полоской, действительный в этот день. Но на заставу только что пришло распоряжение пропускать только по пропускам с синей полосой. Нас задержали. Мы могли опоздать, и бойцы, идущие в бой, не получили бы концерта. Опять выручила находчивость нашего удальца-шофёра. Он закричал дежурному КПП: «Что вы тут волокиту устраиваете, ведь это же артисты едут бойцам удовольствие доставить, чуть не убило всех по дороге, а вы тут с недоверием... не разобрались? Да что тут время терять...» И как рванёт машину! Отлетел шлагбаум, и мы помчались. Сзади прозвучало два сигнальных выстрела в воздух, но мы были уже у цели. Бойцы увидели концерт. В небольшом полутёмном помещении на наспех сколоченном возвышении вроде сцены стоял движок, бойцы сидели на полу. Совсем молодые наши защитники. Кто из них вернётся из предстоящего боя? Мы забыли все невзгоды и думали только о них, наших бойцах-героях, и каждый бисировал безотказно. Концерт наш затянулся до вечера...

И НАЧАЛИ ВСПОМИНАТЬ «ШОПЕНИАНУ»...

5 апреля. Грозный был день, город подвергся жесточайшему обстрелу. Снаряды рвались то по одному, то по два и три сразу. Обстреливался главным образом Смольнинский район, и длился обстрел 10–12 часов, начался в 8 утра, закончился к вечеру. Когда мы пробирались на ул. Росси, 2, снаряды пролетали над нами с таким отвратительным свистом. Говорят, когда слышно, значит, летит мимо. Но в кого-то, увы, попадает. Чтобы как-то пережить этот день, мы работали над номерами и начали вспоминать балет М. Фокина «Шопениана», намеченный к следующей премьере.

13 апреля. В нашем Блокадном театре был утренник, балет «Эсмеральда». Роберт танцевал Гренгуара, а я — Флёр-де-Лис. После конца спешно переоделись и помчались на концерты к самой крошечной аудитории, в детские садики для сирот-малюток, трёх-четырёх лет. Трогательно было видеть, как они, сидя на маленьких стульчиках, внимательно слушают сказки, стишки, песенки. Когда мы танцевали классический вальс на муз. Чайковского, кто-то из наших маленьких зрителей громко спросил, выговаривая букву «С», как «Ш»: «А они вшамделешные?» Легкие аплодисменты маленьких ладоней, как шелест листьев, широко открытые глазёнки вновь смотрели по-детски, не так, как в прошлом году. (Невольно вспомнились отёкшие, серьёзные, разучившиеся улыбаться лица ребят, с глазами, полными тревоги, уже познавшими голод и опасность...) Уход за детьми и их питание были уже хорошо налажены, но тщетно они будут ждать своих матерей.

15 апреля. Опять танцевали в казармах, а вчера, 14-го, — в морском госпитале. У моряков другая культура, они как-то отличаются от других военных.

18 апреля. В Большом зале Филармонии тоже была приятная аудитория зрителей. Съезд врачей, который завершился парадным концертом. Мы стали выглядеть приличней, я даже не одела в первый раз пелеринку, открыла плечи.

19 апреля. В Клубе учёных в Лесном танцевалось с настроением и пришлось тоже бисировать, было приятно и лестно.

20 апреля. Нас просили выступить у тяжелобольных и раненых в больнице им. Мечникова. Приехали туда утром. Атмосфера больницы всегда действует угнетающе, кажется, что всё здесь, даже стены, пронизано страданием. Мы выступали в больших четырёх палатах. Не знаю, как это выглядело, когда мы танцевали в своих греческих туниках классический вальс на пальцах, между раздвинутыми койками, но мы старались создать весёлое, жизнерадостное настроение, невзирая на все неудобства. Певцы, чтецы и музыканты посетили и более маленькие палаты, даже изолятор, и доставили больным большое удовольствие. Бедные страдалцы... Один раненый ходил из угла в угол, качивая

болевшую руку. У него была раздроблена кость в локте, и ущемлённый нерв не отпускал ни на минуту. Тяжело было видеть его измученное страданием лицо. Оно осталось в глазах, запало в душу.

В тот день у нас было ещё выступление за селом Рыбацким. Усталые, мы (наша бригада) ехали по направлению к фронту. Было холодно. У заставы машину остановили, проверили документы у шофёра и сопровождающего нас военного. Узнав, что едут артисты, бойцы оживились и сразу проявили интерес. В машину заглянул молодой паренёк: «Концерт давать будете? — раздался его звенящий голос. — А из каких сил?» — «Из последних сил», — ответила, шутя, концертмейстер Вера Арманд. Ответ развеселил нас всех. Пожелав нам успеха, а от нас выслушав пожелание спокойно отдежурить, нас пропустили, и мы поехали дальше.

Приехали, спустились в помещение, врытое в землю, вроде блиндажа. Бойцы ждали... Помост, хоть и маленький, но был, а инструмента не было. Вот и выступай! Надо было видеть растерянность организатора концерта. Народ собрал, артистов привёз, а музыку забыл! А как без музыки танцевать будем? Но артисты — народ находчивый, когда подошёл наш номер, вынули из карманов гребёнки и сыграли, вернее, спели нам вальс. Нетрудно себе представить, что это был за оркестр! Но этот эпизод внёс много веселья, которое передалось зрителю, и создавалась непринуждённая атмосфера. Все неполадки воспринялись с юмором и стали уместными, и концерт прошёл с подъёмом, даже с запалом. Галя Скопа-Родионова пела просто хорошо и много по просьбе зрителей.

* * *

Первый раз за всю войну нам, артистам, не удалось дать концерт бойцам, к которым мы ездили на передовую в самое пекло, в деревню Морозовку. Это было очень страшно... Когда нас привезли, казалось, ничто не предвещало того, что вскоре произошло, и мы выгрузились спокойно. Но вдруг заговорила артиллерия, снаряды ложились совсем близко, мимо нас неслись бойцы с автоматами, завязался бой... мы прижались к какой-то стене, кругом свистели пули со всех сторон... кричали люди. Это был ад, настоящий ад, который длился, казалось, вечность.

Обратно ехали молча, совершенно подавленные. По дороге везли раненых, которым не пришлось стать нашими зрителями. Среди них оказался тот врач-хирург, беседовавший с нами перед боем. Он рассказал о трагедии юноши-бойца, которому только что перед самым нашим приездом ампутировали ногу, как паренёк ни умолял, рыдая, этого не делать... и вот... теперь сам врач разделил его участь, он также лишился ноги.

22 апреля. Большой, ответственный концерт для генералов. Участвуют: профессор А. Каменский (фортепиано), певцы: С. Преображенская, Н. Вельтер, М. Елизарова, И. Болотин, И. Нечаев, Г. Скопа-Родионова;

танцевали: Н. Красношеева и я с Гербеком; артисты из Пушкинского театра и Музыкальной Комедии. На концерте присутствовали и наши партийные руководители. До начала я незаметно выглянула в зрительный зал. В первых рядах сидело несколько генералов с энергичными лицами, с орденами, медалями и знаками отличий. Так хотелось пожелать каждому из них ратных побед и чтоб судьба сохранила им жизнь... Концерт прошёл на подъёме. Когда зрители довольны, это самая большая награда нам, артистам, за наш труд и волнения.

Я не могу вести запись в дневнике ежедневно, не успеваю, хотя каждый день несёт свое, и житейское, и творческое... Только числа и где выступали заново аккуратно в свою толстую тетрадь.

По утрам в нашем репетиционном зале, уже пригреваемом солнцем через большие окна, идут регулярные занятия, уроки тренажа и репетиции текущего репертуара и поиск нового. А на улицах и над городом всё то же.

ОБСТРЕЛ НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Выйдя 24-го апреля на Невский, я села в трамвай. Только он отошёл от Садовой улицы и поравнялся с бывшей Думой, начался артобстрел района. Первый снаряд упал близко впереди трамвая у канала Грибоедова. Вожатый остановил вагон. Ахнул второй снаряд, и пошли подряд взрывы где-то рядом. Я стояла на площадке у выхода, но уступила дорогу запсиховавшей женщине, а за ней тотчас хлынули все пассажиры, ломясь и отталкивая друг друга. Я не поддаюсь панике и осталась стоять на площадке и невольно регулировать высадку, успокаивая людей и убеждая соблюдать очерёдность. Вышла из трамвая я последней и последовала за бежавшими людьми укрыться в подъезде Европейской гостиницы, но под конец не выдержала и тоже побежала, уже очень сильно грохало, и сразу стало страшно. Сердце замирало, ожидая, пока атаковывали дверь последние. Как надо владеть собой — если б я не побежала, не поддалась бы и страху.

25 апреля. Спектакль «Эсмеральда» в нашем Блокадном театре. Роберт танцевал партию Гренгуара, а я — Флёр-де-Лис. После спектакля у выхода меня поджидала девушка в военном полушубке. «Ну конечно, это вы», — сказала она мне. «Всё же я вас узнала, хоть и трудно поверить, что вы это та самая, которую я видела зимой 1941–1942 гг., заходя в вашу квартиру к вашей соседке. Бедная, что вы пережили, в каком угнетённом были состоянии. Почему вы не говорили, что вы артистка?» — «А вы бы поверили?» — «Могла бы не поверить, вы правы...» Да, прошлой зимой в бедственном положении я не могла никого заинтересовать, а теперь я вновь артистка...

26 апреля. Мы с Робертом поспешили на Росси, 2. Небольшая бригада артистов, в которую и мы были включены, оказалась уже в сборе, и мы сразу поехали на передовую. День был облачный, прохладный. Деревья чёрные, без листвы, только ели и сосны зеленеют, дорога просёлочная, разбитая гусеницами танков, в ухабах. Никаких признаков жилья, укрытия или просто навеса, а машина наша остановилась на полянке посреди леса. Сказали, что концерт будет на открытом воздухе, но никакой площадки; сырая земля, почва бугристая, сценой могла послужить только грузовая машина, на которой мы приехали. Неожиданно появились бойцы, словно выросли из-под земли, и с шутками и прибаутками помогли нам выгрузиться. Откинули борта машины, наскоро соорудили подставку к кузову, которая должна была заменять нам лестницу. Я с Робертом Гербеком залезли в кабину и спешно стали переодеваться в танцевальные костюмы. Погода стала совсем не подходящая, небо затянуло облаками, сделалось пасмурно и холодно. На почве ещё кое-где белели крошки нерастаявшего снега. Бойцы встали вокруг машины и жадно и с наслаждением стали слушать музыку. Водворилась тишина, и сразу установился у нас полный контакт со зрителем. Галя Скопа-Родионова прямо поверх своей одежды надела концертное платье, на шее оставила шерстяной шарф, но её не хотели отпускать, просили спеть ещё. Невозможно было отказать, и она пела ещё, всё больше вдохновляясь. С машины бойцы сняли её почти на руках. Мы с Робертом успели переодеться, зубы стучали, трясло от холода. Решили дать нам станцевать сразу после Гали.

Зрители окружили нас трогательной заботой, держали руки наготове, чтоб подхватить в случае, если мы оступимся и начнём падать с машины. Какие у них славные лица, добрые улыбки. Когда мы бисеровали, вдруг порыв ветра дунул каплями дождя, такими холодным, мы невольно вздрогнули и слегка поёжились, но не вышли из настроения танца, наоборот, это вошло лёгким юмором в наше исполнение и вызвало одобрение у нашего зрителя. Когда мы закончили выступление и спрыгнули на землю, боец уже держал шинель наготове, чтоб накинуть на меня, а мы поспешили залезть в кабину и быстро натянуть на себя тёплую одежду. Огромное удовольствие доставлял бойцам Валентин Легков. Своим красивым оперным голосом он прекрасно исполнял арии из всех оперетт. И, несмотря на то, что начался дождь, постепенно усиливавшийся, он пел одну вещь за другой, уступая просьбам восторженных слушателей. Не забыть их лиц, блестящих капельками дождя, с упоением внимавших певцу.

Обратно ехали молча. Небо затянуло беспросветно, дождь зарядил словно осенью: холодный, проливной. Мысли оставались там, с бойцами. Мы не поняли, где они находились, в окопах? В землянках? Или просто под открытым небом, и каково им было сейчас под дождём? Мы промокли, брал озноб, но стыдно было о себе думать. Что значили эти

невзгоды по сравнению с войной. Что ждало тех, кого мы оставили там, на передовой...

ТВОРЧЕСТВО РОБЕРТА ПРОНИЗАНО ОПТИМИЗМОМ

27 апреля. Утром хорошо прошёл балет «Эсмеральда». Зрители очень тепло принимали. Ленинградцы полюбили наш коллектив. Мы стремимся расширить репертуар, начали работать над новым балетом «Шопениана» в постановке М. Фокина. Обновляем концертные программы. Много интересного в области хореографии вносит Роберт Гербек, пробуя свои силы и как балетмейстер. Он участвует в организации нашего коллектива, танцует сам все ведущие партии, проводит репетиции с артистами и ставит новые номера для концертов. Творчество его вопреки всем ужасам блокады пронизано оптимизмом, жизнерадостностью, темпераментом, много оригинальных движений и сложных комбинаций. Ничего грустного и трагичного, того, что видели глаза и переживал сам.

О некоторых номерах немного хочется рассказать: например, очень интересный танец «Гитана» поставил он для артистки М. Дубровицкой. Лёгким, летящим ходом скользит она по кругу, крепко сжав пальцами локти перекрещенных рук, покачивая корпусом, как бы убаюкивая взволнованное сердце, как бы сдерживая крик души... Высокая стройная фигура танцовщицы в чёрном, длинном платье как нельзя лучше подошла к этому танцу. И второй цыганский танец, поставленный ей же, был так же, как и «Гитана», технически нелёгок и очень эмоционален. Молодая цыганка тоскует о любви и переживает измену. Первые движения танцовщицы были поставлены спиной к зрителю, обращены как бы к самой себе, она как бы с трудом уступала своё место возле любимого, и столько чувствовалось тоски и утраты в этих движениях. М. Дубровицкая очень хорошо танцует эти оба танца, с большим чувством, прелестно выглядит. Почти все номера Роберта имеют свой подтекст, движения повествуют о чувствах — жизнерадостных и печальных, легкомысленных и глубоких, а порой и противоречивых.

Оригинален танец «Каталан» — в толпе зрителей девушка видит человека, к которому тайно неслись её мечты. Резко оттолкнув партнёра, вступает она на сцену, шаг... мгновение... замерла в позе и затем, захватив юбку кистями рук с вывернутыми наружу ладонями и высоко неся юбку над собой, начинает ход по кругу, постепенно меняя настроение... сейчас она выскажет всё... пусть угадает тот, кто любим, что к нему несутся её мечты. Настроение переходит от кокетства к большому чувству. Свообразным был жест правой руки из-под левой, как бы тайный призыв, а также движения, когда она в порыве раскрывает объятия, и тут же, спохватившись, закрывает лицо руками, надежда сменяется отчаянием. Подойдя к самой рампе, склонившись вперёд

с безвольно висящими кистями рук, перекрещенных над склонённой головой, и затем, выпрямляясь с закрытыми глазами, кистями рук как бы отгоняет мысли о несбыточной мечте, продолжая это движение, постепенно опускает руки, как бы стараясь всей душой освободиться от этого влияния. И вдруг вновь вспыхивает надежда. Ритм танца ускоряется, девушка все порывы устремляет к счастью. Танец этот в какой-то очень оригинальной манере решён по-новому и имеет успех.

Для Веры Мацкевич Роберт поставил польку — игровой классический танец на музыку композитора Сердечкова.

Девушка появляется в пышной юбочке, с зонтиком. Ей так хочется покрасоваться, пококетничать — и вдруг никого нет, какое разочарование, надо ждать. Но долго огорчаться она не умеет, она рада солнцу, своей юности и жизни... Технически легко, не спускаясь с пальцев, грациозно и очень выразительно передавая смены настроений, исполняет В.Мацкевич эту польку.

Для нашего сольного вечера Роберт поставил романтический номер на музыку 19-го этюда Шопена.

За выдвинутым на сцену роялем, в луче света сидит композитор (Роберт) в глубокой задумчивости... Неожиданно для зрителя возле рояля возникает Муза-Вдохновение (я выхожу на сцену в полосе темноты, и когда становлюсь в позу, на меня направляется луч света). Начинается лирический дуэт. Муза словно витает вокруг него, вдохновляя, он танцует очень пластично, в конце несколько неожиданных взлётов-поддержек Музы, как бы реющей над ним... Танцуя, она влечёт его к роялю. Танец её как бы растворяется за полосой света... Шопен за роялем, вдохновенный взор его устремлён в иной мир, он создает музыку. Творческий момент композитора... Просто удивительно, что в тяжёлые дни всеобщего страдания могла зародиться такая романтика. Конечно, этот номер мы не сможем исполнять везде, он требует оформления, второй рояль на сцене, особое освещение. В основном, он для большого зала Филармонии, для наших творческих вечеров.

Не было концертного номера у Аллы Черновой — Роберт делает ей характерный армянский танец. В национальном костюме с шёлковым платочком в руках, которым прикрывает лицо, захватив конец губами, она скользит вдоль рампы, легко перебирая ступнями ног. Блестят одни глаза из-под платочка. Постепенно движения ускоряются, платочек открывает лукавую улыбку. Она танцует с увлечением, живо, платочек мелькает в руках, движения становятся острыми, и вот уже прыжки с поворотами по диагонали, верчение набирает темп и неожиданно танцовщица замирает в позе. Этот армянский танец очень полюбился зрителям, так же как и самой Алле Черновой.

Для коллектива Роберт поставил массовую «Партизанскую пляску» на музыку Асафьева. Солисты Т.Шмырова, М.Дубровицкая и сам Роберт Гербек. В ней нашли отражение патриотические чувства: гнев,

ненависть к захватчикам, героика борьбы и преданность Родине. Удачно решены хореографические моменты отражения вражеской атаки и финал — торжество Победы...

Второй массовой постановкой была «Цыганская сюита», муз. Рахманинова. Те же солисты — Шмырова, Дубровицкая, Гербек. Сюита занимала целое отделение. Её репетировали так же, как и «Партизанскую», с большим энтузиазмом. Артистка Надежда Фёдорова говорит, что никогда не забудет, как во время репетиции все в изнеможении сели на пол и не могли встать, а в этот момент её сынишка Сеня вылез из-под рояля и с криком «Мама, я хочу к тебе!» пробежал между сидящими на полу и бросился ей на шею. А Роберт сказал: «Вот это уж настоящий табор, даже с детьми».

Талантливый человек украшает жизнь не только себе, но и окружающим. Сколько красоты несёт в себе творчество Роберта! Чтобы донести до зрителя то, что задумано и предложено хореографом, надо трудиться, а это радостно и желанно. Далеко уносит эта работа от войны, от этой муки. Какое счастье забыть о ней, хоть на час.

Много пришлось поработать над номером на музыку Шопена. Муза — это Вдохновение, воплощённое в образ человеческий, и образ этот должен быть представлен красиво, быть лёгким, прозрачным, как эфир. Вдумчиво надо отработать всё, каждое движение, отточить каждую линию поз, особенно рук. Надо хоть как-то приблизиться к этому поэтическому образу, созданному воображением человеческим. Как ни далеко мне до этого, всё же буду стремиться... люблю всё продумывать, мысленно танцевать, особенно ночью, когда частенько не спится, вынашивать, осмысливать, подчинять себе каждое движение танца.

Роберт поставил себе три сольных танца: украинский гопак и два испанских. Первый на музыку Гранадоса, который получился как-то по-новому, средняя часть имела движение, размах, а первую и третью часть он исполнял, почти не сходя с места (точно танцует на столе), на большом внутреннем накале. Наталия Васильевна Толстая (писательница Крандиевская; жена А. Толстого) говорит, что так танцуют в Испании, но Роберт никогда не видел настоящих испанцев. Второй испанский — «Посадобль» был темпераментный, бравурный, танец имитировал бой быков. Музыка народная в обработке А. С. Васневского. Матадор якобы дразнит быка плащом, ловко уворачиваясь, отскакивая, заманивая. Под конец — уход стремительным, гарцующим движением, один конец плаща перекинут через плечо, и плащ летит за ним.

Роберт такой истощённый, бледный и вдруг... с первых аккордов загорается, столько огня и блеска.

* * *

Веет весной... второй весной в блокаде... стаял снег, идут дожди, греет солнце... Гитлер грозил сравнять Ленинград с землёй, но это

останется в его мечтах. Город поднимается, гордо подняты головы блокадников. Никто не сомневается в Победе, все силы устремлены на то, чтоб ускорить этот час. Снова стали ходить трамваи, улучшился наш быт... Вернулся из эвакуации Большой драматический театр. При нём открылась столовая. Мы тоже сдаём туда свои продовольственные карточки и ежедневно получаем теперь обеды. Заведует столовой директор Быков, честный и благородный человек, превосходный администратор (он строго следит за служащими столовой — за тем, чтоб каждый из нас получил всё, что положено по карточке). Но мы настолько истощены, что этот всё же очень ограниченный паёк для нас недостаточен, нам всё время хочется есть. Тем более, что деятельность наша всё время расширяется, число восстанавливающихся учреждений растёт, спрос на искусство увеличивается. Начали работать дома культуры: Володарский, Московский, Нарвский, клубы: Орджоникидзе, Якубовича, Клуб учёных в Лесном; Дома отдыха: Моряков (у Куренного), лётчиков (у Шунина), Куракина дача, Школа лётчиков. Казачьи казармы, пересылочный пункт... Какое счастье — столько выступать...

Никакой мысли перед выходом, что может что-то не так получиться, или вдруг не понравится зрителям, никакого побочного лишнего волнения, кроме вдохновенного, какого-то особого внутреннего озарения, освобождения от гнёта войны, страха и страданий, от голода, холода, болей в суставах, стёртых в кровь пяток, утомления от ходьбы по сугробам... взлёт души... так радостно, так свободно никогда не танцевалось. И эти ласковые глаза, и добрые улыбки на измождённых лицах людей, таких близких и дорогих единомышленников, людей блокады. Тяжёлая участь обнажила все лучшие человеческие качества: любовь к своему городу, высочайший патриотизм, верность долгу и простое, ежедневное мужество и, главное, человечность. Страдания не озлобляют блокадников, а наоборот, обостряют чувство сострадания к ближнему, заставляют спешить на помощь пострадавшим. Голод и обстрелы, несущие столько смертей, изматывают и угнетают физически и морально, городу необходима духовная жизнь, и её создают подчас люди, чьи дни сочтены, до последнего дыхания: издают газеты, составляют радиопередачи, дежурят в библиотеках, охраняют и спасают музейные ценности, заботятся о сиротах, артисты несут своё искусство.

Измученные труженики не ложатся отдыхать, а, едва передвигая ноги, идут послушать музыку, оперу, посмотреть балет, драму. А мы, артисты, такие же истощённые, выступаем перед ними. И то, что мы такие же, производит, судя по высказываниям, своё впечатление, трогает зрителей, и мы взаимно поддерживаем друг друга морально, и укрепляется наша воля.

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ ИСПЫТАНИЙ

1 мая. Международный праздник трудящихся стал для нас, блокадников, тяжёлым днём испытаний. С 8 часов утра и до вечера обстреливался город, снаряды летели во все концы и кварталы, неся смерть и увечья, лишая жителей крова.

Наши выступления в этот день должны были начаться с праздничного концерта в Филармонии, в Большом Зале. Мы с Робертом бежали от Садовой улицы по улице Ракова, район подвергался артобстрелу. Билось сердце, но некогда было отсиживаться в бомбоубежище. Только мы добежали, за нами захлопнулась тяжёлая железная дверь главного подъезда Филармонии и мы шагнули в вестибюль, как раздался взрыв... попало в проходивший трамвай на площади Искусств. Страшно было узнать, что осталось от людей... Не успели подняться в зрительный зал, снова ахнуло, на этот раз в карниз здания Филармонии. Посыпался битый кирпич, стекло, щебень, возле потолка в стене большая пробоина. Сцена засыпана, хора завалены... столько убитых зрителей, подъехавших на трамвае... концерт не смог состояться. Но впереди ещё выступления, нельзя отказаться, должен состояться праздник 1 Мая, надо только благополучно перебежать по Невскому проспекту на ул. Росси, 2, в наше хореографическое училище, где находится наш сборный пункт и военно-шефская комиссия, чтоб получить направления. Страшно увидеть кровь на площади Искусств, поэтому выходим из Филармонии через боковой артистический подъезд на улицу Бродского и спешим по Невскому. Несколько человек осматривают свежие разрушения в Гостином Дворе, среди них узнаём председателя горисполкома П.С. Попкова. Наши партийные руководители вызывают большое уважение своим умным руководством и гуманной заботой о людях и о городе.

Судьба милостива, мы добежали. Опять где-то совсем близко сильный взрыв... и сразу несколько подряд... Мы поднялись на третий этаж, кое-кто из артистов уже был там. Вдруг появилась Алла Мерецкая — вся в крови, бледная как смерть. Её трясла лихорадка, и она не могла выговорить ни слова. Все мы засуетились вокруг неё, дали воды, усадили, смыли кровь (как оказалось — чужую) с её лица, рук, одежды. Из несвязного рассказа мы поняли, что она ехала в трамвае № 12, шедшем по Невскому проспекту. На углу Садовой упал снаряд, очевидно, рядом с трамваем... Алла сидела с противоположной стороны, убитые и раненые упали на неё и защитили своими телами. Несколько раз Алла вспоминала девушку в военной форме, ей вырвало осколком глаз. Алла говорила, что всю дорогу любовалась её миловидным лицом, живыми карими глазами. Девушка стояла на площадке вагона, шутила и вызывала улыбки у пассажиров своим молодым задором.

Трагедия города воспринималась тяжело. Обстрел не стихал, каждый взрыв больно отзывался в сердце. Тем не менее надо ехать на завод,

не опоздать к их перерыву, недолгому отдыху в работе. Алла Мерецкая хочет не ехать, она боится, что не сможет петь, но мы не согласились её оставить одну в таком состоянии и уговорили ехать с нами. Кстати, заменить её было некому. И тут только она спохватилась, что в смятении где-то выронила из рук свой чемоданчик с нотами и концертным платьем. У кого-то нашлись ноты, три романса, которые она знала, а выступить ей пришлось в костюме, в котором была. У неё небольшой, но очень приятный голос, сама женственная, хорошенькая и хорошо исполняет песни и романсы, составив свой репертуар в большинстве из забытых и малоизвестных произведений.

На первом заводе мы выступали в двух цехах. Подавленное настроение сразу рассеялось при встрече с приветливыми, хоть и утомлёнными лицами, окружившими нас. Мы забылись и отдались во власть искусству... На другом предприятии, т.е. Кировском заводе, концерт проводился в довольно просторном бомбоубежище. Территория завода обстреливается беспрерывно. Наш конферансье начал концерт с того, что поздравил всех с праздником, чем-то рассмешил аудиторию, и мы все перестали слышать взрывы, хоть они и не стихали. После этого концерта Аллочка Мерецкая петь не смогла, сдали нервы, пропал голос, пережитое потрясение взяло своё. А мы поехали за город к бойцам, к передовой. Усталые, возвращались поздно домой. Дальнобойные орудия всегда заряжены, и каждый пьяный солдат имеет право без команды посылать в город смертельные снаряды, и это даже очень поощряется их начальниками. Но сегодня они не пожалели своих сил, обстреляли город сверх всякой нормы и, очевидно, устали. Пока тихо и светло как днём — белые ночи... горизонт обозначился узкой, розоватой полоской, чувствуется, что неглубоко туда закатилось Светило, небо чистое, особого оттенка только в период белых ночей, отсвет и сам воздух точно слегка подёрнуты сиреновой дымкой, совсем чуть-чуть. Красота — как она успокаивает нервы и утешает... после такого дня. Не все увидят эту ночь, оборвалось столько жизней в один этот день, и сколько людей лишилось крова. Город стоит тоже израненный, но прекрасный... как он дорог сердцу, ещё дороже, чем был. Строгое великолепие дворцов и площадей... а улицы, улицы такие чистые, как никогда — ни одного окурка, ни бумажонки. Правда, нет папирос и нет нужды в бумаге, нечего заворачивать, да и всё, что способно гореть, идёт на растопки и не может быть брошено на улице. Мы очень устали, не хочется шевелиться, хочется так сидеть и дышать... мы счастливы, что можем дышать... Что-то ждёт завтра?

2 мая. Опять на город летят снаряды, то близко, то отдаляясь. Ночь мы почти не спали после вчерашних переживаний. Встали совершенно разбитые, и так не хотелось никуда идти. Но стыдно отсиживаться дома, ведь всем трудно, все устали от войны, но никто не сдаётся. И нельзя: только поддайся — и не справишься со страхом... Мы пошли

на занятия. На уроке-тренаже всё не ладилось, не было сил, а на репетиции как-то собрались, разучивали «Шопениану», новая работа увлекла, перестали прислушиваться к разрывам. Потом поехали танцевать в Володарский ДК и к лётчикам в их Дом отдыха. За нами приехал тов. Шунин на легковой машине и повёз за город, где лётчики отдыхали. Уютно было у них, и мы точно отдохнули. Снаряды туда не долетали, даже были не слышны. Лётчики — наши герои, такие славные, так просто держатся, приветливо. Домой вернулись поздно, нас тоже привезли на легковой. В городе уже было тихо.

3 мая. Во время обстрела возник огромный пожар, говорят, попало на нефтебазу и рвутся баки. Ужас... Выступаем в туберкулёзном диспансере, а потом в морской части. Всех взволновал пожар. Теперь все снаряды летели туда. Тушить такое пламя под таким обстрелом — как ад, какая мучительная схватка с огнём. Пожарные команды спешили туда. Попутно кто-нибудь выходил на улицу узнать, удаётся ли потушить пожар. Всё ещё нет... Ни одного часа без борьбы. Фашизм — это такое изуверство, как Гитлеру удалось внушить своей нации такую злобу нечеловеческую, прямо звериная дикость, даже страшней....

4 мая. Сильный обстрел города, говорят, Кировского завода. Днём репетируем, потом едем на Васильевский остров выступать в Клубе им. Орджоникидзе.

Не успеваю записывать, все дни живём и трудимся под обстрелом.

1 июня. Итак, в мае у нас с Робертом 38 выступлений. Месяц закончился открытием Сада отдыха. 29, 30, 31 мая погода была холодная, танцевать было тяжело, мы дрожали в течение всего номера, холодный ветер охватывал, и было трудно дышать. Хуже всего было 30-го перед Садам отдыха: ездили на концерт в Ржевку на открытой грузовой машине, просквозило насквозь.

1 и 2 июня работаем по утрам, выступаем днём и вечером. 3 июня состоялся большой и очень торжественный концерт в честь награждения воинов, моряков, работников подразделений МПВО и других защитников нашего города медалями «За оборону Ленинграда». Как мы горды за них и за то, что учреждена такая медаль.

КОНЦЕРТ НА ЛУЖАЙКЕ

Мелькают дни... не успеваю писать. Много работаем по утрам на репетициях, готовимся к сдаче реперткому нашего нового балета «Шопениана» и к поездке в г. Кронштадт. Ежедневно выступаем, выезжаем на фронты, в деревни Морозовку, Пери, Мельничный Ручей, за Рыбацкое. 4-го в районе больницы Фореля наша бригада выступила прямо на лужайке с вытоптанной площадочкой. Совсем рядом фашисты, стоит подняться на пригорок, и можно их увидеть, но это опасно, они следят

и сразу пускают очередь. Пригорок был довольно высокий и защищал нас. Бойцы расположились полукругом по склону этого пригорка. Во время концерта пришлось пережить тревожный момент: загудел самолёт, он летел прямо на нас, и кто мог угадать его намерения? Все головы бойцов сразу обернулись и стали следить за его полётом. Как раз выступала чтица, очень талантливая актриса А. К. Делазари, её выступление всегда вызывает интерес у зрителей. Она не остановилась, только повысила голос и вернула внимание бойцов, заставила себя слушать, не упустила момента своего вдохновения врагу, сдержала сама страх, проявила мужество и передала его окружающим. Концерт не был прерван. Самолёт вскоре скрылся.

Начиная с 5-го июня блокированный Ленинград отмечал день рождения великого поэта А. С. Пушкина. В его честь были даны концерты, мы с Робертом подготовили к этим дням вальс из «Бахчисарайского фонтана» на муз. Асафьева и были включены в эти концертные программы. Выступили в Доме Красной Армии, в Лектории, в Саду отдыха, в Клубе НКВД, во Дворце пионеров, Юсуповском дворце, в Морской части и нескольких госпиталях. Всего 14 концертов. Зрители очень хорошо принимали всех выступавших. Пушкин очень любим народом.

13-го в Володарском Доме культуры состоялся сольный вечер И. Нечаева, солиста-тенора Кировского театра, любимца публики. Он пригласил нас принять участие. Мы станцевали наш новый номер «Испанский вальс», муз. Альбениса. Танец имел успех, мы бисировали. Отлично танцует свою партию Роберт, он — настоящий испанец, благодаря ему и летящим подержкам танец имеет успех.

26-го произошёл курьёзный случай. Выступив в клубе НКВД с этим же «Испанским вальсом», мы вместе с аккомпаниатором А. А. Люблинским поехали на шефский концерт в воинскую часть. Каким-то образом, когда он сел за рояль, перед ним оказались не наши ноты. Только первая страница из нашего «Испанского вальса», несколько строчек, а дальше следующие страницы совсем другие. Александр Александрович — отличный пианист, начал импровизировать, так как мы были уже на сцене и танцевали. Мы храбро подстраивались под его лад, и вдруг в конце он вспомнил мелодию нашего танца, и мы «поймали» друг друга и обрадованно, темпераментно закончили наше выступление. Главное, никто ничего не заметил.

* * *

Промелькнул июнь, огромная нагрузка, 31 выступление и большая подготовка репертуара. Начинаем работу над балетом «Конёк-Горбунок». Нагрузка — хорошо, легче переживать обстрелы.

2 июля. Во время спектакля «Эсмеральда» антракт длился больше часа, район подвергся сильному артобстрелу. Укрытия в нашем Блокадном театре крайне условны. Фактически каждый уголок достигаем.

Прямое попадание в живых не оставит никого — ни зрителя, ни артиста. Даже если не целый снаряд, а влетит в стеклянную стену с Невского большой осколок — и то будет достаточно...

3 июля. Комитет по делам искусств во главе с Б.И. Загурским просмотрел балет «Шопениана» в репетиционном зале на ул. Росси, 2 и принял нашу работу. Волновались мы все очень, но показались хорошо, весь коллектив. Солировали: Р.Гербек, Н.Красношеева, Е.Гемпель и я, Н.Сахновская. Генеральную репетицию в костюмах и с декорациями решено провести 4-го в театре Сада отдыха. Премьеру выпустим в городе Кронштадте.

В КРОНШТАДТ

Пятого июля город спал настороженным сном, под свист и уханье снарядов, а мы, артисты балета, в четыре часа утра вышли на пустынные улицы и с разных концов города спешили к месту сбора на набережную Васильевского острова, возле Тучкова моста. Встречал нас представитель флота, просил держаться ближе к домам и быстро по четыре человека переходить по мосткам на катер. Катер тянул на буксире баржу. Шесть часов маячили мы по заливу. Путь наш пролегал вблизи берега, занятого врагом, от Стрельны до Ораниенбаума. Обстреливать наш катер начали, как только мы тронулись в путь ещё по Неве. Сопровождающий нас военный катер прикрывал нас дымовой завесой. Сидя в кабине рулевого, я видела, с каким напряжением выводил он нашу «флотилию» из устья реки, плохо видя ориентиры из-за дымовой завесы, боясь зацепить дно. В воду ухнул снаряд, пролетев над нашими головами. Взметнулся столб воды... второй... третий... ещё и ещё. Но мы успели пройти полпути, и были ближе к Кронштадту, и ответный залп оттуда заставил врага смолкнуть. К одиннадцати часам, продрогшие и притихшие, мы ступили на кронштадтскую землю. Тотчас начался обстрел, нас скорее попросили забежать за здание, погрузили в машины и повезли в город. В доме-гостинице, в двух больших комнатах, женской и мужской, нас ждали чистые постели и приветливая хозяйка. С наслаждением быстро разделись и нырнули под одеяла, радуясь теплу и покою... В зрительном зале, где мы хотели провести репетицию, стояли два гроба и шла гражданская панихида — последние почести павшим героям. Начался сильный обстрел, завывла сирена, и голос по радио возвестил, что хождение по улицам запрещено... Тревожно забился метроном по радио на долгие часы... Всё же спектакль состоялся в Доме офицеров, премьеры балета «Шопениана». Танцевали солисты: Р.Гербек, Н.Красношеева, Н.Сахновская, Е.Гемпель; двойку В.Мацкевич и Н.Владимирова. В свой мир унесли переполненный зрительный зал фокинские сальфиды, а нежные звуки музыки Шопена совершили чудо,

заглушили разрывы фугасок... Тепло приняли зрители нашу «Шопениану».

Мы танцевали в помещении большого Кронштадтского собора, переоборудованного под клуб. Высокие своды, колонны, лепка собора и большая сцена удивительно гармонировали с декорациями, музыкой и воздушными танцами самих сильфид. Спектакль выиграл на этом фоне. Мы дали и ряд шефских концертов в клубах и для краснофлотцев в «Подплаве» и для «Морских львов»: так называлась команда с торпедных катеров. Эти отважные смельчаки атаковали врага в самые неожиданные моменты, наводя панический страх на интервентов, прозвавших их «чёрными дьяволами». Не имея своего клуба, но пожелав побеседовать с нами, артистами, они пригласили нас на свои катера, так сказать, на посиделки. Разделившись на маленькие группы, мы побывали у них в гостях, посмотрели катера, пообщались, пошутили, посмеялись. Посетили мы и Кроншлот, где несли вахту моряки, прозвавшие свой форт «Островом погибших женихов». В крошечном клубчике, на крошечной сценке, дали мы концерт для небольшой группы, танцуя по два-три номера каждый. Пианино было заперто, и ключ нашёлся только к началу концерта. Прекрасный пианист А.А.Люблинский опустил руки на клавиши... и расхлябанные клавиши дребезжали, или вовсе молчали, или западали. Александр Александрович на ходу поднимал их. Но все восприняли это с юмором. Сохраняя темп и ритм, Александр Александрович пользовался теми клавишами, которые звучали, невзирая на мелодию. Три «гитаны»: М.Дубровицкая, Н.Фёдорова, Т.Иванова отважно пустились в пляс и бисировали, как и все остальные номера. Успех имели: полечка — В.Мацкевич, армянский — А.Чернова, вальс — Е.Гемпель, чардаш — Юрьевой и наш с Робертом вальс Штрауса.

Несколько раз прерывался концерт, матросов вызывали на войну... Здесь вокруг нас создалась атмосфера как бы иллюзии: капелька мирной жизни, атмосфера, которую так необходимо вдохнуть каждому. Этот час пролетел, как одно мгновение... и вот мы снова под грозным небом, и уже тут минуты тянутся часами, путь кажется бесконечным... Обрато возвращались через Лисий нос. Не успели высадиться на пирс — начался обстрел. Мало кто успел укрыться в щелях, многие ползком добирались до них... Дальше — поездом и пешком до дома. Невольно вздохнётся с облегчением, когда целым увидишь свой дом. Вернулись утром 9-го июля.

Развиваем бурную деятельность, готовимся к сольному концерту при ежедневных репетициях в коллективе и выступлениях на концертах.

Возвращались из-за города, и сегодня наблюдали воздушный бой. Мы видели, как налетали самолёты, вспышки выстрелов, клубы дыма... видели, как загорелся один и факелом падал вниз, но не знали, кто завершал свой полёт, стора в кабине самолёта — защитник или

захватчик. Гибель одинакова, но как различна цель, толкнувшая каждого из них на смерть...

Сколько противоречивых чувств в душе... и скорбь, и злоба... хочется плакать безутешно и... торжествовать... если это свершилось возмездие.

МУЗЫКА ОТБОЯ

Танцуем ежедневно. В июле 29 выступлений, из них 9 спектаклей, 7-го августа наш сольный концерт в театре Сада отдыха. Слава Богу, 6-го неожиданно оказались свободны, хоть немного пришли в себя. Роберт пригласил принять участие в нашем концерте М. Дубровицкую, В. Мацкевич и А. Чернову с теми номерами, которые он им поставил. Днём начался очень интенсивный обстрел, и именно этого района. Мы были в большом волнении, состоится ли концерт. Когда подошло время начинать готовиться к выступлениям, мы прорываемся к Саду отдыха, но нас туда не пустили и загнали в бомбоубежище Пушкинского театра. Тревожно бился метроном по радио, предупреждая, что опасность ещё не миновала, взволнованно бились наши сердца, успеем ли подготовиться? Уж время начинать, соберутся ли зрители? Состоится ли концерт? Затих метроном... Отбой? Отбой! Наконец-то! Однажды блокадный ребёнок на вопрос, какую музыку он больше всего любит, ответил: «Отбой воздушной тревоги». Да! Хотя это и не музыка, конечно, но она ласкает слух и невольно вырывается вздох облегчения. Скорее в театр. Одеваться, готовиться... и вот мы готовы. Скоро надо начинать, а театр пуст... И вдруг мы слышим, люди бегут, спешат... О, дорогие наши блокадники! Вмиг заполнили они театр. Это ли не награда нашему актёрскому труду. Это ли не подтверждение нужности нашего труда. (Сбор оказался 8 тысяч). К счастью, обстрел не возобновился, концерт наш длился два часа и прошёл удачно, назло проклятым фашистам.

Программа: 1 номер «Meditation», муз. Массне — Сахновская и Гербек; 2 номер — испанский — М. Дубровицкая; 3 номер — романсы — Г. Скопа-Родионова; 4 номер — «Восточный этюд», муз. Бородина — Сахновская и Гербек. II отделение: 1 номер — «Элегия», муз. Рахманинова — Сахновская и Гербек; 2 номер — скрипка — Панфилов; 3 номер — «Синенький платочек», шутка — Сахновская и Гербек; 7 номер — пение — Г. Скопа-Родионова; 8 номер — «Испанский вальс», муз. Альбениса — Сахновская и Гербек. Всего 14 номеров, из них 7 — наши.

* * *

Все дни мы усиленно готовим спектакль «Конёк-Горбунок», балет в трёх действиях. Царь-девица — Н. Красношеева, Иван-царевич —

Р.Гербек. Фрески: Е.Гемпель, Г.Алексеева, Н.Владимирова, Н.Сахновская. Звёздочки в подводном: Н.Сахновская и Г.Алексеева.

8 августа. Сдача реперткому балета «Конёк-Горбунок» в нашем репетиционном зале. Отзывы хорошие.

10 августа. Состоялась премьера в нашем Блокадном театре. Прошла хорошо. Удачный получился балет. Приятно... К нам в блокаду прорвались, как они сами выразились (им не хотели давать пропуска), наши премьеры, прославленные, любимые артисты: Наталия Дудинская, Фея Балабина и Константин Сергеев — гордость нашего балета, и сразу пришли на Росси, 2, и наша встреча с ними была радостной, товарищеской. Мы сели все тесным кружком вокруг них, и Костя Сергеев очень живым, образным языком рассказал нам всю эпопею этих лет, с момента, «как был получен приказ об эвакуации и театр погрузился в эшелон и, подобно большому кораблю, пустился в неизведанное плавание». Как было трудно и тесно большому коллективу устроиться с жильём и сохранить труппу как творческую единицу в тех условиях и сжатых рамках того театра. Балабина, Дудинская, Сергеев блестяще выступили, виртуозно танцевали в Большом зале Филармонии с огромным успехом. Несмотря на интенсивный обстрел, зал был переполнен до отказа. 14 августа посмотрели в Саду отдыха нашу «Шопениану», и мы проводили их на вокзал, пожелав скорейшего возвращения со всем нашим театром.

МЫ БИСИРОВАЛИ

Директор Филармонии опять предложил нам, мне и Гербеку, дать сольный концерт в Большом зале. А студия Ленфильма пригласила нас сняться для киножурнала «Искусство блокады». Кинооператор В. В. Горданов будет снимать.

Вчера, 25 августа, в последний раз наш коллектив выступил в нашем Блокадном городском театре и показал второй раз нашу премьеру, балет «Конёк-Горбунок». Мы с грустью попрощались с нашим маленьким театром, приютившим нас в суровые дни. Танцевалось с вдохновением. Для оперных и балетных спектаклей приводится в порядок сцена Малого оперного театра, мы очень рады. Ура!!!

4 сентября. В Доме Красной Армии хорошо были приняты наша «Шопениана» и дивертисмент, мы с Робертом бисировали наш вальс на муз. Мошковского.

10 сентября. Готовимся к открытию Малого театра. Сентябрь будет полон событий, нас захлестнула деятельность, иногда чувствую большое утомление, но не хочется отказываться ни от чего, ни от каких предложений, тем более интересных и лестных.

12 сентября. Сразу два события. Вечером открытие Малого оперного театра. После нашего Блокадного и той сценки-крошки, тут показалось так просторно и удобно... балет «Конёк-Горбунок» выиграл, прошёл даже торжественно, у всех было приподнятое настроение, что, несомненно, передалось и зрителю.

А днём у нас был заезд на первую киносъёмку. Для киножурнала «Искусство блокады» выбрали и пригласили сниматься народную арт. СССР В.А. Мичурину-Самойлову, её будут снимать на Островах, на стрелке ЦПКО, рядом со львами. Она будет читать стихотворение, переполненное гневом в адрес врага. Народную артистку Е.М. Грановскую решили снять в павильоне Ленфильма, она прочтёт рассказы Чехова. Певца И. Нечаева будут снимать в Большом зале Филармонии, он споёт романс «Я вас любил» и две русские песни. Там же снимут ансамбль Ленинградского фронта под художественным руководством А.И. Анисимова. Нашу «Элегию», муз. Рахманинова, решили снимать во Всеволожске в расположении воинской части, на фоне природы. Встреча с кинооператором Вячеславом Гордановым оказалась очень интересной. Удивительно содержательный человек, большой эрудит, патриот, как и все блокадники, и самоотверженный оператор. Он и другие кинооператоры Ленфильма, оставшиеся в блокаде, старались запечатлеть жизнь блокированного города, снимали бои на фронтах наземных и водных, разные трагические ситуации, вызванные бомбёжками... Ему удавалось заснять и тот урон, который наносит гитлеровцам наша артиллерия. О чём бы он ни рассказывал, речь его красива, образна, слушаешь и точно видишь всё. Глаза большого художника с пониманием и вкусом, какое-то особое видение красоты. Он выбрал прелестное место для съёмки нашего номера, на фоне природы, послужившей декорацией. Кроме Горданова в съёмочную бригаду входили оператор В. Синицын и режиссёр М. Клигман. Очень приятно, что им нравится танец «Элегия», с добрыми улыбками они говорят нам об этом. Первую часть, нас танцующих, снимают перед бойцами в воинской части, в расположении которой мы находились. Они заполнили всю большую поляну, перед сколоченной для нас эстрадой на краю леса. Съёмки — дело тяжёлое, долго ждёшь, пока установят аппаратуру, по несколько раз снимают одно и то же, мешают неожиданные помехи, то набежит облако и скроет солнце, то ещё что-нибудь... Очень утомительно по несколько раз повторять танец. Но мы стараемся не поддаваться трудностям. Наоборот, ещё в перерывах не теряем время: быстро снимали костюмы, переодевались в репетиционные и тренировали технические места из наших концертных номеров, ведь через неделю наш сольный вечер в Большом Зале Филармонии, а в Малом оперном подряд несколько спектаклей балета «Конёк-Горбунок». Столько ответственных выступлений, хватило бы сил.

13 сентября. Стыдно было отказаться от шефского концерта для лёгчиков в Доме отдыха, хоть и устали за эти дни.

14 сентября. Опять утром выезжаем на киносъёмку во Всеволожск, а вечером «Конёк-Горбунок». Но меня освободили, а Гербека не смогли, не подготовили замены. Во время съёмки, когда мы тренировались, в перерыве нас засняли и подарили нам три фотокарточки в разных позах. На сцене над нашими головами на стене написаны гневные слова: «Смерть немецким оккупантам!»

19 сентября. В Филармонии мы исполнили шесть номеров, были в ударе (как говорится). Зрителей был полный зал. О нашем выступлении передавалось по радио.

1. Первым номером мы танцевали новый вальс на музыку Ардити, весь на прыжках и воздушных подержках.

2. Вторым номером шёл Акопян — виолончель.

3. Третий номер — наш «Восточный Этюд», муз. Бородина. Танец построен на элементах акробатики, довольно сложный.

4. Четвёртый номер — милая Галя Скопа-Родионова с нежным голосом — постоянная участница наших концертов.

5. Пятым номером — наш вальс Штрауса.

Во втором отделении:

1. «Элегия», муз. Рахманинова (Сахновская и Гербек)

2. Панфилов — скрипка

3. Наш вальс Мошковского

4. Акопян — виолончель

Заканчивали концерт мы «Испанским вальсом», муз. Альбениса. Партию фортепиано исполняли А. А. Люблинский и И. Д. Грейс.

20 сентября. Вчера легко танцевалось. Прекрасно играл нам Александр Александрович Люблинский. Музыка — самое главное, она вдохновляет на танец. Всё прошло на едином дыхании, мы пережили восторг.

22 сентября. Выехали на киносъёмку в четвёртый раз, но осень вступила в свои права. С утра вроде светило солнце, но к нашему приезде всеволожское небо затянуло облаками, день стал пасмурный, холодный... так и не прояснилось, сколько мы ни ждали. Съёмка не состоялась. Пришлось Горданову согласиться с тем, что удалось заснять. Зато он много рассказал нам о том, как фашисты силились завладеть островком Сухо на Ладоге и как завязался бой между нашими тремя канлодками и превосходящим численно противником, который длился четыре часа. Ожесточенный бой... и когда наши были почти истощены, враг начал медленно отступать. Очевидно, гитлеровцы не могли себе представить, чтоб такие три корабля смогли вести настойчиво наступательные действия против столь превосходящих сил, и заподозрили какой-то особый подвох. Весь этот бой ничем не защищённым нашим операторам, и Горданову в их числе, удалось заснять: сражение крупным планом, гитлеровские корабли и момент взрыва одного из них. Рассказал он нам, как ими заснят бушевавший восьмичасовой пожар на

нефтебазе в мае месяце. Бросаясь в самую гущу огня, они снимали рушащиеся нефтебаки и самоотверженные, героические подвиги людей: под непрерывающимся обстрелом вели они ожесточенную борьбу с огнём. Много людей отдало жизни в этой борьбе. За его рассказами часы ожидания прошли незаметно. Всё, что Горданов поведал, волновало, но и вызывало гордость за наших советских людей и уверенность в Победе, час которой, казалось нам, всё приближается. Как мы его ждём...

25 и 26 сентября. В Филармонии прошли два вечера больших, смешанных концертов. Мы выступали в двух отделениях: в первом отделении наш новый номер на музыку Ардити, во втором — вальс на музыку Штрауса. 26-го попала дважды в зону обстрела, и это сказалоь на самочувствии.

29 сентября. Выездной спектакль в Володарском доме культуры: шла «Шопениана» и III акт балета «Бахчисарайский фонтан». Гирей — Гербек, Мария — Сахновская. Принимали хорошо.

5 октября. В театре «Конёк-Горбунок» с нашим участием.

8 октября. В театре концерт. Мы опять исполняем сцену III акта «Бахчисарайского фонтана». Театр полон, чувствуется, что зрители полюбили наш коллектив и хорошо принимают.

11 октября. ЧП. Заболела Н. Красношеева, а в театре идёт «Шопениана». Выручаю спектакль, танцую центральную партию, утром выучиваю порядок, вечером танцую. Волновалась, конечно. Принято с одобрением. Мне вынесли благодарность в послужном списке. 17 октября воздушный налёт.

18 октября. Торжественный день в нашей жизни. Нам, артистам, вручают медали «За оборону Ленинграда». Нет слов, как мы счастливы, наш труд признан Правительством и признано наше участие в борьбе за наш город. Мы все были взволнованы. Получив награду, Роберт произнёс очень патриотическую речь. Надя Красношеева тоже хорошо сказала. Вдохновившись, последовала их примеру и я, и выступила, и хоть впервые публично, но вроде неплохо, как говорят товарищи. Эта награда очень окрылила нас, мы не ожидали награды и с ещё большим (так казалось) настроением танцевали в этот вечер и в последующие дни, а 26-го повторили «Шопениану». Я — в центральной партии, с полной отдачей.

28 октября. Выехали в Кронштадт всем коллективом, на открытом катере, на палубе. На катер грузились в Лисьем Носу. Шли под обстрелом, с дымовой завесой, на холодном ветру. Холодина жуткая, ветер рвал с нас одежду, продрогли насквозь. Но краснофлотцы нас любят и встречают хорошо. Нас уже ждали чистые постели, мы сразу легли, согрелись и заснули. 29-го даём концерты, а 30 и 31, кроме концертов, и спектакли, и балет «Конёк-Горбунок». Партию Царь-девицы исполнила Г. Алексеева. Она и Е. Гемпель только кончили школу перед войной, и надо отдать им справедливость, очень хорошо работают и делают

большие успехи. Невольно радуешься, глядя на их выступления. Очень хорошо были приняты наши спектакли и концерты. Обратном выехали сразу после спектакля. Всю ночь просидели в каюте, набились битком, усталые... в тесноте... измучались ужасно, не знаю, как приволокли нас ноги до дома.

* * *

Ноябрь... третий ноябрь в тисках блокады. Что-то преподнесёт враг?

5 ноября. Начались праздничные концерты и праздничные обстрелы... Выступаем в Октябрьском и Василеостровском райсоветах.

6 ноября. Большой, праздничный, очень торжественный концерт для партийного руководства города, участвуют: С. Преображенская, Н. Вельтер, Н. и П. Болотины, И. Нечаев, В. Легков, Л. Колесникова, И. Болдырева, Н. Янет, Н. Красношеева, мы с Робертом и артисты театра БДТ. Сильнейший артобстрел.

* * *

7 ноября. Удалось выступить только у бойцов ПВО. Интенсивнейший обстрел длился несколько часов, главным образом Московского района. Не смогли мы прорваться к нашим друзьям на Кировский завод и к страдающим от обстрела и пожара электросиловам.

* * *

9 ноября. Ездили в Озерки. Очень тепло принимал наш номер, вальс Чайковского, зритель. Трудно было отказать — станцевали на бис вальс Мошковского, хотя на душе было тяжело: город подвергается жестокому обстрелу, особенно фабрика «Скорород». Возник большой пожар, видимо, много жертв.

3 декабря. Опять при артобстреле снаряд попал в трамвай №12 около Дворцовой площади, много пострадало людей — говорят, почти все убиты. Выступали в Володарском райпищеторге. Начали с тяжёлым сердцем, но зрители встретили наше появление аплодисментами и открыли нас, мы бисировали.

НА ФРОНТЕ

4-го бригадой выехали на фронт, поездом до Волховстроя, затем на автобусе 150 километров. Измучились вконец, подорваны наши силы. Отъедемся ли когда-нибудь? 5-го прибыли вечером в Алёховщину. 6-го всем нам выдали валенки и повезли в батальон связи, где в Доме культуры мы дали два концерта: утром для связистов, вечером для генералитета, на следующие два дня — для офицерского состава.

И начались наши переезды: сапёрный батальон, полевой госпиталь медсанбата, командный пункт, разведчики. По два-три концерта в день в крошечных клубах, врытых в землю блиндажах, под баян, порой на крошечных сценических площадках величиной почти с обеденный стол. Температура, как на дворе, помещения ничем не обогревались. Артистам балета: мне, Роберту и юной Калерии Юрьевой, танцевавшей чардаш, приходилось переодеваться почти на морозе.

Всюду нам были рады, хорошо слушали концерт, приглашали посетить их ещё.

Два переезда совершили на лошадях. Второй раз 50 километров всего в оба конца. На розвальнях, при луне, по опушке леса, мороз покалывает щёки, а самой тепло в валенках, лошадка бежит и точно понимает, что нельзя производить шума, сани скользят. Поэтому и везут нас на лошади, из предосторожности, слишком близко враг, небезопасно. Немного жутко и в то же время как-то не хочется об этом думать. Возможная опасность придаёт остроту восприятию. Хорошо! Природа всегда поэтична. Мы любовались лунным пейзажем, мы наслаждались ездой — этим прелестным транспортом прошлого века.

На следующий день повторилось это «удовольствие», проехали на лошадях десять километров, дали тоже два концерта в батальоне.

Ежедневно мы проделывали большие переезды, стараясь не пропустить ни одной военной точки. 60 километров из Паши и обратно. Посетили и аэросанный батальон. Сорок четыре километра летели на аэросанях по руслу реки, выступили перед батальоном и помчались обратно в Пашу дать концерт гарнизону. Ощущение быстрой езды очень приятно, захватывает дух, создаёт ребяческое настроение.

Утром выехали за сорок три километра в Яровщину, провели два концерта в авточасти. Утром тут же, в Яровщине, дали концерт для ночных истребителей и отправились за восемнадцать километров выступать в двух концертах для лётного состава и авиасоединения. Наутро выехали за 53 километра в Оять и выступили последний раз перед гарнизоном.

Конечно, мы устали, бывали перебои с питанием, тяжёлые переезды, что вызывало часто плохое самочувствие у того или иного товарища и у меня, но ни разу никто из нас не отказывался от выступления и не пожаловался на трудные условия, из уважения к нашей армии, терпящей много серьёзнее нашего...

18-го в ночь мы отправились в Волховстрой, в 6 часов утра сели в поезд, и 19-го прибыли в Ленинград.

За четырнадцать дней дали 21 концерт и проехали по передовой фронта пятьсот семь километров. Вернулись домой с хорошими отзывами и благодарностями.

Бригада наша состояла из следующих артистов: Валентин Легков (баритон), Галина Скопа-Родионова (колоратурное сопрано),

Христианова (сопрано), Валентина Глухова (артистка драмы), В. Майковский (артист драмы), А. Васильев (баянист), Михаил Корик (концертмейстер), Калерия Юрьева (артистка балета) и мы — Н. Сахновская и Р. Гербек (балет).

30 декабря. Недомогание я почувствовала ещё в поезде, и, вернувшись, слегла с плевритом и болею почти месяц. Роберт танцует один на концертах свои номера: «Испанский марш» и танец матадора, муз. Гранадоса, с большим успехом.

Подошёл конец декабря. Провожаем 43-й год — мама, сестра, Роберт и я. На столе блокадный ужин, но и бутылка портвейна. С надеждой встречаем новый 1944 год. Вести с фронта обнадеживающие. Хоть гитлеровцы продолжают обстреливать город, мы надеемся на скорое освобождение.

15 января 1944 г. Мы проснулись рано утром в испуге от страшнейшей стрельбы... Мы ведь не сразу поняли, что этот ураганный огонь открыл наш город, и не знали, что нас ещё ждёт. Били все корабли на Неве и вся артиллерия города. В ответ на нас летят фашистские снаряды.

22 января. Отступила канонада и грохочет теперь где-то далеко вокруг города. Сегодня недолго длился обстрел, и не так много летело снарядов.

СНЯТА БЛОКАДА

27 января 1944 года!!! Зимний, пасмурный день клонился к вечеру. Затемнённый город тонул в полумраке. Тишина. Ни одного взрыва... затих и грозный гул отдалённой канонады... и вдруг весть! Наша армия одержала Победу, полностью разгромлен враг под Ленинградом, блокада снята... Великий праздник! Снята блокада! Какое счастье! Нет слов передать наше волнение и радость. Мы все выбежали на улицу, чужие люди бросались друг другу в объятия, плакали, торжествовали, рыдая... Раздался оружейный залп... Город салютовал нашим войскам, отстоявшим Ленинград. Высоко в небо взметнулся фейерверк и озарил город... столько огней... столько света... и свет вошёл в наши дома, в нашу жизнь и в наши души...

30 января. Отгремел салют. Снята блокада. Торествуем мы, ленинградцы. Вдохнул город, зажил мирной жизнью... Встали на ремонт наши театры — и Малый оперный, и наш Кировский. Ждём возвращения театра из эвакуации...

4 февраля. Отошла война, но не кончилась. Не кончилась и наша миссия — служение бойцам. Я поправилась, и мы выезжаем в освобождённый Новгород.

5 февраля. Город весь в руинах, ни одного дома, уцелел, к счастью, Кремль, только повреждён памятник Тысячелетия Руси, его распилили на части, но увезти не успели едва уносившие ноги гитлеровцы. Им пришлось спешно удирать.

Нас поместили в наскоро отстроенный барак. Пахло свежими досками, висел выдавший виды рукомойник, а над ним чистенькое полотенечко. Топилась печурка... чисто... тепло. Приветливо встретила нас хозяйка этой громко названной гостиницы. В небольших комнатах-номерах — койки с чистым бельём. Мы с удовольствием прилегли отдохнуть после долгой езды по чудовищно разбитым дорогам. Кварталы полностью разбитых домов, от которых остались кое-где фундаменты и несколько торчащих труб от печей, образовали вокруг нашей гостиницы огромный пустырь. Когда стемнело, возвращаясь с концерта, мы увидели вдруг огоньки из земли, вернее, лучи света, пробивавшиеся то здесь, то там из-под фундаментов. Неожиданно и занятно ожил пустырь. Оказывается, вернувшиеся жители ютились в земле, в сохранившихся подвалах от их разбитых домов.

7 февраля. Наша бригада артистов даёт несколько концертов в находящемся на территории Кремля театре для воинских частей, партизан и местных жителей.

НАС ПРИГЛАСИЛА МОСКВА

8 февраля. Приехали домой, растрясло ужасно. И – сюрприз. Нас двоих приглашает столица на гастроли. Едем на Большую землю в Москву.

Все дни по утрам тренируемся, репетируем, кроме того, на шефских концертах танцуем номера, которые не танцевали в последнее время, чтоб тоже были станцованы.

13 февраля. Выежаем... 15-го наш поезд прибыл в Москву. Выйдя из вагона, я сразу увидела сестру, Ксению Павловну Сахновскую, солистку Ленинградского Малого оперного театра (колоратурное сопрано). Она стояла на противоположном перроне, куда должен был подойти наш состав. Мы обе бросились бежать вдоль перронов, чтоб заключить в объятия друг друга, плача от счастья. У меня сжалось сердце — она выглядела совсем больной. По этой причине ей дали отпуск в театре, чтоб она подлечилась в Москве. Получив наше сообщение о гастролях, она поспешила выехать, и вот мы встретились после долгой разлуки, пережив столько горя и страданий. Нас ждал просторный номер в небольшой гостинице в центре города, куда препроводил встречавший нас администратор. В нём мы расположились вместе с сестрой и её дочерью, шестилетней Гулинькой, нашей племянницей.

В гостинице тепло, светло, электричество круглые сутки. Но несмотря на эти условия и удивительно радушный приём, оказанный нам

руководством ВГКО (Всесоюзная государственная концертная организация), мы почувствовали страшный упадок сил и страх перед гастролями. Много каких-то смутных восприятий, которые трудно передать... Москва ошеломила нас... словно иной мир, другая атмосфера города... Много людей, большое движение на улицах, всюду расклеены афиши, открыты театры. Кино, клубы, концертные залы — всё работает, казалось, что жизнь кипит... Мы растерялись, напала робость перед новым зрителем. И когда ВГКО предложили нам не торопиться с гастролями, а сначала пожить спокойно, отдохнуть, сколько потребуется, и когда почувствуем себя готовыми, сообщить им по телефону, мы были так благодарны за проявленную чуткость и заботу. Нам действительно необходимы были дни отдыха, чтоб прийти в себя.

20-ое число, вот уже проходит пятый день... Московские друзья и знакомые встречают нас приветливо, по-дружески. Москвичи называют нас героями — это удивительно. Проездом здесь оказался в командировке наш художественный руководитель балета Кировского театра, Леонид Михайлович Лавровский. Он пришёл к нам в гостиницу поведаться с нами. Для нас он уважаемый руководитель и добрый, любимый друг. Встреча была радостной, сердечной и, как всегда, интересной. Леонид Михайлович делится своими планами, так интересно, хотелось, чтоб скорей они сбылись, скорей вернулся бы театр в Ленинград и началась большая творческая работа без войны и обстрелов... Кажется, мы загорелись и вдохновляемся, теплеет на душе... мы, кажется, начали отходить от блокады и войны. Вот только слух не отходит, всё ещё в напряжении. Сестра часто с удивлением останавливает меня: «Что ты всё прислушиваешься, вот опять, сказала, что это хлопнула дверь. И пусть себе хлопнула, зачем прислушиваться, что где хлопнуло, что загудело?» И действительно, я машинально даю себе отчёт в каждом звуке и фиксирую вслух, между разговором: загудела машина, постучали в соседнюю дверь и т. п. Мирные звуки... как хорошо не слышать и, главное, не ждать тех смертоносных разрывов, от которых холодеет душа... Шутка ли, почти три года под обстрелом... сразу и не отойти... Сестра вообще находит, что я стала другой, будто во мне многое изменилось.

23-го наконец решаемся выступить в Клубе техники. Имели успех, приободрились. Главное, администрация отнеслась с одобрением и предсказала признание московской публики. Итак, наши гастроли начались.

27-го нас пригласили принять участие в Колонном зале в двух отделениях, были приняты хорошо московским зрителем.

28-го в Клубе офицеров морского флота мы дали закрытый (не афишный) сольный концерт. Танцевалось легко и с настроением, каждый наш номер приняли хорошо. Было очень приятно. В концертном бюро нас хвалят, сказали, что администрация Клуба прислала хороший отзыв, будто они остались очень довольны нашим вечером балета.

29-го и 2-го опять танцевали в Колонном зале. Нас уже встречают аплодисментами, поднимается настроение. Танцуем с удовольствием и воодушевлением.

5-го три концерта: утром в зале им. Чайковского танцевали два номера, вальс Мошковского и во втором отделении вальс Штрауса, бисировали оба раза, вечером в зале Консерватории вальс Мошковского тоже бисировали. Удивительно эмоциональный зритель, так радостно, мы словно парим на крыльях.

7-го наш сольный открытый, афишный вечер в Доме учёных. Танцевали 6 номеров, были, что называется, в ударе. После конца к нам за кулисы пришли Редель и Хрусталёв познакомиться с нами. Это прелестная концертная пара, лучшая в Москве. Дом учёных произвел на нас очень хорошее впечатление: красивый, парадный и, видимо, хорошо посещается. Этот вечер запомнится нам и войдёт в число незабываемых.

Нас завалили приглашениями, я ничего не успеваю записать, кроме того, где мы выступаем и что танцуем. Ежедневно по 2–3 концерта. Последний станцевали в зале им. Чайковского и в тот же вечер сели в поезд вместе с сестрой и племянницей. Вернулись домой в Ленинград 21-го в приподнятом настроении. Не ожидали мы такого приёма в столице: совсем как до войны. Значит, без скидки на условия блокады служили мы и нашим ленинградцам. Общее количество наших выступлений в Москве 67 раз: 64 в смешанных концертах, 2 своих сольных вечера и ещё в большом «Вечере балета» артистов Большого театра мы выступали в двух отделениях.

Самое большое число раз выступали в зале им. Чайковского. Както мы станцевали вечером и на следующий день — утром. Директор зала пошутил, что нам следует поставить тут же кровати, чтоб мы могли не уходить совсем.

Очень доброжелательно отнеслись к нам москвичи. На концертах встречали аплодисментами, на улицах не раз раздавались восклицания: «Привет героям блокады!» Сердечной была наша встреча с Серёжей Коренем (солистом балета) и превосходным певцом Мигаем, теперь ставшими артистами Большого театра. Совершенно очаровал нас Иван Семёнович Козловский. Пока мы гримировались, а он ожидал своего выхода на сцену, мы с ним беседовали. Он шутил всё время и полностью покори нас. Я знала знаменитого певца и актёра Козловского, а теперь узнала его как обаятельного человека. И в довершение всего, прощаясь с нами, директор ВГКО сказал, что не ожидал от нас, что, пережив столько, мы не только восстановили форму, но и сделали большие успехи. Вернулись мы окрылённые. Вернулись домой и с радостью почувствовали и окунулись в особый настрой нашего родного города.

ГАЛЯ И ДЯДЯ РОБИК

25 апреля. Сегодня выступали в Доме Красной Армии и потом в Доме учителя. Там была встреча с партизанами, удивительно тёплая, мы услышали, что в 1942 году партизаны, узнав, что у нас голод, собрали и доставили с риском для себя в Ленинград обоз с зерном. Хотелось им чем-то отплатить, выступали для них с особой радостью.

26 апреля. Вечер балета в Филармонии. Мы танцевали «Элегию», муз. Рахманинова, были в хорошем настроении, и кроме того, Роберт исполнил соло (solo) — танец Матадора, муз. Гранадоса, и на бис «Испанский», музыка народная, имел просто огромный успех. Он очень зажигательно танцует и красиво. Накануне концерта, днём, проверялись все номера на сцене Филармонии. Сестра с шестилетней дочуркой Галей сидела в первом ряду и смотрела репетицию. Роберт, как обычно, вдохновляется с первого аккорда и предаётся танцу, где бы это ни происходило, в полную силу своего темперамента. И когда он начал свой последний зажигательный ход, гарцуя, выбивая кастаньетами дробь, а плащ, перекинутый через плечо, летел следом, развеваясь за спиной, маленькая Галя пришла в такой восторг, сорвалась с места, вскочила на сцену и бросилась за ним, подражая ему и стремясь подхватить плащ. Так вдохновил её танец дяди Робики.

28 апреля. Вернувшись из Москвы, мы особенно остро осознали, как нам дорог наш город Ленинград, как близка и дорога царящая атмосфера. Атмосфера, создававшаяся от близости фронта, борьбы с врагом, огнём, голодом... Сплотившая людей общая опасность, общие страдания. Желание как можно больше сделать на своем посту, невзирая на опасность, с которой это связано, желание каждого внести свою лепту в общую борьбу с врагом, борьбу за город...

Этот настрой людей поддерживало наше партийное руководство. На всех ответственных постах во главе с П.С.Попковым подобрались честные и талантливые руководители и организаторы. Сумев увидеть в людях единомышленников, умно и без плётки организовывали всех на труд, на борьбу с врагом, на борьбу с огнём, на строительство дорог, причалов... В тяжелейших условиях город боролся, благодаря умелой организации нашего партийного руководства. Они сумели понять, что городу необходима и духовная жизнь, что и поднятие духа играет свою роль. Они поддерживали, призывали и давали возможность трудиться учёным, композиторам, поэтам, писателям, артистам, педагогам. И после четырёх месяцев 41–42 гг. нечеловеческих условий и вымирания, город возродился, гордо поднимая голову.

1 мая. Опять заболела плевритом. Лежу... Роберт трудится без меня. Лежу и прислушиваюсь к мирному городскому шуму: трамвайным звонкам, автомобильным гудкам и так далее, и невольно вспомнился Первомай прошлого 1943 года: жестокие обстрелы, столько крови,

разрушений, пожаров... Скоро ли кончится война? Скоро ли наступит день Победы?

25 мая. Начинаю вставать. Изнурила меня болезнь, испытываю большую слабость. Говорят, наш театр уже в пути, днями прибудет в Ленинград. Какое счастье! Наконец-то!

20 мая. Из эвакуации вернулось много учреждений и бывших жителей. Заметно прибавилось народу в городе. Частенько в общественных местах, магазинах, и особенно в трамваях, стали возникать какие-то мелочные конфликты, перебранки по пустякам. Блокадники отвыкли от этого, мы как-то жались друг к другу, рады были, когда рядом люди... Вообще приезжие проявляют к нам, блокадникам, странный антагонизм, это больно ранит, мы ждали сочувствия... Наши спектакли прекратились, здания театров встали на ремонт. Мы продолжаем военнo-шефские выступления, и ещё Ленгосэстрада организует афишные концерты на летней площадке театра в Саду отдыха, в которых принимают участие и вернувшиеся из эвакуации артисты. За эти выступления мы получаем гонорар. В Доме учёных на Дворцовой набережной 25-го июня состоялся вечер балета, в котором приняли участие балерины Алла Шелест, и Нина Железнова, и другие. В первых рядах сидели академики. Администратор после концерта благодарила всех артистов от их лица. А нам с Гербеком сказала, что наша «Элегия» Рахманинова понравилась академикам, особенно Карпинскому. Было очень приятно. Открытие сезона в театре им. С.М.Кирова назначено на 1 сентября 1944 года, ровно после трёхлетнего перерыва...

В КРОНШТАДТ БЕЗ ДЫМОВОЙ ЗАВЕСЫ

22-е июля 1944 года. В Кронштадте в чрезвычайно торжественной обстановке происходило награждение орденами героев Балтийского Флота. Выступить в концерте на их празднике пригласили артистов, трудившихся в блокаду: С.Преображенскую, П.Болотина, И.Нечаева, пианиста А.Каменского, артистов Музкомедии Н.Янета, Н.Болдыреву, Королькевича и нас, артистов балета Н.Сахновскую и Р.Гербека, артистов Кировского театра. Война отброшена от города, жизнь восстановилась. Поездка в Кронштадт выглядела теперь совсем иначе. Для нас, артистов, в 3 часа дня был подан специальный военный катерок, который в 40 минут доставил нас в Кронштадт без дымовой завесы и обстрелов. Мы словно летели по заливу... В гостинице при Клубе офицеров нам предложили отдохнуть до вечера. Торжественно происходило вручение наград... Затем концерт, и после нас всех пригласили на банкет. Банкет был шикарный, присутствовало высшее командование Флота и партийное руководство города Ленинграда. Мы, артисты, почувствовали себя членами большой семьи. В этот день мы, блокадники, были

вместе с нашими друзьями-защитниками, разделили их праздник, как делили с ними и чёрные дни... Этот вечер был памятен мне своей приподнятой атмосферой... Попировав, виновники торжества как-то разом поднялись, тепло попрощались с нами — для них война не кончилась, они уходили сражаться в море...

Нас увозили домой на таком же быстроходном катерочке до Лисьего Носа, а затем на ЗиСах⁵ по домам (давно забытый транспорт). Ночь чудесная, тихая, лунная, воздух тёплый... Я почувствовала, что такой же приподнятой атмосферой, как сегодня, мы дышали всю блокаду. Они пировали, но над ними властвовала война, боевые задания... Они горели одним чувством, одним желанием — отбить Родину, победить; и хоть это будет стоить дорого и многие отдадут жизни, они на это готовы, наши герои... Такое настроение — единым общим было и у нас в Ленинграде, город тоже жил единой жизнью, жил войной, борьбой с врагом, пожарами, налётами, страданиями... Царило взаимопонимание, единодушие. Полное отсутствие бытовых интересов, покупок, пошивок — придавало такую же приподнятость и серьёзность атмосфере города, как сегодня в Кронштадте...

5

Скорее всего, имеется в виду семиместный представительский автомобиль с кузовом «лимузин», выпускавшийся на заводе им. Сталина в 1936—1941 годах.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОБРОШКЕ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ
7-я Бродявская, 2. Телефон номера 74-87.

23 БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ **23**

ВЕЧЕР БАЛЕТА
УЧАСТВУЮТ:
О. Г. ИОРДАН
(Заслуж. арт. РСФСР, орденюноса)
Р. И. ГЕРБЕК (орденюноса)

Г. В. Алексеева, Н. В. Владимирова, Т. С. Ганус, Е. В. Гемпель, З. А. Дмитриева, Л. В. Дубравницкая, Т. В. Иванова, Н. В. Красношюева, А. Г. Костанди, В. Л. Шацевич, Г. А. Имиольская, Г. Я. Пешнина, М. Н. Полунина, Н. П. Сахновская, Е. И. Соколова, Л. В. Стрельникова, Н. В. Федорова, Г. Я. Фельтен, А. М. Чернова, Т. И. Шмырова, К. С. Юрьева, С. Ф. Карпов, Д. Н. Кирсанов, Н. М. Шехматов.

Единственный руководитель — заслуженная артистка РСФСР орденюноса **О. Г. ИОРДАН**

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОБРОШКЕ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ
7-я Бродявская, 2. Телефон номера 74-87.

19 ДНЕВНОЙ СПЕКТАКЛЬ **19**

Ж. БИЗЕ
КАРМЕН

Действующие лица:
 ХОРОВОДЫ — **И. И. Вельтер** (Засл. арт. РСФСР, орденюноса) | КЕРСЕДАНС — **И. А. Вилкина**
 ЭОЗЕ — **И. И. Бородинский** | СУНТА — **И. С. Лыкина**
 ЭКЛАРИТО — **И. И. Лыкина** (Засл. арт. РСФСР) | Ч-Е-Е — **И. А. Чернышова** (Заслуж. арт. Ленингр. оперной театры юноса, орд.)
 ФИЛИСТА — **И. И. Шестова** | КОСАРСКОЕ ТАНЦЕ — **И. Г. Иордан** (Засл. арт. РСФСР, орденюноса)

Артисты БАЛЕТА: Н. В. Владимирова, И. В. Дубравницкая, Т. П. Иванова, Л. В. Красношюева, Н. В. Федорова, Г. А. Фельтен, А. М. Чернова, А. В. Тополева, Н. М. Шехматов

Постановка заслуженной артистки РСФСР орденюноса **И. И. ВЕЛЬТЕР**
 ТАНЦЫ ПОСТАВЛЕНЫ ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКОЙ РСФСР ОРДЕНЮНОСА **О. Г. ИОРДАН**
 Художник спектакля **Г. И. ПОРИ** | Дирижер **С. А. АРНИИ**

НАЧАЛО в 7 час. дня. Касса открыта ежедневно с 11 часов утра до 7 часов вечера

Театральные афиши блокадного времени с анонсами выступлений О. Г. Иордан

ОЛЬГА ГЕНРИХОВНА ИОРДАН

18.05.1907—28.05.1971

**Артистка балета, педагог,
балетмейстер, солистка
Ленинградского
театра оперы и балета
им. С. М. Кирова**

Ольга Иордан была выдающейся артисткой балета своего времени. Её танец отличался экспрессивностью, отточенностью движений, виртуозной техникой и вместе с тем глубиной акцентов, воздушностью и лёгкостью. Ольга Иордан танцевала как классические, так и современные партии. Лучшими партиями считаются Одиллия, Раймонда и Китри. Она была первой исполнительницей партии Дивы в «Золотом веке», Жанны в «Пламени Парижа», Заремы в «Бахчисарайском фонтане».

Ольга появилась на свет 18 мая 1907 года в Петербурге. Её мать Ираида Ивановна Иордан (в девичестве Осечкина) происходила из купеческой семьи. Отец, Генрих Вильгельмович Иордан, обрусевший немец, работал госслужащим. Ираида Ивановна рано овдовела и своих дочерей Ольгу и Лидию вырастила практически одна.

С малых лет Ольга была непоседой. Она всё время была в движении; в свободное от занятий время она выполняла какие-то прыжки, пируэты, придумывала различные танцы. Всё это навело Ираиду Ивановну на мысль отдать дочь в хореографическое училище.

В училище Ольга оказалась в классе знаменитой танцовщицы и педагога Агриппины Яковлевны Вагановой. Это был период расцвета училища, когда в нём в то же время учились и другие будущие звёзды балета: Галина Уланова, Марина Семёнова, Наталья Дудинская.

После окончания Ленинградского хореографического училища в 1926 году она была приглашена в театр и вскоре заняла в нём ведущее положение. В 1939 году ей было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

В 1941 году театр эвакуировали в Молотов (сейчас — Пермь), где артисты Кировского театра оказали большое влияние на местную культурную жизнь, именно тогда там возникла «Вагановская» школа балета. Ольга Генриховна осталась в городе, сначала она не присоединилась к эвакуации из-за болезни матери, а позже ещё и потому, что понимала, как важно сохранить творческую деятельность внутри осаждённого города. Ольга Иордан была самой маститой и опытной артисткой из оставшихся в Ленинграде, поэтому неудивительно, что она возглавила балетную труппу. Группы артистов, а также музыкантов и актёров регулярно выезжали на линию фронта, устраивали концерты

в домах культуры и госпиталях. Ольга Генриховна руководила репетициями, выбирала репертуар и сама выступала, не жалея себя. Труппа выступала в тяжелейших условиях: окоченевшие от холода артистки балета кружились на импровизированных сценах из последних сил. Это было огромной поддержкой для ленинградцев, для которых вера была не менее важной пищей, чем хлеб. В блокадном городе у неутомимой труженицы Ольги Иордан открылась новая грань мастерства — талант балетмейстера.

Пережив страшную зиму 1941 года, в 1942 году объединённый коллектив Оперы и Балета (за артистов оперы в свою очередь отвечал солист оперы, заслуженный артист РСФСР Иван Алексеевич Нечаев) начал работать в составе Городского театра, который располагался в помещении Театра Музыкальной Комедии. Вскоре Ольга Генриховна поставила такие балеты, как «Эсмеральда» (1942) и «Конёк-Горбунок» (1943). Эти постановки были радушно приняты ленинградцами.

В течение блокадного времени балетная труппа столкнулась с множеством несчастий: потеря формы из-за тяжелейших условий, репетиции в неотопливаемых помещениях, постоянный риск при выезде на линию фронта, эмоциональное напряжение, проблемы с костюмами, декорациями, которые дошивались и доделывались часто и самими артистами, но, несмотря на всё это, артисты выполняли свою главную миссию — служили народу через своё искусство, они несли мир красоты и гармонии в такой

неустойчивый мир блокадного Ленинграда, где смерть и отчаяние стали постоянной частью городской жизни.

Артисты и зрители понимали: город не будет сломен, пока не сломен человеческий дух. И они выстояли. Ольга Генриховна продолжала активную деятельность в течение всей блокады.

Энергии, воли Ольги Иордан хватало не только на работу в труппе. Во время блокады она спасла от смерти многих детей, устраивая их в больницы, другим помогла в эвакуации. А весной 1942 года Ольга Генриховна организовала эвакуацию целого детского дома.

В 1944 году театр возвращается из эвакуации, и Ольга Иордан продолжает выступать. В 1946 году Ольга Генриховна вышла замуж за Ивана Нечаева. К сожалению, Ольга Генриховна потеряла своих детей-близняшек, которые умерли вскоре после родов. Ольга Иордан всю жизнь помогала чужим детям и всем, кто к ней обращался с различными просьбами. После войны активная творческая деятельность Ольги Иордан продолжалась. В 1945 году она поставила в Малом оперном театре балет «Итальянское каприччио» на музыку П. И. Чайковского.

В 1950 году Ольга Иордан перешла на постоянную работу преподавателем Ленинградского хореографического училища. В 1963 году ушёл из жизни её муж. После его смерти, в 1963—1969 годах Ольга Иордан преподавала в Московском хореографическом училище и одновременно работала педагогом-репетитором

в Большом театре. В 1968 году она поставила «Спящую красавицу» в Белграде в Театре Оперы и Балета (Большой театр командировал её в Югославию). В 1969 году из-за болезни матери ей пришлось вернуться в Ленинград, где она продолжила работу в училище.

Ольга Иордан ушла из жизни 28 мая 1971 года. Похоронили Ольгу Генриховну на Богословском кладбище рядом с могилой матери и мужа, на могиле которого стоит памятник с надписью, сделанной самой Ольгой Генриховной: «Забудет мир меня, но ты...» Это слова из арии Ленского из «Евгения Онегина» — любимой партии Ивана Алексеевича Нечаева.

«...Пятый день подряд тревога начинается ровно в 12 часов. Но мы продолжаем заниматься, делаем экзерсис под грохот зениток и разрывы снарядов. Сегодня едва только начали переодеваться, раздался страшный толчок, дом зашатался. Если могли дрогнуть метровые стены нашего театрального дома, значит, крупная бомба упала где-то неподалёку.

От уроков я получаю большое удовольствие. А.Я.Ваганова по-прежнему строга. Но сил мало, кружится голова и слабые ноги. Однако заниматься нужно...»

Это — первая страница моего блокадного дневника. Его я начала вести, тоскливо переживая тревогу на парадном подъезде балетной школы, куда каждый день ходила заниматься... Потом урывками, иногда подробнейшим образом описывая один какой-нибудь день, я вела его в течение всей блокады.

К тому моменту, когда я начала вести свой дневник, пережито было многое. Бесконечно далёким казался тот солнечный день, когда в таком же солнечном, радостном настроении я пришла к портнихе примерять платье, заказанное для юбилея Е.М.Люком. Портниха собирала чемоданы, чтобы ехать на дачу. И вдруг — война! Всё сразу переменялось. Хотелось что-то делать, куда-то идти, но что нужно делать мне, я не знала. Откуда я могла понять в то время, что такое война?

Вечером шла «Баядерка». Гримируюсь в одной уборной с Т.М.Веселовой, я увидела в зеркале её мрачное лицо.

— Что с тобой?

— Подумай, у меня сестра и мать на Карельском перешейке, на северном берегу Ладожского озера.

Спектакль шёл хорошо, зрительный зал был полон, принимали отлично. А за кулисами все были возбуждены и взволнованы. В режиссёрской сидели тихо и прислушивались к репродуктору.

После спектакля пошла гулять на набережную — дома не сиделось. На улице меня застал сигнал воздушной тревоги. Странное чувство охватило меня: казалось невозможным, чтобы величие и красота нашего города, который мы, ленинградцы, так любим, особенно в эти белые ночи, были грубо нарушены появлением вражеских самолётов и разрывом бомб.

Мне и моему спутнику предложили войти под ворота. Очень не хотелось этого — интересно было посмотреть, что будет происходить на улице.

Под воротами мы просидели около часа. Было совершенно тихо, ничего страшного. Затем прозвучал отбой. И это всё?

На следующий день был юбилей Е. М. Люком. Зал был полон, пустовала только правительственная ложа, и обращало на себя внимание отсутствие военных.

Шёл первый акт «Дон Кихота», первый акт «Жизели» и *grand pas* из «Пахиты». В «Дон Кихоте» цветочниц танцевали Вечеслова и я, уличную танцовщицу — Дудинская, Дон Кихота играл Н. К. Черкасов, Базиля — Шавров. «Жизель» танцевала Люком с Сергеевым, *pas de deux* — Балабина с Зубковским. *Grand pas* из «Пахиты» танцевали Уланова, Балабина, Вечеслова, Дудинская, я, Шелест, Мунгалова, Железнова, Чабукиани. В первый и единственный раз публика видела на сцене сразу всех ленинградских балерин в один вечер и в одном акте.

Открытое чествование было отменено — чествовали Е. М. Люком за кулисами. Там всё было необычно: с нетерпением ждали первых сводок с фронта.

С того же дня начались наши концерты в военкоматах и на призывных пунктах. Ехали на эти концерты с особым чувством: они были посильным вкладом в общее дело.

В больших залах стояли столы, окружённые скамейками. К ним тянулись длинные очереди мужчин с повестками в руках. На скамьях сидели мобилизованные и ждали отправки. Возле них — женщины, матери, сёстры, жёны, некоторые с грудными детьми на руках. Что ждало каждого из этих людей? Кто из них вернётся домой и как? Было грустно и в то же время торжественно — не плакал никто. Выступали перед этими зрителями, вкладывая в своё исполнение всё то, что было на душе: и своё отношение к ним, и свои пожелания вернуться здоровыми к семьям, и свою веру в скорую победу над врагом — тогда казалось, что победа будет очень скорой, что война не может затянуться надолго.

С 1 июля нас всех мобилизовали на оборонные работы: в декорационном зале на улице Писарева мы трепали мочалку, связывали её пучками и нашивали на сетки. Мы знали, что эта работа нужна для обороны города. Работалось весело — хотя руки были заняты, но языки свободны: много шутили, смеялись, изощрялись в остротах по адресу Гитлера и его «наполеоновских планов». Казалось, что война идёт где-то бесконечно далеко от нас и никогда до нас не дойдёт.

Одновременно возобновились репетиции «Гаянэ» (или «Счастья», как назывался вначале этот балет). Во время тревог работы и репетиции прекращались, и мы спускались вниз на лестницу в режиссёрскую или в коридор. Но тревоги проходили спокойно. Война всё ещё воспринималась только разумом и непосредственно не ощущалась.

Иногда приходилось нести ночные дежурства. Мы с Н. А. Зубковским выносили стулья к воротам театра, выходящим на Крюков канал, садились с противогазами, тихо-тихо сидели и прислушивались, не начнёт ли кто-нибудь ломиться в ворота.

В середине августа я заболела и легла в больницу. Уже там я узнала, что театр эвакуируется.

Я вышла из больницы слабая и похудевшая. Встречая знакомых, я видела, как изменились за это время люди: стали серьезнее, суровее, у всех озабоченный вид. Последние сводки сообщали, что бои идут уже возле Сиверской, Гатчины, Красного Села. Становилось страшно.

Без театра я ощутила своё одиночество — вдруг не стало того, с чем я была связана с самого детства. Кому я теперь нужна? Что делать?

Вскоре начались звонки по телефону — оставшиеся в Ленинграде актёры выясняли, кто ещё в городе. Звонила Пельцер, Кириллова, звонил Серёжа Корень.

Просили приходить, звонить. Оттого, что знакомых в городе стало меньше, каждый оставшийся делался ближе, дороже.

Что бы ни произошло, надо заниматься. Надо сохранить танцевальную форму, не отстать, не дисквалифицироваться, хотя и неясно, где и когда придётся ещё танцевать. Но все, кого я знала, были заняты делом — своим делом. Значит, и мне нужно заниматься своим. Это мой долг. И, ещё не оправившись от болезни, я стала ходить в наш репетиционный зал на улицу Росси и тренироваться. Иногда встречала своих товарищей — оказывается, в городе оставалось довольно много балетных артистов. Мы договорились с администрацией, чтобы репетиционный зал открывался регулярно — заниматься хотели все.

Однажды вечером мы сидели дома и пили чай. Стоял тёплый осенний день, окна были раскрыты. Вдруг ощутился сильный толчок, дом качнуло, люстра над столом заколебалась. Все переглянулись.

— Ну вот и начинается, — сказала я.

Мама и племянница побежали вниз. Я за ними. Загудела сирена. Мы просидели некоторое время в бомбоубежище, а потом вернулись домой. У окна стоял наш знакомый и смотрел на улицу:

— Посмотрите, какой пожар. Что это?

Чёрный столб дыма застилал почти всю южную часть города. Он долго и почти неподвижно стоял на фоне бледно-зелёного неба. Было тихо. Горели Бадаевские склады.

Через несколько дней в такой же тихий осенний вечер внезапно за нашими окнами раздалось частое хлопанье. Казалось, что пушка стреляет прямо по нашему дому. Мы не слышали ещё зениток вблизи и не могли понять, что это такое.

Я выскочила на лестницу. Вернувшись, нашла на подоконнике маленькие осколки снаряда — осколки снаряда в нашей квартире!

Совсем недавно это казалось немислимым, невозможным. Значит, война уже совсем рядом. Я впервые ощутила её непосредственно.

Тревоги становились всё чаще и чаще, и мы часами просиживали в бомбоубежище. Там было холодно, сыро и скучно.

К нам пришла женщина из соседней квартиры:

— Пока не поздно, переезжайте с пятого этажа вниз. Есть ещё места в красном уголке. Пойдёмте, посмотрим.

Я спустилась с ней вниз. В большой комнате стояло много кроватей, перетащенных сюда жильцами с верхних квартир. Здесь же жила С.П.Преображенская с детьми. Перебрались сюда и мы, заняв узенькие железные кровати у соседней. Жить здесь было утомительно: шумно, не очень чисто, всё время вокруг были посторонние люди. Спали, не раздеваясь, я часто вставала и выходила во двор посмотреть небо.

Как красив был наш город в эти прозрачные холодные ночи, когда по небу скользили и скрещивались лучи прожекторов. Изредка в лучах света становился виден шпиль Адмиралтейства — в эти дни не золотой, как всегда, а серый, зашитый в брезентовый чехол. Вырисовывались знакомые силуэты ленинградских зданий. На секунду из ночной темноты возникали куски улиц и снова пропадали во мраке. Когда не было стрельбы, в самой тишине настороженного города было что-то зловещее.

Часто приходилось нести ночные дежурства. Мне почему-то всегда выпадало дежурство на парадной, и всегда во время моего дежурства бывали тревоги. Скучно, холодно, курю одну папиросу за другой, и как только услышу на улице гудок, бегу во двор и начинаю крутить ручку сирены. Весь дом оживал мгновенно: шли в бомбоубежище женщины с детьми и свёртками вещей. Выбегала с сумочкой в руках и завернутая в платок А.Я.Ваганова:

— Нет, Ольга, это совершенно невозможно. Когда ты дежуришь, обязательно тревога. Категорически протестую. Больше тебя нельзя назначать на дежурство!

В бомбоубежище уходили не все — многие оставались здесь же, в парадной.

Голод между тем давал о себе знать всё больше и больше. В магазинах продавалась без карточек только зернистая икра, натуральный кофе и цветы. Потом и они исчезли. Я ходила в аптеку и покупала черносмородиновый витамин «С» и морскую капусту.

В один из октябрьских дней я услышала, что в здание нашего театра попала бомба и оно «вышло из строя». Мне стало так страшно, что несколько дней я не решалась пойти посмотреть на него. Наконец, собравшись с духом, отправилась и, выйдя со стороны улицы Глинки на

площадь, остановилась. Правое крыло было разрушено, входа в дирекцию не существовало — вместо него зияла огромная дыра.

Стоя на углу, я смотрела и плакала. Мысли мелькали одна за другой. Ведь здесь прошла вся моя жизнь. Мне казалось, что театр погиб безвозвратно.

Я вошла в театр — там было темно, мрачно, неудобно, холодно. В коридорах ежеминутно натыкалась на какие-то новые временные перегородки. Я прошла к А.Г.Белякову, который жил в одной из аванлож.

— Александр Георгиевич, расскажите, как это всё случилось, можно ли восстановить театр?

Он стал мне подробно рассказывать, как упала бомба, и как после этого он всю ночь не мог спать, бродил по театру и вдруг возле фойе оркестра заметил дым. Ему удалось вовремя остановить начинавшийся пожар, который мог уничтожить всё, что уцелело от бомбёжки.

— Сейчас трудно сказать, удастся ли восстановить театр. Нужно для этого проверить, не пострадали ли фундаменты. Но во всяком случае примем все меры, для того чтобы театр был восстановлен.

Тогда казалась, что не хватит никаких сил, чтобы построить то, что было разрушено в одно мгновение. И сейчас, глядя на это здание, восстановленное во всём своем блеске, я часто вспоминаю о тех развалинах, которые были тогда перед моими глазами.

Однажды ко мне пришёл С. Корень.

— Олечка, в Филармонии организуется концерт. Давайте станцуем. В программе почти все, кто остался в городе. Сбор пойдет в Фонд обороны.

— Но ведь Филармония закрыта.

— На этот день откроют.

Вскоре позвонили из Филармонии. Я дала согласие. Корень предложил станцевать испанский танец, поставленный им перед войной. Я его никогда не танцевала. Мы репетировали сначала в зале на улице Росси, потом в зале на площади Труда, где в то время работал Корень. Голод уже давал себя чувствовать, репетировать было трудно — быстро уставала, и протанцевав, долго сидела неподвижно, приходя в себя. Но отдыхать было нельзя — через три дня концерт.

Корень заметил, что я слабею.

— Олечка, вы хотите кушать. Подождите, я попробую достать кусочек хлеба.

Он ушёл и через некоторое время вернулся с небольшим пирожком. Я не стала спрашивать, откуда он достал его, и с наслаждением съела. Смешно, но даже от такого крошечного пирожка мне сразу стало лучше — появились силы, исправилось настроение.

За три репетиции я усвоила танец.

Наступил день концерта. Афиши были расклеены повсюду, о концерте в городе разговоров было много. Но с утра одна тревога следовала за другой. Чемодан с театральными вещами у меня стоял наготове в красном уголке нашего дома, но из-за тревог нельзя было выйти из дому. Концерт должен был начаться в 4 часа, а отбой тревоги прозвучал без четверти четыре. Ясно, что концерт срывается — никто же не соберётся. На всякий случай, для очистки совести звоню в Филармонию и неожиданно для себя узнаю, что концерт начинается.

— И публика собралась?

— Полный зал.

Я была страшно удивлена: значит, и тревоги не помешали! Значит, шли на концерт во время тревоги!

Хватаю чемодан, мчусь в Филармонию, быстро переодеваюсь. Волнуюсь сильно — и за танец, который исполняю впервые, и за концерт в целом.

Зал Филармонии в этот день был необычен — впоследствии мы привыкли к его военному виду. Красные бархатные портьеры сняты, люстры оголены — на них не было хрустальных подвесок и горели не все. Освещена была только эстрада.

Конферансье объявляет наши фамилии. Выходим под дружные аплодисменты. Смотрю в зал и вижу улыбающиеся лица людей, которые, аплодируя, радостно и дружелюбно смотрят на меня. На душе становится спокойно и тоже радостно, танцуется легко. Ушло то гнетущее чувство одиночества, которое не покидало меня со времени отъезда театра, когда мне порой начинало казаться, что я осталась одна на всём земном шаре, в каком-то другом мире с необычным укладом жизни и странными интересами.

Казалось, что все оставшиеся в городе и собравшиеся здесь — одна семья.

В Филармонию в этот день собрались те, кто не побоялся прийти сюда ради искусства. И таких много — полный зал. Эти люди стали мне бесконечно близки и дороги, никогда в жизни не ощущала я такой тесной, непосредственной связи со зрительным залом, как в этот день. Я танцевала и хотела слиться с ним. Я была благодарна ему за его отношение к искусству, видела в этом отношении проявление силы духа, его торжество над тревогами и невзгодами блокады, духа, не сломленного трудностями, бомбёжками, обстрелами и надвигающимся голодом.

Я не знала тогда ещё, сколько душевного величия и мужества и в большом, и в малом проявят в недалёком будущем ленинградцы, часть которых собралась в тот момент в зале Филармонии, и какими бессмертными подвигами прославят они себя и свой город.

Через несколько дней состоялся первый за блокаду балетный утренник, тоже в Филармонии. В нём участвовали: Н.Г.Кириллова, А.Я.Шелест, С.Г.Корень и наша балетная молодёжь. Партию фортепиано исполнил профессор А.Д.Каменский, соло на скрипке — В.Заветновский, соло на виолончели — Д.Шафран.

И этот концерт прошёл с большим успехом — мне даже был поднесён букет цветов.

Успех первого за блокаду концерта окрылил. Оказывается, и в этих условиях можно что-то делать, и главное: значит, балет всё-таки кому-то нужен. И мысли невольно возвращались к тому, что надо организовать оставшихся в городе артистов балета и начать регулярную работу.

Как-то в театре я встретила заместителя директора театра А.Г.Белякова и артиста балета В.Э.Томсона:

— Товарищи, нам бы нужно начать действовать. Смотрите, сколько в Ленинграде осталось наших актёров — по балету осталось много хорошей молодёжи, есть солисты оперы, артисты хора и оркестра. Подсчитайте, мы можем организовать хорошие спектакли.

И я стала доказывать, что без большого труда можно возобновить, например последний акт «Спящей красавицы», второй акт «Корсара».

Но я не хотела взять на себя организацию балетного коллектива — меня пугали организационные трудности, опыта в этом отношении ни у кого из нас не было.

Однажды каким-то образом мама достала воз ломаных досок. Их свезли к нам на двор и свалили в углу. Я заняла у соседней пилу, надела какой-то жакетик и пошла пилить их. За этим занятием застала меня пришедшая к нам А.Я.Шелест.

— Ольга Генриховна, срочно просят вас зайти в театр.

— Зачем?

— Кажется, собираются восстанавливать спектакли.

На следующий день я пошла в театр. Там собрались все работники театра, оставшиеся в городе: П.З.Андреев, С.П.Преображенская, Н.Л.Вельтер, И.А.Нечаев, П.П.Болотин, из балетных — Н.П.Ивановский, С.Г.Корень и другие.

Беляков сообщил, что решено возобновить работу — у нас есть возможность открыть филиал на Петроградской стороне, в здании Народного дома. Многие протестовали — далеко. Но Беляков настаивал:

— Это наш филиал, и мы там начнём работу.

Решено было поставить «Евгения Онегина», «Травиату» и последний акт «Спящей красавицы». Кореню, Ивановскому и мне было предложено составить список имеющихся артистов балета и назначить составы.

Когда встал вопрос о балете, о том, кто будет им руководить, мне стало очевидно, что нужен человек с большим безусловным авторитетом. Конечно, это Агриппина Яковлевна Ваганова. Её не было на этом собрании. Я назвала её имя, и мое предложение было сразу же поддержано. Мне поручили съездить к ней и договориться об её участии в нашей работе.

Прямо из театра я помчалась к Агриппине Яковлевне. Она дала принципиальное согласие.

Через несколько дней в репетиционном зале Училища состоялась первая официальная встреча балетного коллектива. Пришли все. Было холодно, сидели в пальто. Беляков представил Агриппину Яковлевну как художественного руководителя коллектива, рассказал о перспективах работы, о планах дирекции, и мы сразу же приступили к работе. А. Я. Ваганова пришла на это собрание с уже готовой программой: начала ставить «Вальс» Глинки, тут же развела последний акт «Спящей красавицы». Программа была составлена очень удачно, существующий состав хорошо обеспечивал её качество. «Вальс» Глинки должны были танцевать я и все девушки — мужчины не были в нём заняты совсем. Костюмы для него были подобраны из «Утраченных иллюзий». Белые, спадающие вниз тюники.

На октябрьские праздники 6, 7, 8 и 9 ноября — были объявлены сборные концерты в Филиале. Но состоялся только первый их них. В эти дни бомбёжки были особенно ожесточёнными и собирать зрителей было небезопасно. Последующие концерты были отменены.

Но занятия продолжались. А. Я. Ваганова занималась с небольшой группой, в которой была и я. Приступили к репетициям «Спящей красавицы». Аврору танцевала я, принца Дезире — Корень.

Репетировали весь акт полностью, без всяких пропусков, — и адажио, и вариации, и коду. На репетициях Агриппина Яковлевна была так же строга, как обычно, не давая нам никаких скидок. В этом отношении она была для всех образцом и примером — ни голод, ни бомбёжки не были в состоянии поколебать её внутренней дисциплины, чувства долга и требовательности к искусству. Когда Филиал открылся и в нём пошли оперные спектакли «Евгений Онегин» и «Травиата», она ежедневно ходила пешком на Петроградскую сторону для того, чтобы посмотреть исполнение балетных номеров. Немногие были в то время способны на это!

Балетные спектакли так и не состоялись — Филиал пришлось закрыть. Но несмотря на то, что положение Ленинграда осложнялось день ото дня, чувства одиночества, заброшенности, ненужности уже не было. Каждый из нас ощущал себя членом коллектива, который знал, что его работа нужна ленинградцам, и ждал только того момента, когда появится возможность возобновить её.

Жизнь становилось всё труднее и труднее. Но вместе с трудностями рождалось упорство: нужно выжить, преодолеть эти трудности, нужно работать, хотя бы работа и не могла дать сейчас результатов. Где-то глубоко в подсознании — понятно это стало уже значительно позже — сидела мысль, что признать себя сломленной трудностями блокады значило капитулировать перед врагом, который хотел и ждал нашей гибели.

Мы недолго прожили в красном уголке: очень шумно и неудобно было там. Да и стало очевидно, что от бомбы не уберёжешься: опыт показал, что она может разорваться и в верхнем этаже, и в подвале. Угадать, что случится, невозможно.

Возвращаться к себе на пятый этаж было трудно. Никогда я не думала, что придётся так экономить каждый свой шаг и силы. Кроме того, в пятый этаж вода уже не поднималась, её нужно было носить самим. Мы поселились внизу, в пустой квартире на третьем этаже. Квартира была очень большая, все комнаты были запечатаны, кроме одной, совершенно пустой, которая стала числиться за нами, и кухни.

В этой тёмной кухне нас жило 5 человек: я, мама, племянница Ира, Нюра — наша бывшая домработница, поступившая теперь на фабрику, и жившая в этой квартире женщина.

Плиту мы топили ежедневно, но она очень быстро остывала. Когда она топилась, стены от тепла и пара покрывались каплями воды, которая собиралась в струйки и стекала на пол. Кровать моя была придвинута к стене вплотную, подушка и постельное бельё на ней были постоянно влажные.

К утру на нашей кухне становилось совсем холодно, и день приходилось начинать с открывания двери. Это был нелёгкий труд. Она примерзала, над ней образовывались круглые льдинки, и стекло было обледеневшим. У нас заранее было приготовлено ведро и топор, которым мы сбивали лёд с двери. Потом все втроём навалились на неё. Только после этого можно было выходить в коридор и в другую комнату.

Вскоре перестала идти вода.

Никогда не забуду, как мама однажды принесла с Невы ведро воды и поскользнулась у порога, пролила его. Она расплакалась горячими слезами — так тяжело было думать, что нужно идти снова.

Когда вносили в кухню ведро с водой, на которой плавали кусочки льда, становилось невероятно холодно. Намокшие от воды варежки

клали на горячую плиту, но плита остывала раньше, чем они успевали просохнуть.

Мама и Ира работали в оборонных мастерских при театре — там изготавливались маскировочные сети.

Начинался наш день в 6 часов утра. Мы вставали, ставили самовар щепками, обломками стульев, вообще ломали всё деревянное, что оставалось в доме, в нашей квартире, куда ежедневно ходили за вещами. Мама и Ира уходили в половине восьмого. Я оставалась дома, прибирала, наливала водой все кастрюльки, потом шла на улицу Росси в репетиционный зал.

Заниматься удавалось не всегда — частые тревоги загоняли нас в бомбоубежище. Там мы сидели часами, разговаривая о театре, споря о балете. Почти всегда с нами была А. Я. Ваганова и жившая в этом доме С. В. Шостакович (мать композитора), оставшиеся в Ленинграде педагоги и ученики старших классов Хореографического училища.

Я старалась не распускаться сама и поддерживать дух окружающих. Пришла как-то ко мне одна из наших молодых артисток в совершенном отчаянии. Она не работала, не служила, сидела без карточки — и моральное, и физическое состояние её было ужасным. Я набросилась на неё:

— Нельзя так сидеть, нужно что-то делать. Если начать распускать себя, можно дойти до Бог знает чего!

— Что же мне делать, Ольга Генриховна? Ведь театра нет, и больше я ничего не умею.

— Работать. Иди сейчас же к Белякову. Он даст тебе работу в мастерских. Будешь получать зарплату, карточку, там же есть столовая, и, главное, исчезнет бесцельность и бессмысленность существования.

Она послушалась меня и пошла работать.

Как-то я занималась в репетиционном зале. В этот день мне было особенно плохо: ноги слабые, кружилась голова. А. Я. Ваганова была недовольна мной, упрекала, что делаю не в полную силу. Началась тревога — я даже обрадовалась ей как поводу прекратить занятия. Переоделась, спустилась в бомбоубежище и легла на одну из стоявших там кроватей. Тревога длилась долго — я решила идти в театр, к маме. А. Я. Ваганова возмутилась:

— Сумасшедшая, куда идти? Тревога, по Невскому не пропустят!

— Я проберусь, пойду не по Невскому, а по Чернышёву, по каналу Грибоедова, по боковым улицам, где милиционеров и патрулей нет.

И пошла. Благополучно прошла улицу Декабристов. Встречаю женщину: лицо знакомое, она работала у нас в театре, а сейчас в мастерской, на станках, там же, где мама. Она тоже узнала меня:

— Вы идёте в театр? В него только что попало два снаряда.

- Куда?
- В Ламбинский зал, масса жертв.

Вспоминаю: сегодня утром мама и Ира, уходя на работу, сказали, что они будут работать не в Головинском зале, как обычно, а в Лабминском.

Бегу к театру. Первое, что я вижу на площади — дом против Консерватории, с выбитыми окнами, весь в ожогах, копоти и в следах от осколков, и свежая воронка посреди трамвайных рельс. У второго подъезда театра стоит грузовик, и через открытые двери выносят кого-то на носилках. Может быть, моих?

В подъезде страшная сутолока, кто-то плачет, кого-то ведут под руки. Никто ничего не знает, ничего не понимают.

Встречаю М. Ф. Кирхгейм.

- Ради бога, скажите, мои живы?
- Не знаю.

Попадается навстречу П. И. Гончаров.

- Мои живы?
- Ничего не знаю.

Думаю: если никто не знает, значит, плохо.

Кто-то кричит:

- Идите в медпункт, там регистрировали убитых и раненых.

Бегу туда, обращаюсь к доктору:

- Скажите, мои живы?
- Как фамилия? Так не помню — было столько народа.

Смотрит по спискам.

- Нет, не проходили. Ищите их где-нибудь в театре.

Бегу в Головинский зал и на лестнице сталкиваюсь с мамой. Бросаемся друг к другу в объятия.

- Ты цела?
- Цела.
- Где Ира?
- Сейчас придёт — где-то здесь бегают.

К счастью, Ира тоже цела. Они обе очень взволнованы, еле стоят на ногах.

Подбегает М. Ф. Кирхгейм:

- Надя Штомпель ранена.
- Где она? Хочу её видеть.
- Её уже увезли в больницу.
- Куда ранена? Опасно?
- Осколок попал в ногу.
- Боже мой, Надя не сможет танцевать!

Это было 19 декабря, а 25-го я заболела и слегла.

Я лежала, больная дистрофией и ревматизмом, в кухне без окон, с коптилкой, которая наполнялась не керосином, а всем чем угодно — до клопомора включительно.

Ужасно, ужасно тянулись дни и вечера.

К часу дня возвращалась Ира, брала маленькие кастрюльки и отправлялась в «Асторию» за обедом. Там она просиживала иногда часов до четырёх, так как то не было света, то воды или транспорта, чтобы привезти продукты. Поэтому обеды запаздывали, и люди, пришедшие за ними, сидели в вестибюле и ждали.

Обед кончался у нас очень быстро, но мы старались растянуть его как могли, ели очень медленно, пережёвывали хлеб долго. Я хорошо тонко резала ломтиками свой хлеб. Ира с завистью смотрела, как у меня получается много-много ломтиков, и просила порезать так же и её хлеб.

Потом начиналось питьё. Пили много и упрекали друг друга за это.

И вот наступал вечер. Читать с коптилкой было тяжело, шить — тоже, да и сил не хватало. Племянница надевала на себя всё, что возможно, завязывала голову платком — мы в платках и спали — влезала на ещё не совсем остывшую плиту, ставила коптилку на медный куб для воды, подсаживалась к нему на корточках и брала в руки книгу.

Часто в это время приходил кто-нибудь из знакомых. Меня не забывали. Заходили Д.Н.Лазарев, Н.Л.Вельтер, иногда — С.П.Преображенская. Порой заглядывала и А.Я.Ваганова.

Много радости доставляли мне приходы М.А.Гуковского. Он проходил всегда бодрый, весёлый — его оптимизм не могло поколебать ничто. После его ухода всегда становилось легче — свой оптимизм он передавал и нам.

В самом начале, ещё ранней осенью, я получила возможность обедать в Доме учёных. Я каждый день ходила туда по набережной, смотрела на красавицу Неву, на величественные дворцы вдоль набережной и особенно остро воспринимала красоту нашего великолепного города, который любила всегда, а в эти дни полюбила ещё сильнее.

Много трогательного внимания испытала я к себе в эти тяжёлые дни, когда так проявлялись люди. Однажды ко мне пришёл профессор М.Д.Тушинский. До войны он принимал больных в нашем театре, а сейчас, узнав, что я лежу, пришёл ко мне пешком с Петроградской

стороны. Он осмотрел меня, сказал, чтобы лежала, кутала руки и ноги, и прописал лекарства. Через несколько дней С.П.Преображенская сообщила, что встретила его:

— Передайте этой плясунье, чтобы сидела дома, — сказал он ей. — Я к ней зайду.

И действительно, через несколько дней он снова был у меня и принёс целый пакет глюкозы.

Новый год я встретила в постели.

В этот день пришла ко мне выписавшаяся из больницы Надя Штомпель. Ей предлагали поступить в ансамбль Краснознамённого Балтфлота, где балетным коллективом руководил наш товарищ С.Корень, и она хотела посоветоваться со мной.

— Конечно, иди.

— А если ансамбль эвакуируется, ехать мне или нет?

Вот на этот вопрос ответить было трудно. В те дни советовать кому-либо, уговаривать ехать или остаться было одинаково трудно.

Эти вопросы каждый должен был решать сам за себя.

В январе нам сообщили, что в гостинице «Астория» открывается первый в городе стационар, предназначенный для работников науки и искусства. Туда помещали слабеющих людей для поддержания их здоровья.

Через несколько дней я получила направление в «Асторию».

Когда впервые после месяца лежания в тёмной кухне вышла на улицу, у меня от дневного света и воздуха закружилась голова — до того отвыкла я от них за время лежания в полумраке с коптилкой. На улице было тихо, морозно, светило яркое солнце, снег блестел ослепительно.

В «Астории» нам с женой Б.А.Горин-Горяйнова — А.А.Исаковой предоставили одну комнату на двоих, но без стёкол: окна были забиты фанерой, электричество, как и во всем городе, не горело, так что весь день приходилось сидеть в темноте.

Температура в нашей комнате была градус мороза, в графине вода замёрзла (водопровод, разумеется, тоже не работал), и спала я под семью одеялами, в пальто, халате, а рот закрывала простынёй, так как даже дышать было холодно.

После врачебного осмотра меня перевели в самый тёплый номер — в пятом этаже, 515. Там оказалось не только немного теплее, но, самое главное, были стёкла.

Сейчас эти холодные комнаты, тёмные промёрзшие коридоры, питание, по тем временам исключительное, но для истощённых организмов все же недостаточное, весь неповторимый быт блокадной «Астории» представляются невероятными.

Но даже и тогда, а тем более теперь, мы не могли не испытывать чувства благодарности и изумления по поводу того, что в условиях блокады удалось создать и это; мы хорошо на собственном опыте понимали, каких трудов стоил каждый шаг, чего стоило не только доставить нам продукты, но и приготовить из них обеды, когда воду нужно было возить на себе с Невы, когда не было ни дров, ни транспорта, когда даже в аптеках не могли приготовить микстуры из-за отсутствия дистиллированной воды!

И в том, что первый в городе стационар был предназначен для представителей советской интеллигенции, которая после эвакуации основных учреждений оказалась в особенно трудном положении, мы видели и ценили заботу ленинградских организаций.

Вид у всех у нас был самый причудливый. Хорошо помню колоритную фигуру Р.О. Орбели в халате, ватных штанах, валенках, с меховой шапкой на голове. Обслуживающие нас сёстры и санитарки надевали халаты поверх шуб.

Коридоры не освещались совершенно. Ходили по ним, держась одной рукой за стену, а другую протянув вперёд, и при этом, чтобы не столкнуться с кем-нибудь, всё время говорили: «Идёт человек, идёт человек...» А сёстры, которым передвигаться приходилось постоянно, изобрели своеобразный осветительный прибор: зажигали смазанную вазелином марлю, которая коптила совершенно несусветным образом.

В угловом номере «люкс» был установлен красный уголок. Там помещалась библиотечка, стояло пианино, и после ужина мы обычно собирались туда. В маленькой комнате собиралось человек тридцать — сорок, все в пальто и шапках, и валенках или галошах.

В эти дни даже радио не работало.

В один из таких вечеров в темноте послышались звуки рояля. Кто-то играл тихо, медленно, но с большим мастерством и чувством. Трудно описать волнение, охватившее меня, когда я впервые за несколько месяцев услышала музыку: она подействовала на меня невероятно, и я чуть не расплакалась.

Это играл В.В. Софроницкий. Он порой заходил в красный уголок, садился к пианино и, не снимая перчаток, играл в темноте. Играл долго — минут пятнадцать, больше не хватало сил.

Однажды днём я стояла в коридоре и курила откуда-то добытую папироску. Ко мне подошёл Софроницкий. Без курева мы страдали не меньше, чем от недоедания. Я оторвала кусок мундштука и протянула ему недокуренную папиросу:

— Хотите?

— Спасибо. За это я вам вечером сыграю мазурку Шопена.

Вечером он исполнил своё обещание. И на этот раз музыка взволновала меня: я вспомнила театр, нашу «Шопениану»... Наши спектакли

вставали у меня перед глазами, и, сидя в темноте, я чувствовала музыку так, как едва ли я буду чувствовать её когда-либо. Сразу нахлынуло столько воспоминаний, и казалось, что всё ушло так далеко и никогда не вернётся...

Придя к себе, я улеглась в постель и стала вспоминать наш театр, балеты, которые танцевала, пришла к мысли, что никогда не буду танцевать, что для меня уже всё кончено. Неужели я могла когда-то танцевать «Лебединое озеро», такое трудное *pas de deux*? А ведь я танцевала! С такими опухшими ногами, руками, будучи дистрофиком, смешно думать о танцах!

Но, очевидно, — старалась я успокоить себя, — я начну новую жизнь, возможно, смогу ещё что-нибудь делать.

Когда приходила ко мне мама (она каждый день бывала в «Астории» и приносила мне горячий кофе и грелку, требовала, чтобы, ложась, клала её себе в ноги), она старалась подбодрить меня, говорила:

— Ты поправишься, ты ещё будешь танцевать.

— Боже, — думала я, — она ничего не понимает! Я понимаю, а она не понимает...

Я не спорила, не хотела огорчать её, но в глубине души была уверена, что о моей дальнейшей сценической карьере мечтать глупо.

III

В феврале в «Астории» начали налаживать отопление. Мне трудно даже сейчас представить себе, откуда можно было в то время найти людей, которые были способны исправить замёрзшие и лопнувшие трубы, восстановить водопровод, как можно было подвезти уголь. Но это произошло — в наших комнатах стало заметно теплее.

И вот как-то утром, проснувшись, я открыла глаза и увидела, что в окне оттаял кусочек стекла — всю зиму стёкла были покрыты толстым слоем инея. И сквозь оттаявший кусочек было видно солнечное синее небо.

Я быстро встала и влезла на подоконник. Наша комната выходила на Исаакиевскую площадь. Я прильнула глазом к оттаявшему кусочку, увидела голубое небо, Исаакиевский собор, сквер, заваленный сугробами снега, на котором по узким протоптанным тропиночкам ползли чёрные фигурки людей, и долго стояла и смотрела на этот прекрасный мир. Нет, жизнь должна ещё быть снова счастливой!

И я стояла на окне, смотрела на ясное небо, на чудесный, запушённый снегом, притихший, но по-прежнему величественный Ленинград.

Однажды, идя по коридору, я увидела А.Я.Ваганову (она тоже была в «Астории»), стоявшую с двумя неизвестными мне мужчинами. Они поздоровались со мной:

— Вот вас-то нам и нужно.

Улучив момент, я шепнула Вагановой:

— Кто это?

— Рачинский и его заместитель Лев.

Оказывается, они разыскивали меня, чтобы предложить мне эвакуироваться с эшелоном, который направлялся в Пятигорск, где в одном из санаториев было устроено общежитие для ведущих мастеров искусства. Ехать туда я могла со всей семьёй, нам должны были предоставить бесплатный двухмесячный отдых в санатории, а затем я могла ехать в Молотов, где находился театр, или куда захочу.

Смущало только отсутствие денег. А.Я. Ваганова тоже колебалась. Но, поговорив с мамой, мы решили ехать и начали лихорадочно собираться. Надо было отобрать самое необходимое, выстирать хотя бы минимальное количество белья и, главное, собрать на дорогу хотя бы немного денег.

За этими хлопотами отправку эшелона мы пропустили. Но в Управлении меня успокоили, что через несколько дней пойдёт самолёт, на котором меня отправят.

— Сидите, ждите, но будьте всё время наготове.

Выйдя из «Астории», я почувствовала себя окрепшей и принялась сама ходить по своим делам.

Через несколько дней позвонили по телефону из Управления по делам искусств и сказали, что я лечу вместе с Софроницким, который тоже выписался из «Астории», и что отправки нужно ждать ежеминутно.

Как-то, возвратившись домой, я узнала, что недавно за мной приходила машина из Управления, чтобы забрать нас и везти на аэродром. Ждать она не могла и уехала. Я побежала в Управление, но там мне сказали, что самолёт уже улетел, нужно ждать следующего. Когда он будет — неизвестно: может быть, завтра, может быть, через неделю. Мы ждали, устали от ожидания и неопределённости, а город в это время оживал с каждым днём. Всё его население вышло на улицы, и со сказочной быстротой они очищались от снега. А ведь недавно казалось, что эти сугробы и ледяные глыбы не сдвинет никто!

С каждым днём улучшалось продовольственное положение города, силы у людей прибывали.

Да и крепко верилось, что час нашего освобождения от блокады близок, что не за горами день окончательной победы.

В один из весенних дней 1942 года я была вызвана в Управление по делам искусств, и там мне вручили посылку, присланную Всесоюзным Комитетом на моё имя. Придя домой и развернув пакет, я просто

остолбенела от вида того, что представилось моим глазам: в посылке был большой кусок шпига, две больших колбасы, килограмм сахара, две плитки шоколада — вещи, о которых мы забыли и думать, мечтая главным образом о пшённой каше и куске чёрного хлеба.

А через несколько дней мне сообщили, что я могу идти получать академический паёк.

15 апреля в городе снова зазвенели трамваи. Мне никуда не нужно было ехать, но так захотелось прокатиться, снова испытать знакомое ощущение. Я села в трамвай и проехала несколько остановок. Как это было прекрасно! Город сразу перестал казаться таким необъятным, его дальние районы — Лесной, Охта, Новая Деревня — снова стали досягаемыми, близкими. Но главное было даже не в этом — действующий трамвай означал возрождение жизни города, победу над трудностями, которыми немцы пытались задушить его.

Перед Октябрьскими праздниками в 1942 году было объявлено, что 7 ноября на несколько часов будет включено освещение в домах, где сохранилась проводка. К сожалению, в нашем доме она оказалась в неисправности, и света у нас не было. Но уже существовали счастливицы, которые провели этот праздник не с коптилками, а при электрическом свете. Через несколько дней в газетах было объявлено, что свет в жилые дома будет даваться ежедневно с 7 до 11 часов вечера.

Тяжёлым кошмаром вспоминались месяцы вынужденного бездействия, хотелось быть полезной стране, вернуть ей свой долг. Ведь всё, что я имела, — и академический паёк, и посылка Комитета, и «Астория», и даже тот хлеб, который я получала ежедневно, — страна давала мне, не получая от меня ничего взамен. Как бы трудно мне ни было, я должна была найти в себе силы и возможности для работы.

Работать хотелось мучительно. И не мне одной — об этом говорили все мои товарищи, с которыми я снова начала встречаться. Оказалось, что из нашего театра осталось человек двадцать. Это была способная молодёжь: Н. Красношеева, Г. Алексеева, Е. Гемпель, Л. Пешкина. Хуже обстояло дело с мужчинами, их было гораздо меньше: Г. Васильев, Р. Гербек, Н. Шехматов, П. Тихомиров. Но все были в ужасном виде, истощены и обессилены, а у Тихомирова кроме дистрофии была ещё и цинга: колени распухли, танцевать он не мог.

А. Я. Ваганова эвакуировалась весной, в марте, и потому возглавить работу балетного коллектива пришлось мне. Я как старшая чувствовала на себе моральную ответственность за судьбу моих младших товарищей.

Трудности начались с первых же шагов: с задачи достать ноты, хотя рядом с нами, в том же доме, находилась богатейшая Музыкальная библиотека. Но она стояла запертой, библиотекарь умер зимой, окна её были заколочены крепкими досками и засыпаны землёй ещё в первые

дни войны. Когда мы, раздобыв наконец ключи, вошли туда, то не знали, что нам делать с этим лежащим совсем рядом богатством. Зажгли коптилки и наугад снимали с полок ноты, стараясь таким образом разгадать систему, по которой они были расставлены, и найти то, что нам было нужно. Кое-что обнаружили, но многого так найти и не смогли, принесли из дому — у кого что было.

А сколько трудов нам стоило найти пианиста! Никого из наших аккомпаниаторов к весне не осталось в городе.

Трудно описать то чувство, которое охватило меня, когда мы снова собрались в нашем репетиционном зале на улице Росси на первый урок. Все надели танцевальные туфли и тюнички, стали возле палок, раздался первый аккорд, и похудевшие, но с горящими от счастья глазами, мы присели в привычном плие. Я не верила себе: сон это или действительность? Неужели весь кошмар минувшей зимы прошёл, и мы снова делаем своё любимое дело, снова возвращаемся к нормальной жизни! С каким наслаждением я давала эти уроки, отдаваясь им целиком, как загоралась ими и зажигала других!

Я думала с гордостью:

«Жив ленинградский балет! Наш город — родина русского балета, который завоевал себе славу во всем мире. Не смогли немецкие полчища захватить или уничтожить наш город, не смогли немецкие самолёты и пушки подавить духа ленинградцев — не смогут они уничтожить и ленинградский балет. Он должен существовать, и он будет существовать, несмотря ни на что!»

Впрочем, жестокая действительность всё время напоминала о себе. Сил у всех было немного. Позанимавшись совсем недолго, уставали, бледнели:

— Ольга Генриховна, мне плохо. Можно полежать?

— Можно. Ложитесь.

Они ложились тут же в зале на стульях и отдыхали несколько минут. Потом снова вставали.

— Теперь я могу немножко танцевать.

Танцевать в полную силу было невозможно. Я соразмеряла свои требования с возможностями исполнителей, не давала им трудных упражнений, но в том, что они делали, требовала совершенства, не допуская никаких скидок на состояние здоровья и условия работы. Я знала, как опасно, если в наше сознание проникнет это «право на скидку». Я говорила:

— Многого мы делать сейчас не в состоянии, но то, что мы делаем, должны делать хорошо, как всегда делали бы в своём театре в мирное время.

Однако на практике это было далеко не всегда достижимо.

Вскоре балетным артистам разрешено было выдавать карточки первой категории. Карточки были получены, они увеличили паёк наших товарищей, хотя его всё ещё было недостаточно для того, чтобы восстановить истощённые организмы.

С трудом начали ездить на концерты. Нужно ли говорить, что наши первые выступления были далеки не только от совершенства, но и от того, что каждому из нас хотелось бы показать защитникам нашего города.

И всё-таки к лету 1942 годы мы в основном восстановили свои силы, почти вошли в норму, и тут я уже стала повышать свои требования, требовать настоящего качества исполнения, репетировать и танцевать в полную силу.

И вот мы дали свой первый концерт. Большой зал Филармонии был переполнен. Впервые после страшной зимы балет выступал на сцене. Успех был огромный — ленинградцы понимали, каких усилий нам стоило создание нашего коллектива, и в возрождении ленинградского балета видели новый признак возрождения жизни города.

На следующий день дирекция Филармонии обратилась к нам с просьбой повторить концерт.

Потом мы дали несколько концертов в Саду Отдыха. Мне пришлось участвовать во всех.

Я была одна в шести лицах: художественный руководитель, артистка, репетитор, педагог, администратор и балетмейстер.

До войны я никогда не занималась балетмейстерской работой, не ставила никаких танцев. Теперь мне пришлось это делать. Мне говорили прямо:

— Ольга Генриховна, это нужно.

И я отвечала: «Да, я сделаю». А что и как — я тогда ничего не знала. Я брала ноты, садилась с пианистом, слушала музыку и — впервые в жизни! — принялась ставить номер. Это были танцы из «Кармен» (антракт) и голландский танец для М. Дубовицкой и Н. Шехматова. К моему удивлению, первый поставленный мною номер был признан удачным. Это меня приободрило, и к следующей балетмейстерской работе я приступила уже с большей уверенностью.

Я научилась быть администратором. Ходила, хлопотала. И когда жизнь меня заставила, у меня появилась энергия, находились нужные слова, я научилась доказывать и добиваться своего.

Раньше я никогда не выступала на собраниях — если я присутствовала на них, то всегда молчала, мне было страшно подумать о том, чтобы выступить перед большой аудиторией и что-то отстаивать. Теперь я научилась и этому.

Дав несколько вечеров балета, мы решили попробовать поставить целый балетный спектакль и выбрали для этого «Эсмеральду», которую я решила ставить в старой редакции. Составы нам удалось развести хорошо, хотя общее число исполнителей было гораздо меньше, чем в спектакле Кировского театра. Поэтому пришлось кое-что сократить, а последний акт — две картины — даже выкинуть целиком.

«Эсмеральду» начали репетировать летом, когда было тепло, но выпускали её уже в декабре. Репетиционный зал, разумеется, не отапливался, и, чем холоднее становилось на улице, тем труднее было нам репетировать. Если вначале на репетициях можно было требовать настоящего качества исполнения, то впоследствии, когда температура в зале почти не отличалась от температуры на улице, переодеться стало невозможно. Кордебалет и нетанцующие персонажи на репетиции не снимали верхнего платья, танцевали, или вернее, намечали движения, в шубах, платках, валенках и перчатках. Так и вставали в арабески. Но танцы мы успели разучить ещё летом, и теперь я, главным образом, добивалась ровной линии, чистоты и согласованности движений, а всё это можно было делать и не снимая пальто. Я требовала от исполнительниц, чтобы они верно поднимали руки, выдерживали ритм и хорошо знали порядок. Со стороны, вероятно, это выглядело смешно, особенно когда репетировали танец с корзиночками и танцевали с ними, обутые в боты и валенки.

Далеко не гладко обстоял вопрос и с нашим составом. Многие из артистов за зиму устроились работать в различных организациях, откуда их не хотели отпускать. Так, например, Г.Алексеева служила няней в детских яслях. Г.Никольская была за городом на торфоразработках, артисты Малого Оперного театра работали в оборонных мастерских, помещавшихся в здании самого театра. За каждого приходилось хлопотать; собирать и оформлять коллектив было делом невероятно кропотливым и хлопотным. Кое-кого взяли из Консерватории.

Мне кажется, что вся эта работа не пропала даром. Не говоря уже о том, что благодаря ей нам удалось выпустить за время блокады несколько спектаклей, которые были очень тепло приняты общественными организациями и ленинградским зрителем и сделали своё дело, — многие люди были таким образом сохранены для академического балета. Если бы всё это время они проработали не по своей специальности, если бы они не тренировались, им вряд ли удалось бы возвратиться на сцену. Между тем многие из них за время блокады не только не дисквалифицировались, но сделали значительные успехи.

Очень выросла за время блокады Н.Красношеева, большие успехи сделал Р.Гербек, впервые в своей жизни танцевавший в «Эсмеральде» Гренгуара и танцевавший очень хорошо, совсем по-новому раскрылись

Е.Гемпель и Л. Пешкина. М.Дубовицкая была взята нами из Консерватории — в результате её работы в нашем коллективе она получила приглашение вступить в труппу Малого Оперного театра и с успехом работала там.

Особенно сложно обстоял вопрос с мужчинами. Их приходилось форменным образом отвоёвывать из воинских частей, из ансамблей, где они работали, и даже из других театров.

В частности, у нас не было исполнителя на роль Квазимодо. Я вспомнила, что её когда-то в нашем театре очень хорошо играл заслуженный артист А. А. Орлов. Теперь он работал в театре Музыкальной комедии.

Согласие на участие в наших спектаклях со стороны А. А. Орлова я получила легко, но затем этот вопрос пришлось согласовывать с директором театра, его художественным руководителем, с Управлением по делам искусств, и только в результате длительных переговоров мы получили разрешение использовать А. А. Орлова в наших спектаклях. Впрочем, должна оговориться, что в основе этого сопротивления лежала забота об артисте, боязнь, что мы его перегрузим и переутомим, и, разрешив этот вопрос, мы работали с Музыкальной комедией в тесном и дружеском контакте.

С мужчинами у нас обстояло дело настолько катастрофично, что приходилось переставлять танцы с таким расчётом, чтобы обойтись без них, а однажды был даже такой случай. Когда внезапно заболел исполнитель роли Клопена Трульфу, короля нищих, заменить его было некем, и я передала роль Зине Дмитриевой. Она сделала себе невероятно уродливый грим, выпустила на лицо клок волос и сыграла очень хорошо. В публике даже не заметили, что играет женщина.

Нелегко обстояло дело и с дирижёром. Из балетных дирижёров в Ленинграде никого не было, и мы обратились с просьбой дирижировать нашими спектаклями к артисту оркестра Радиокомитета С. А. Аркину. Он никогда не дирижировал балетами, но согласился и отнёсся к новому для него делу с исключительным интересом и добросовестностью: высиживал все репетиции, присутствовал даже на уроках. После репетиций мы задерживались, и он подробно расспрашивал меня о балете, мы долго и подробно беседовали о ритме, о темпах во время танца, о музыке. Я объясняла ему, что даже балетная музыка в спектаклях идёт не всегда в тех темпах, в которых она написана композитором и исполняется на концертах, что существуют узаконенные традицией балетные темпы, зачастую более замедленные, удобные для исполнителей. Так, например, «Карнавал» Шумана, как и большое адажио лебедей из второго акта «Лебединого озера», исполняется пианистами и скрипачами гораздо быстрее, чем принято в театре. Так что балетному дирижёру нужно знать лишь узаконенные балетные темпы и считаться с ними.

И в то же время предупреждала его, что нередко исполнители, которым не хватает техники, стремятся самостоятельно изменить темп. Но не всегда дирижёр должен следовать за танцовщицей, «дирижировать ей в ноги», как говорится у нас. Это идёт в ущерб музыке и танцу.

Разбирая музыку для наших балетов, показывала, как делается то или иное па. Словом, мне приходилось знакомить С.А.Аркина с элементарными для балетного дирижёра вещами и помогать ему, а не ждать помощи от него.

С.А.Аркин отлично воспринимал мои «уроки», отнёсся к новому для него делу творчески и серьёзно. Наши усилия были вознаграждены: дирижировал он спектаклем отлично, а при последующих постановках уже чувствовал себя за пультом уверенно.

Со времён блокады он стал постоянным дирижёром оркестра Радиокомитета.

Над первой своей самостоятельной постановкой мне пришлось работать совместно с двумя архитекторами — И.И.Фоминым и Б.Р.Рубаненко, впервые пришедшими в театр и не имевшими театрального опыта, и, вдобавок, оказавшимся в очень сложных условиях из-за состояния постановочной части, которая не располагала рабочей силой, не имела нужных материалов, да и средства наши были весьма ограничены — ведь дотации мы не имели, и небольшие ассигнования, полученные нами на монтировку, должны были покрыть сборами от спектаклей.

На мой взгляд, из этого трудного положения они вышли с честью, создав интересные выразительные декорации, безупречные в отношении стиля и очень простые по своему пространственному решению.

Новых костюмов мы не делали, а реставрировали старые, которые имелись в гардеробе нашего театра. Однако и это было нелёгкой задачей. В костюмерных мастерских на улице Росси все окна были зашиты досками, и свет проникал только днём, да и то в полумраке. А работа была сложная: лифы и юбочки для тюников нужно было расшить золотыми блёстками. Но всё же наши мастерские с этой работой справились и сделали её хорошо.

Эти костюмерные мастерские не прекращали своей работы в театре в течение всей войны: они шили и ремонтировали военное обмундирование — брюки, гимнастёрки, рубашки, шинели, и костюмы для нас делали параллельно с этой работой.

Ещё одна сложная проблема встала перед нами: туфли. Для первого спектакля «Эсмеральды» мы собрали всё, что оставалось в театре и кое-как обошлись. Но потом с каждым днём эта проблема вставала со всё большей и большей остротой. Сапожников, умеющих изготавливать балетные туфли, в городе не осталось, шить их было некому. За всё время блокады никто нам не сделал ни одной пары. Мы бросились на поиски. Несколько пар нашли в театре Музыкальной комедии, несколько

пар в магазине ВТО. Словом, выгребли всё, что оставалось в городе. Но изнашивались они слишком быстро, и нашим актрисам пришлось самим заняться их починкой. Их штопали, латали, обшивали обрывками найденных дома шёлковых ленточек (нам попадались туфли чёрные, фиолетовые, и цвет их нужно было изменить). И всё-таки ни один спектакль не проходил на полупальцах, все танцевали на пальцах. Мучились, но танцевали.

Когда репетиции были перенесены на сцены, начались новые трудности. Оркестровая яма, рассчитанная на драматические спектакли, не могла вместить даже тот небольшой оркестр, который был в нашем распоряжении. Пришлось её расширить, сняв для этого два первых ряда партера. Вдоль рампы на сцене тянулась бетонированная полоса для железного занавеса. Танцевать на бетоне невозможно. Пришлось его скалывать и заделывать щель досками. Всю эту работу делали рабочие Кировского театра под руководством А.Г.Белякова.

Сцена для балета была очень мала. Её расширили до предела, сократив кулисы и отодвинув заспинник, но всё же некоторые танцы пришлось переставлять, делать их по кругу, а не по диагонали, как предполагалось по первоначальному рисунку.

Кордебалет, чтобы дать больше места танцующим солистам, на время их танцев почти весь уходил за кулисы.

Трудно было и за кулисами. Не говоря уже о том, что уборные были очень маленькие и гримироваться приходилось по очереди, очередь существовала и для выхода на сцену; эта очередь продвигалась, как у троллейбуса.

Рабочих сцены не хватало, и прибирать сцену, перетаскивать рояль, обметать пыль приходилось самим.

Но, несмотря на это, мы были счастливы. Первый же спектакль вознаграждал нас за все наши усилия. На просмотр собрался весь культурный Ленинград, были представители военного командования, и встретили они нас подлинной овацией, приходили к нам за кулисы, жали руки, благодарили и поздравляли. Разумеется, во всём этом была доля уважения к нашему труду, удивление по поводу того, что в условиях блокады нам удалось сладить этот спектакль, но мы были на седьмом небе от счастья, обнимали друг друга и радовались, что балет в Ленинграде снова возрождён.

Должна сказать, что и мои товарищи меня очень порадовали. Некоторые из них сделали заметные успехи, в частности Н.В.Красношеева, танцевавшая на премьере Флёр-де-Лис, а затем, в очередь со мной — Эсмеральду. Порадовали меня также Е.Гемпель и Г.Алексеева, танцевавшие подруг Флёр-де-Лис. Позже одну из этих подруг хорошо станцевала В.Станкевич.

Последующие спектакли пользовались не меньшим успехом, билеты на них раскупались почти молниеносно, и в общей сложности

«Эсмеральду», премьера которой состоялась 12 декабря 1942 года, мы сыграли до конца войны 31 раз.

Со дня премьеры «Эсмеральды» началась регулярная работа нашего коллектива. Но это не значит, что театр стал единственной нашей заботой. Вот страничка из моего дневника, относящаяся к декабрю 1942 года:

«Давали шефский концерт на Сортировочной. Погрузились в крытую фанерой машину, на дне которой лежало сено. Укутанные в платки, мы сели на это сено и поехали. В дороге замёрзли, как суслики.

Подвезли нас к маленькому деревянному домику. Кругом только военные — здесь уже фронт. Приняли очень хорошо. Концерт давали на сцене, со всех сторон которой сделаны амбразуры, заткнутые только бумагой. Мороз градусов 30 — 35. А мне выступать в газовой тунишке.

Закутавшись в шубку, я стояла за кулисами и со страхом смотрела на сцену. Она вся была засыпана мелкими осколками стекла — очевидно, следы недавней бомбёжки. Выступавшие передо мной певцы и драматические артисты не обращали на эти стекла никого внимания, они не мешали им. Но каково будет мне?

Зрители сидели в шинелях и полушубках. В первом ряду — командир части, высокий полковник. Едва я окончила номер, он встал и, взяв чью-то шинель, закутал меня ею, поднял, как пёрышко, и снял со сцены.

— А теперь бегите согреваться.

И под дружные аплодисменты и смех я побежала через зал в небольшую комнату, где мы переодевались.

Позже мне рассказывали, как «страдали» за меня зрители, глядя на мой легкомысленный для этой температуры костюм.

Приехала домой и узнала, что нет дров. Надо пилить. Боже мой, опять бегать, доставать пилу! Как это раньше мы не могли обзавестись пилами, валенками, вёдрами и прочими предметами первой необходимости? Ведь тогда их достать было совсем просто, а сейчас каждый раз нужно просить у кого-то! Обегав чуть ли не весь дом, я нашла пилу и побежала с мамой во двор пилить дрова. Теперь я пилю дрова очень хорошо — научилась.

Напилив дров, я посмотрела на часы и увидела, что пора торопиться на следующий концерт — в Большой Драматический театр, который открыт сегодня на один день ради этого концерта.

Театр совершенно не отапливался, но освещён ярко — горела вся рампа. Народу очень много: в этот день один из заводов Ленинграда праздновал получение переходящего знамени. Одеваясь на концерт и разогревая ноги, я вдруг почувствовала, что у меня слегка болит правое плечо. Отчего это? Ах да, сегодня пилила дрова.

Вышла на сцену и всё забыла».

Однако не всегда наши выезды происходили в благополучной обстановке. Как-то мы поехали с концертом на передний край — он был недалеко. Привезли нас в лес, поместили в командирской землянке. Она была очень уютная — чистенькая, с небольшим окошечком, двумя койками и столиком, на котором лежали книги и, видимо, любимые вещи хозяина. Пообедав, мы расположились отдыхать. Но не успели мы улечься, как начался сильный обстрел района. Снаряды ложились совсем рядом, наша землянка ходила ходуном.

С.П.Преображенская, не поднимаясь с постели, спрашивала меня при каждом разрыве:

— Оля, это наши?

— Наши, наши! — упорно отвечала я ей.

Ударил ещё снаряд — уже совсем рядом, комья земли полетели в маленькое окошечко. С.П.Преображенская не успела повторить свой вопрос, как случилось что-то непонятное. Всё перевернулось, посыпалось, полетело со своих мест. Мы оказались сброшенными с кроватей, и когда я, совершенно ошеломлённая, подняла голову, то увидела над собой небо, деревья сквозь дыру и свисающие брёвна с потолка. Наша аккуратная землянка была неузнаваема: стол перевернут, книги разбросаны. Сквозь потолок просунулась чья-то голова:

— Нет ли у вас листа фанеры?

Нас удивил этот вопрос, такой неожиданный в этой обстановке. Оказывается, один из часовых, стоявших у дверей, был убит, а другому перебило ноги — его хотели перенести на фанере.

Между двумя разрывами к нам вбежал командир:

— Товарищи, нужно отсюда уйти. Идёмте в другую землянку.

Мы несколько раз пробовали выйти, но едва подходили к двери, как слышали свист снаряда и шарахались обратно. Выждав момент затишья, выскочили в лес, пробежали, пригибаясь к земле и прислушиваясь, не свистит ли снаряд, вскочили в большую землянку, где, как нам сказали, было семь накатов и куда собралось уже много народа. Когда мы попали в среду военных, сразу стало как-то спокойнее. Появилась уверенность, что они нас в обиду не дадут, их хладнокровие передавалось и нам.

«Для храбрости» нам сразу же предложили выпить немного спирта. Он согрел нас и привёл в чувство, а затем решили, не теряя времени и пользуясь присутствием большого числа людей, начать концерт. Так, под аккомпанемент рвущихся совсем рядом снарядов, мы и исполнили почти всю нашу программу.

Слушали нас очень внимательно, дружно принимали, и после концерта благодарили. В этом нашем выступлении мы видели подтверждение того, о чём говорилось после концерта: немцы бессильны уничтожить советское искусство, которое продолжало существовать даже под огнём снарядов.

С каким нетерпением ждали мы того момента, когда Ленинград станет для немцев недосягаем!

В январе 1943 года я получила путёвку на пять дней в Дом отдыха Ленсовета в Мельничном Ручье. Даже в то время на крохотном кусочке земли, не занятой около Ленинграда немцами, в зоне, куда не долетали снаряды, существовал и работал Дом Отдыха, где восстанавливали свои силы ленинградцы.

В памятный для всех нас день 18 января мы сидели за завтраком, когда вбежал кто-то и, задыхаясь, сообщил, что получено сообщение о прорыве блокады, что Ленинград соединился с Большой землёй. Мы давно ждали этого момента, были твёрдо убеждены, что когда-нибудь он настанет, но всё же это известие застигло нас всех врасплох. От счастья и неожиданности захватило дух, и первое мгновение никто не мог произнести ни слова. Первая мысль была о том, что теперь мы не одиноки, что связь со страной восстановлена, — и я поняла в этот момент, как сильно было во мне до сих пор чувство оторванности, отчуждённости от внешнего мира, как давило сознание чувство блокады. Прорыв блокады в январе 1943 года разрушил представление о «железном кольце» вокруг Ленинграда, явился предвестником грядущих побед и знаменовал собой начало возрождения нашего города.

Вскоре после этого мы отметили годовщину со дня смерти Пушкина, имя которого в эти дни стало особенно дорого и близко многим. В Выборгском Доме культуры был организован большой концерт, для которого я поставила третий акт «Бахчисарайского фонтана» (Зарему танцевала я, Гирея — Р.Гербек, Марию — Н.Сахновская, служанку — К.Емельянова, евнуха — Н.Шехматов), а М.Ф.Кирхгейм и Добролюбова — танцы из «Руслана» с Н. Красношеевой.

Этот наш концерт, как и многие другие, проходил при ледяной температуре. Зрители сидели в пальто и перчатках, и здесь я обратила внимание на одну трогательную подробность: когда кончался номер, зрители снимали перчатки, «разувались», как острили мы, и аплодировали. А похлопав нам, снова надевали варежки.

Следующей нашей работой была «Шопениана». И в данном случае выбор определялся тем, что в этом спектакле можно было обойтись небольшим количеством мужчин.

Когда у нас организовалось режиссёрское управление, А.Г.Беляков пригласил на работу в нём моих старших товарищей — артисток балета М.Ф.Кирхгейм и М.С.Добролюбову. Наряду с административной работой, я привлекала их в качестве ассистентов. Они многое сделали

в постановке массовых танцев, в частности танца с корзиночками в «Эсмеральде», но особенно помогли в работе над «Шопенианой». В своё время они репетировали его с Фокиным, когда он ставил этот балет, и хорошо знали его. Я же не танцевала в нём никогда, только видела его со стороны, из зрительного зала. Восстанавливать балет поэтому мне было очень трудно, и всю подготовительную работу провели М. Ф. Кирхгейм и М. С. Добролюбова, которые ставили танцы, а я их только отделявала.

Впрочем, и в этом отношении работы было очень много. Большинство наших исполнительниц танцевали этот балет впервые: а между тем «Шопениана», как, пожалуй, ни один балет, требует исключительной тщательности отделки. В нём всё должно быть плавно, красиво, музыкально — только при этом условии сохранится аромат фокинской постановки. Огромное внимание должно быть уделено мелочам — постановке рук, плавности и согласованности движений, их особой пластичности, лирической мягкости, точности и выразительности, которые составляют сущность спектакля.

Сколько трудов пришлось мне потратить на то, чтобы добиться желаемого и необходимого для спектакля!

Бесконечно репетировали мы тему прощания, которая повторяется на протяжении сюиты несколько раз. Одна из танцовщиц прыжками пронесется через сцену и исчезает. Кордебалет поворачивается в её сторону и провожает её колебанием рук, словно посылающих ей прощальный привет и зовущих вернуться. И вот, малейшая неточность этого жеста, его недостаточная выразительность и пластичность, его огрублённость и акцентировка искажают смысл. Он становится смешным, начинает казаться, что оставшиеся на сцене выпроваживают ушедшую.

Много пришлось потратить труда, прежде чем я добилась желаемых результатов. Но, добившись, была довольна моими исполнительницами.

«Шопениану» вместе со мной танцевали Р. Гербек и Ю. Литвиненко, Н. Красношеева, Г. Алексеева, Е. Гемпель и Н. Сахновская.

Премьеру мы выпускали в Кронштадте 6 июля 1943 года. Там мы сыграли первые три спектакля, а четвёртый показали 25 июля 1943 года на сцене Сада Отдыха.

«Шопениана», как и «Эсмеральда», прочно вошла в наш репертуар и выдержала 11 представлений.

Вслед за «Шопенианой» мы поставили «Конька-Горбунка». Здесь мне очень помог В. Э. Томсон, который в прежних спектаклях театра играл Иванушку и хана, и поэтому хорошо знал весь балет. В нашей постановке он играл Иванушку в очередь с А. А. Орловым, и оба играли прекрасно, хотя и по-разному.

Как и в прежних спектаклях, недостаток мужского состава заставлял отказаться от некоторых сцен и переставить ряд танцев. Заново

и совершенно своеобразно поставил В.Э. Томсон «Русскую» — её танцевали только женщины и один мужчина. Последнюю картину пришлось переставить полностью, от рапсодии и русской отказаться вовсе, но для того чтобы закончить спектакль, сохранив его стиль, я воспользовалась найденной в клавире музыкой Пуни, которая обыкновенно не исполнялась, и поставила на неё *pas d'action*, в котором танцевали Царь-девица, Иван-царевич и две девушки. Заново пришлось сделать вариации, адажио и общую коду. Словом, это было уже не столько возобновление балета, сколько новая, почти самостоятельная работа, и я была счастлива, когда услышала похвалы по своему адресу.

От сцены «Подводного царства» пришлось отказаться совершенно — она требовала очень большого числа исполнителей и сложной постановки декораций. Детские танцы, разумеется, тоже были исключены.

Работать приходилось много и упорно, особенно с танцем фресок. Технически он очень труден, а большинство исполнительниц танцевали его впервые. Репетировала я его до одурения, до поту, объясняла и показывала одно и то же движение по несколько часов подряд, и в конце концов добилась нужной слаженности и технической чистоты.

Немало изобретательности при постановке этого трудного спектакля потребовалось от художника. Декорации для него делал превосходный мастер нашего театра скульптор С.А. Евсеев, костюмы — художник Р.Г. Гуров, тоже работник нашего театра. Помимо хорошего вкуса, он подкупал исключительным отношением к делу и изобретательностью, которая в тогдашних условиях была особенно ценна. С изумительным мастерством расписал он обыкновенные хлопчатобумажные ткани золотом и серебром — они казались парчой. Поэтому спектакль наш вышел очень нарядным.

Перед премьерой неожиданно встал вопрос о тюниках для танца персид. Нового тарлатана у нас, разумеется, не было, но в Кировском театре было много старых, изношенных тюников. В обычных условиях их было бы легко распороть и подкрахмалить, но крахмала-то в Ленинграде не было совершенно: его съели ещё в 1941 году!

Р.Г. Гуров изобрёл какой-то состав, куда входило немного столярного клея, сам подкрахмалил эти тюники, и они оказались не хуже, чем бывали в мирное время.

И до самого конца войны мы танцевали каждый спектакль в подкрахмаленных таким образом тюниках.

Положение с мужчинами стало настолько катастрофично, что мне пришлось ехать к генерал-лейтенанту Степанову и просить разрешения отпустить к нам на спектакли наших актёров, находившихся в воинских частях, расположенных в черте города. Их было несколько человек — Н. Серебрянников, Д. Савельев, В. Васильев, Ю. Литвиненко.

Они приезжали к нам на спектакли на велосипедах, в военных шинелях, здоровые, загорелые. Я командовала им:

— Ну, Красная Армия, на сцену, гримироваться!

Ю. Литвиненко в «Коньке-Горбунке» играл две роли: приближённого хана и Ивана-царевича. Переодевшись, он сидел у камелька, накинув поверх роскошного атласного кафтана преображённого Ивана-царевича красноармейскую шинель с погонами, и ждал своего выхода. Как обидно, что тогда у нас не было фотографа! Сколько необычного было в нашей театральной жизни, и не всегда мы его даже замечали.

Работая ежедневно в театре, мы в то же время не прекращали шефского обслуживания воинских частей. Выезды на фронт и в госпитали бывали чуть ли не ежедневно.

Был у нас один день, в течение которого наш коллектив дал семьдесят концертов. Это был день «Раненого воина». Мы выступали в одном из самых крупных госпиталей города. Выступали по палатам, в каждой из них исполнялось по три концертных номера. Выступали под баяны, аккордеоны и флюты. В актовом зале для ходячих больных показали «Шопениану» — почти полностью, только без мазурки. Концерты шли весь день, с короткими перерывами, когда раненые обедали или ужинали. Каждый из нас в этот день выступал не меньше шести-семи раз.

Шефские выезды не прекращались и после того, как немецкая группировка возле Ленинграда была разгромлена и блокада снята. Удалялся фронт, удлинялись и сроки наших поездок. Ещё недавно на фронт мы ездили между репетицией и спектаклем или после спектакля, успевая почти к ночи вернуться домой. Теперь поездки стали отнимать пять, шесть и десять дней.

С освобождением Ленинграда и победоносным наступлением Красной Армии в Германии, мы начали готовиться к возвращению Кировского театра. С каким нетерпением ждали мы того дня, когда снова загорятся хрустальные люстры, и снова можно будет танцевать на его большой удобной сцене!

Здание театра восстанавливалось, капитальный ремонт шёл во всех его уголках. Мы, артисты балета, всё время включались в эту работу: превратившись в подсобных рабочих, мы таскали мусор, мебель, мыли окна. И одновременно давали концерты для его восстановителей.

Эти концерты происходили в большом фойе бельэтажа. Оно было ещё в лесах, но на свободной середине размещались наши зрители. Мы переодевались в аванложе центральной ложи, превратив её в актёрскую уборную, выходили оттуда и выступали прямо на полу.

В театре было холодно, пар шёл изо рта, но мы настолько привыкли к такой температуре во время наших фронтовых концертов, что не обращали на неё никакого внимания. На этот раз нас согревала мысль,

что мы выступаем у себя в театре, для людей, которые приводят его в порядок, что не за горами уже тот час, когда сцена его снова будет нашей!

Оглядываясь сейчас на прожитые годы, видишь, какой огромный переворот они произвели в сознании. Всего три года тому назад я была беспомощной и близорукой. Я не видела и не знала по-настоящему ничего, что не касалось непосредственно моего искусства.

Столкновение с суровой действительностью раскрыло мне глаза, научило меня многому, заставило иначе воспринять жизнь, утвердило во мне сознание моей собственной жизнеспособности и жизнестойкости, дало мне в руки новые для меня профессии педагога и балетмейстера. С некоторой долей уверенности взяла я после войны класс в Хореографическом училище и приступила к постановке балета «Итальянское каприччо» в Малом Оперном театре.

Но главное не в этом — для меня мир стал сейчас совершенно иным, я вижу его другими, более «взрослыми» глазами, научилась расценивать явления гораздо более трезво, вдумчиво и реально.

Как приблизительно мы представляли себе войну, как поверхностно воспринимали до её начала то, что говорилось о её неизбежности, как не готовы были многие из нас к ней внутренне, как легкомысленно относились к тому, что читали в газетах и слушали на докладах!

Страшный, суровый урок на всю жизнь дала мне война. Но она научила ценить и сознательно любить нашу великую Родину, её замечательных людей, грудью своей отстоявших её независимость, те великие идеи, которые способны вдохновлять на величайшие подвиги, и свято верить в конечное торжество правды и справедливости.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА
И ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ

Большой Зал Филармонии

Ул. Бродского, 2

Телефон кассы 74-97

СРЕДА 1 ИЮЛЯ И ВОСКРЕСЕНЬЕ 5 ИЮЛЯ 1942 ГОДА

Опера Ж. БИЗЕ

КАРМЕН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Кармен — Н. Л. ВЕЛЬТЕР (засл. арт. РСФСР, орденоносец)
Хозе — В. И. СОРОЧИНСКИЙ
Эскамильо — П. П. БОЛОТИН (засл. арт. РСФСР)
— В. Л. ЛЕГКОВ (засл. арт. РСФСР)
Фраскита — М. А. ЕЛИЗАРОВА (засл. арт. РСФСР)
— В. И. ШЕСТАКОВА
Мерседес — М. А. ЗЮЗИНА
— Т. Ф. ХОЛМОВСКАЯ
Цунига — А. П. АТЛАНТОВ
— А. С. ЛЫЖИН
Чтец — Н. А. ЧЕРНЯВСКАЯ (лауреат 1-го Ленинградского
конкурса мастеров худож. слова)

Испанский танец — О. Г. ИОРДАН (засл. арт. РСФСР, орденоносец)

Артисты балета: Н. В. Владимирова, М. В. Дубравницкая,
Т. П. Иванова, Л. В. Стрельникова, Н. В. Федорова,
Г. А. Фельтен, А. М. Чернова, К. В. Тихомиров,
Н. М. Шехматов.

Постановка засл. арт. РСФСР, орденоносца **Н. Л. ВЕЛЬТЕР.**

Танцы поставлены засл. арт. РСФСР, орденоносцем **О. Г. ИОРДАН**

Художник спектакля — Г. И. ЦОРН.

Концертмейстер — В. И. ЕПАНЕШНИКОВА.

Дирижер — **С. А. АРНИН.**

Начало в 7 часов вечера.

1-я тип. Гизлегора, зак. 600-1000

Театральная афиша блокадного
времени с анонсом спектакля
с участием М. В. Дубровицкой

МИЛИЦА ВЛАДИМИРОВНА ДУБРОВИЦКАЯ

1916–1992

Артистка балета

До войны работала в Оперной студии Ленинградской консерватории. В блокаду осталась в Ленинграде, жила со своим отцом — священником Князь-Владимирского собора протоиереем Владимиром (Дубровицким), благодаря которому собор был открыт всю блокаду. С 1942 года вошла в объединённую труппу артистов блокадного города.

Выступала в составе фронтовых бригад в госпиталях и военных частях, а также приняла участие в концертах Большого зала филармонии: 27 и 28 июня 1942 года — в сборных программах, а в июле 1942-го (трижды) — в исполнении концертной версии оперы «Кармен».

Во время одного из выступлений на фронте Милица Дубровицкая была ранена, но сумела восстановиться и после войны была принята в труппу Малого оперного театра, где танцевала до окончания карьеры в 1964 году.

Бывает так: какой-то незначительный на первый взгляд случай воскресит в памяти множество воспоминаний, целый отрезок жизни пройдёт перед глазами, всплывут подробности, которые, кажется, позабыты навсегда...

Так произошло со мной во время экскурсии на Пулковские высоты. Был солнечный летний день. Перед глазами открывалась панорама новых ленинградских кварталов, шумел листвою молодой парк, и я вдруг вспомнила, что увидели здесь весной 1942 года мы, несколько артистов выездной концертной бригады... В бригаде были певцы и чтецы, главным образом из ленинградской эстрады. Все оказались на фронте впервые. Даже в подземном бункере, где находился штаб части, мы чувствовали, как близок передний край, именно туда нам и предстояло идти. Мы дожидались только ночи.

Ночь настала, сырая и пасмурная. Непрерывно били зенитки. Восшедший боец посмотрел на наши костюмы и виновато развёл руками.

— Добраться до переднего края можно только ползком...

Мы поползли, стараясь не попасть в воронки, наполненные мутной водой, скользили, хватались за коряги — всё, что осталось от могучих когда-то деревьев.

Ползли, как солдаты, стараясь всё время видеть перед собой того, кто был впереди. Опыт на войне приходит быстро.

Наконец мы добрались до развалин обсерватории. Боец, сопровождавший нас, ужом скользнул в какую-то щель, мы последовали за ним и оказались в просторном подвале. Там было совершенно темно, но чувствовалось, что темнота обитаема. Кто-то покашливал, слышны были приглушенные голоса.

— Товарищи, прибыл театр! — сказал в пространство наш гид.

«Театр» считал с себя грязь. Тотчас же в углу появился фонарь. Он изрядно коптил, но все-таки можно было при его свете разглядеть силуэты людей, сидящих на каменном полу. Бойцы потеснились, освободив небольшую площадку. Кто-то дружелюбно сказал нам:

— А вот и сцена.

Повторяю, это было моё первое фронтовое выступление, и, говоря откровенно, я поначалу сомневалась и в его успехе, и в его целесообразности. Я думала: «Людам бы отдохнуть от непрерывных боев, а тут ещё мы пожаловали».

Но заиграла скрипка, зазвучали песни, стихи — и в подземном «зале» воцарилась мёртвая тишина. Бойцы долго и благодарно аплодировали каждому номеру. И надо было видеть, как смущённо, на цыпочках пробирались, отыскивая свободное место в подвале, опоздавшие. Словно на настоящем концерте, они старались не шуметь. Взрывы, от которых дрожали своды, были, видимо, не в счет.

...С ужасом убеждаюсь, что танцевать мне негде. Но времени на раздумье нет. Бойцы ждут. Начинаю танцевать. Мне аплодируют.

Танцюю ещё и ещё. И вдруг меня перестают волновать теснота, полумрак, непривычная обстановка концерта. Всё это полностью окупается той искренней, тёплой атмосферой, которая царит в нашем подвале. Это, выражаясь языком профессиональным, даже не контакт со зрителем, а нечто гораздо большее.

Впоследствии мне не раз приходилось выступать в госпиталях, буквально переполненных ранеными. Ведь когда шли особенно тяжёлые бои, койки стояли прямо в коридорах, метались усталые санитары и врачи, и где уж тут было думать о том, достаточно ли места для выступления или нет. Не знаю, можно ли это назвать выступлением: мы идём из палаты в палату, разговариваем с бойцами, показываем им, что можем, и, как санитары, стараемся изо всех сил. Вряд ли останешься равнодушным, видя, как тяжело раненный боец, весь в бинтах, вытягивает шею, чтобы разглядеть что происходит на очередной импровизированной «сцене». В такой момент я была готова танцевать хоть целый день для него одного.

В начале лета 1942 года артисты балета Кировского и Малого оперного театров, оставшиеся в городе, были объединены в сводный коллектив. Руководство им взяли на себя такие большие мастера как Ольга Генриховна Иордан и Роберт Иосифович Гербек. Мы начали восстанавливать балетные спектакли и ставить концертные программы. У нас появились свои собственные площадки — Большой зал Филармонии, Театр комедии, Сад отдыха. Действовали репетиционные залы на улице Зодчего Росси. Безотказно работал театральный комбинат. Мне хочется особенно поблагодарить этих людей, которые скромно, без шума, в неимоверно трудных условиях готовили для нас костюмы. И честное слово, костюмы эти были по-настоящему хороши. За все военные годы я не помню случая, когда ленинградский балет не выглядел бы нарядно. Думаю, что о ежедневном подвиге работников театрального комбината можно написать книгу. Во всяком случае, своими успехами в те годы наш балет был во многом обязан замечательным ленинградским костюмерам и декораторам.

Итак, летом второго военного года в осаждённом городе начался балетный сезон. Я с удовольствием исполняла центральную партию цыганки в опере «Алеко», танцы в которой поставил Р.И.Гербек. Совместная работа и частые творческие встречи с замечательным балетмейстером, умным и душевным человеком, каким все мы знаем Роберта Иосифовича, многое дали нам, артистам ленинградского блокадного балета, и запомнились на всю жизнь.

Нередко мы выезжали на фронт. Особенно часты бывали у защитников Кронштадта. Переправлялись мы туда, как правило, на баржах с боеприпасами. Нас прикрывали брезентом, и тихо, без гудков и огней караван трогался. По заливу суда обычно шли под прикрытием дымовой завесы. Мы проделывали дырочки в брезенте, чтобы наблюдать за

тем, что происходит вокруг. Когда ветром разрывало дымовую пелену на траверсе Петергофа, можно было невооружённым глазом видеть фашистов, суетящихся на берегу, их пушки, поредевший дворцовый парк. Время от времени, где-то рядом разрывался вражеский снаряд, над морем вырастал столб пламени и воды. А наш караван всё шёл и шёл к Кронштадту.

А в этом городе-крепости у нас тоже было своя постоянная площадка — знаменитый Кронштадтский собор. Там собиралось много моряков. Мы показывали им танцевальные номера из «Пиковой дамы», отрывки из бессмертного «Лебединого озера». Особенным успехом у кронштадтцев пользовался балет «Шопениана». Не решаюсь до сих пор с уверенностью сказать почему, именно этот хрупкий, чуточку архаичный спектакль так нравился защитникам Кронштадта, но всякий раз, приезжая туда, мы обязательно давали «Шопениану».

Зимой артистам балета, как и всем ленинградцам, приходилось трудно. В репетиционном зале Кировского театра стоял лютый мороз. Помню, однажды мы репетировали... в валенках. Потом решили хоть как-то согреть громадное помещение. Мы находили на окраине пустой повреждённый дом, бойцы сапёрных частей закладывали под него взрывчатку, и через минуту он оседал беспорядочной грудой брёвен и балок. Тут за дело принимались пыльщики, в числе которых была и я. Сейчас с удивлением думаю: как могли мы, полуголодные, замёрзшие, танцевать после такой работы?

Об этом же нас с пристрастием расспрашивали корреспонденты крупнейших американских газет, которые бывали на наших спектаклях. Они сознавались, что, направляясь в осаждённый Ленинград, ожидали увидеть пустой мёртвый город и были искренне поражены дисциплиной и порядком, царившими в Ленинграде, мужеством и стойкостью его жителей. А когда мы рассказали, как заготавливаем дрова для репетиционного зала, как по совершенно тёмным улицам пробираемся на спектакли, прикрыв головы чемоданами для защиты от осколков зенитных снарядов, один пожилой корреспондент горячо воскликнул:

— Если написать книгу только об этом, то грядущим поколениям уже будет понятно, какая страшная и преступная штука война!..

Прошло четверть века, и читая в газетах о бомбардировках американскими самолётами вьетнамских селений, я думаю: как же случилось, что сами американцы повторяют преступления фашистов? Интересно, что пишут сегодня об этом наш собеседник и его коллеги?

По-моему, одним из самых впечатляющих наших спектаклей тех лет был большой концерт, который мы дали в Выборгском Доме культуры в пушкинские дни 1943 года. Стояли лютые морозы. В зале ёжились от холода люди, надевшие все свои тёплые вещи. А со сцены звучал чудный голос С.П. Преображенской, — Ратмир пел арию, а мы «Тени таинственных дев» — действительно выглядели очень фантастично

в дымке собственного дыхания. Софья Петровна пела как никогда раньше. Несмотря на то, что морозом сводило мышцы, мы танцевали в каком-то экстазе. Вопреки всему — вражескому кольцу, холоду и голоду, затемнению и обстрелам — Ленинград чтит память великого поэта. Переполненный зал бурно аплодировал Иордан, Сахновской и Гербеку, с блеском исполнившим сцену из балета «Бахчисарайский фонтан». Тот день мне запомнился как настоящий праздник искусства.

Когда наши войска готовились к снятию блокады, мы отправились дать несколько концертов в частях 42-й армии. Мы выехали туда в составе довольно большой бригады. Боюсь, что не смогу перечислить всех, кто входил в неё. Помню только, что с нами были артист Николай Михайлович Шехматов, певец Владимир Ивановский, актёр Александр Давыдович Бениаминов.

Наступление наших частей было стремительным. Мы старались не отстать от бойцов, поспеть ко времени их привала, отдыха.

Всюду нас встречали очень радушно, помогали устроить сцену, которую немедленно обступало множество народу. Иногда, правда, бывали и недоразумения. Бойцы одной из частей решили оборудовать нам площадку из двух сдвинутых грузовиков — чтобы всем было видно. Предварительно кузова вымыли. Естественно, наша «сцена» мгновенно покрылась крепким и скользким ледком. Не очень-то приятно и удобно танцевать на льду, но исправлять оплошность было некогда.

В штаб армии от партизан Псковщины передали просьбу — направить к ним группу ленинградских артистов. Передавая нам эту просьбу, работники штаба несколько раз деликатно намекнули, что, мол последнее слово за нами, ведь деревни, о которых шла речь, лежали за линией фронта.

Но мы позабыли об осторожности. Хотелось своими глазами увидеть мужественных партизан, передать им привет от Ленинграда и ленинградцев. Конечно, мы с радостью согласились и стали ждать проводников, которые должны были приехать за нами.

И вот вечером в расположении части появляется паренёк, почти мальчик. Молчаливый, серьёзный, одет в ватник и ушанку с красной лентой — партизанским знаком. Мы удивились:

— И это наш проводник?

— Он самый, — отвечают. — И притом очень опытный товарищ!

«Опытный товарищ» шмыгнул носом и по-военному сжато объяснил нам обстановку:

— Перво-наперво надо через речку перебраться. Там мост сломан. Пушкой продавило. За мостом — ребята с санями. Автоматы — на первой лошади...

Тут мы сразу поняли, что имеем дело с серьёзным и основательным человеком. Кое-как перебрались по разбитому мосту, уселись в санки, и наш отряд углубился в ночной заснеженный лес. Ехали тихо,

только полозья повизгивали. То справа, то слева вспыхивала и затихала перестрелка. Где-то около полуночи взошла луна. Наши проводники сказали, что придется подождать, пока она не скроется, мы пересекали линию фронта.

Путешествие длилось несколько часов, и ранним утром мы приехали в деревню, которую партизаны накануне освободили от фашистов.

Нас ждала тепло натопленная изба, в чистой горнице на полу были разбросаны охапки душистой овсяной соломы. Мы мгновенно заснули, а когда проснулись, увидели, что в избе мы не одни. У порога и вдоль стен, терпеливо дожидаясь нашего пробуждения, стояли и сидели люди. Те, кому не хватало места в избе, заглядывали в окна.

— Неужто из Ленинграда? — задавали нам один и тот же вопрос и, получив утвердительный ответ, пояснили: — А нам немцы хвастались, что там перемерли все с голоду да снарядами побиты.

Колхозники заботливо угощали нас хлебом, молоком, картошкой.

— Кушайте! — уговаривали они, а сами всё спрашивали о блокаде, о голоде и обстрелах.

Некоторые для верности дотрагивались до нас, и всё не переставали удивляться:

— Неужели прямо из Ленинграда?

Наш концерт в этой деревне длился почти без перерыва целый день. Места в избе хватало немногим, и когда одни зрители выходили, набивались новые. В коротких «антрактах» люди приходили побеседовать, рассказывали о зверствах захватчиков.

В этой глухой лесной деревушке мы встретились так, словно знали друг друга долгие годы. И тут я особенно ясно поняла, что единство народа проверяется в таких вот трудных испытаниях и что это испытание наша страна выдержала.

Когда мы собирались уезжать в части наступающей армии, нас пригласили в правление колхоза. Председатель — он же командир партизанского отряда — тепло поблагодарил нашу бригаду за концерт, прочитал письмо-отзыв и передал его кому-то из моих товарищей. Мы простились и направились было на улицу, где нас уже ждали провожатые, как вдруг председатель спохватился.

— Минуточку! — окликнул он нас и торопливо полез в карман.

Оттуда он извлек круглую печать, долго дышал на нее, а потом изо всей силы вдавил её в угол письма. Посмотрел, что получилось и заметил мимоходом:

— Первый раз за три года пробую. Только вчера её откопали, спрятана была...

В мирной жизни по-разному можно относиться к печатям и штампам. Но тогда этот эпизод произвёл на нас огромное впечатление. Мы увозили с собой на «Большую землю» драгоценный документ, скреплённый печатью возрождённой Советской власти.

АННА МАРКОВНА ЗЕМЦОВА

1904–1989

Искусствовед

До войны — сотрудница Русского музея. После эвакуации Русского музея начала работать в ЛССХ заведующей отделом выставок.

Провела многочисленные выставки в осаждённом Ленинграде, подшефных госпиталях.

Куратор выставки ленинградских художников в Москве в 1942 году и многих других выставок ленинградских художников.

**СТЕНОГРАММА СООБЩЕНИЯ ЗАВЕДУЮЩЕЙ
ВЫСТАВОЧНЫМ СЕКТОРОМ ЛЕНИНГРАДСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ А. М. ЗЕМЦОВОЙ
14 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА**

В момент объявления войны я была на курорте, но 28 июня была уже в Ленинграде и прямо с вокзала понеслась в Русский музей, так как знала, что музей приступил уже к подготовке эвакуации ценностей.

И действительно, придя в музей, увидела, что все сотрудники мобилизованы на снятие картин, упаковку их в ящики и т. д. Между прочим, эта картина сильно подействовала на меня и на всех сотрудников: такие полотна, как «Медный змий», «Последний день Помпеи» и др., десятки лет висевшие на своих местах, картины огромных размеров, нужно было снимать, накручивать на валы, упаковывать! Отрывался как бы кусок от твоего сердца — было тяжело смотреть на всё это.

Кроме того, работали все научные сотрудники, весь персонал музея, люди, которые не знали даже сперва, как приступить к этой работе, дрожали только все и беспокоились, как бы не повредить, не сделать царапину на картине. Волнения было много, и первые дни было даже как-то сумбурно всё это. Мужчины почти все с первых же дней были на фронте, оставались только женщины, а снимать картины с подрамников — работа сложная, трудная, тяжёлая. Но несмотря на это все энергично взялись, при помощи лебёдок снимали картины, наворачивали их на валы, упаковывали в ящики.

Весь народ разделился на бригады: одни снимали картины, другие упаковывали, третьи укладывали в ящики.

Тогда среди нас был Тимофей Иванович Дец — специалист в области реставрации, под его руководством и при помощи его двух учеников — молодых юношей, мы упаковывали ценности.

Работали мы круглые сутки, не выходя из музея по четыре-пять дней.

Все ценности были разделены на две группы: первая группа — наиболее ценные вещи — направлялась немедленно на вокзал и эвакуировалась, а вторая — менее ценные — упаковывались и спускались в подвал музея. Подвалы там прекрасные — со сводчатыми потолками, сухие, приспособленные для хранения картин. Эта вторая группа и до сих пор хранится там. Конечно, преобладало количество вещей первой группы, которые и были отправлены, осталась здесь значительно меньшая часть.

Сложно было упаковать скульптуру, которая также стояла десятками лет; вещи, большие по размерам, ценные по своей художественности, требовали большой силы, большого умения и приспособлений, чтобы невредимыми быть упакованы и перевезены. Но всё это своими

силами сделали, надо признаться, что проделали мы гигантский труд, гигантскую работу!

В тот момент у нас было 60–70 человек, все мы работали, но чувствуя, что нам не уложиться будет в сроки, которые были даны (а сроки были очень жёсткие), мы попросили помощи, и на работу в музей были мобилизованы художники, которые находились на учёте ГК ИЗО. Это была большая группа художников, человек около 100.

Ведь кроме ценностей, находившихся в залах музея, у нас были колоссальные запасники, запасник исчислялся десятками тысяч. Всё это надо было упаковать, уложить. Вот в этой работе и помогали нам художники.

10 июля была погружена первая машина. Когда в 5 часов утра 10 июля отошла первая машина от музея, мы все стояли в садике Русского музея, и большинство сотрудников плакало — мы оторвали кусок от своего сердца!

Много времени мы провели на вокзале, следя за погрузкой наших ящиков, так как боялись, чтобы где-нибудь на ж. д. пунктах не погибли наши ценности. Переживаний было много, беспокойства и волнений масса, мы следили, как эти ящики перевозились в пакгаузы, затем в вагоны, вагоны отправлялись в тупики и т. д. — мы старались не терять их, пока не двинулся первый эшелон.

Первый эшелон ушёл с нашими научными сотрудниками, которые были командированы. Вначале мы даже не знали, куда отправляется эшелон, потом только узнали, что большинство наших вещей отправлено в Молотов. Туда поехал и заместитель директора музея т. Балтон, научные сотрудники: тт. Галич, Столяров, Дмитриев и два человека технической силы.

Постепенно была отправлена вся первая группа. Вторая группа была упакована в ящики и спущена в подвалы музея. Основному аппарату музея делать было больше нечего здесь, остались только два-три человека как хранители, большинство наших товарищей эвакуировалось, осталось сперва три человека научных сотрудников, затем двое тоже эвакуировались, осталась я одна.

За зиму 1941 года много технического персонала погибло. Умер Т. И. Герц, умерла сотрудница наша из древнерусского отдела т. Кутилова в начале 1942 года, умер вернувшийся из Молотова после сопровождения первого эшелона, как сотрудник, Столяров. Много умерло народа.

Когда я осталась вне работы, мне много раз предлагали перейти на работу в Союз Художников, но я довольно плохо ориентировалась в этой работе, поэтому долго не соглашалась, наконец, в декабре, после энергичных настояний Серова и Прошкина, я пришла сюда. Настоятельные требования с их стороны объяснялись отчасти тем, что они хотели организовать первую выставку экспонатов ленинградских художников, им нужно было помочь в этом.

Обстановка в Союзе тогда была довольно тяжёлая, было самое трудное время блокады. Когда я пришла сюда, многих людей я не могла узнать, настолько они изменились: я видела перед собой распухшие, отёкшие лица людей, которые потом очень быстро сдавали и совсем отходили от вопросов художества. Положение было исключительно тягостное, картина была жуткая, тяжёлая! Но всё же среди этих людей была довольно крепкая группа, которая исключительно хорошо держалась, была жизнеспособна, творчески очень много работала, несмотря на тяжёлые условия. А условия действительно были жуткие.

Когда я пришла сюда, то в одной маленькой комнатке жило восемь человек — Серов, Пинчук, Прошкин, Казанцев, скульптор Бабурин, Томский, было у них грязно, мрачно, холодно, темно, но у них было оптимистическое настроение, это были жизнеспособные, относительно бодрые люди, которые говорили, что необходимо устроить выставку, необходимо работать, необходимо в художестве запечатлеть историю войны, историю города, запечатлеть эпизоды блокады Ленинграда и т.д. Люди были полны энергии и желания работать.

Сперва я сама к вопросу выставки отнеслась скептически, когда увидела ослабевших людей, когда видела холодные, тёмные помещения. Но энергия этой жизнеспособной группы художников заразила меня, и я также пришла к убеждению, что выставку сделать надо, что сделать её можно, и я приступила к работе.

До декабря месяца ленинградские художники занимались почти исключительно выпуском плакатов, «боевых карандашей», печатных лозунгов — вообще всем тем, что относилось к наглядной агитации. Станковыми произведениями до декабря месяца наши художники почти не занимались. Довольно большая группа художников была отправлена на маскировку оборонных предприятий.

Когда я пришла в союз, я решила собрать весь материал, посмотреть, что он собой представляет, что можно выставить, отобрать эскизы — говорить о законченных работах тогда не приходилось, так как отсутствие света и самых элементарных условий не давало возможности закончить работы.

Было создано несколько художественных советов, и на одном из заседаний правления художник Серов заявил, чтобы художники, которые что-либо сделали в области станковых произведений, принесли в союз для просмотра и организации выставки. Художники стали приносить свои вещи, и 2 января выставка была открыта.

Открывали мы выставку, не имея ни одного человека технического персонала, не имея подрамников, не имея рам! Я лично всё сама навешивала, сама вешала, причём температура в помещении была -10°, стёкла были выбиты. Работать, понятно, было исключительно трудно, но выставку мы организовали, выставку открыли. Помогал мне в этой работе один художник Зырянов, который был в состоянии полной дистрофии,

но я втянула его в эту работу, мне хотелось заинтересовать его, вывести его из состояния, в котором он был, а он был почти в спящем состоянии. Я всё время обращалась к нему, просила помочь мне, он помогал таскать лестницу, вместе со мной лазил, вешал картины, правда, охал, ахал, но работал. Потом, через некоторое время, он всё-таки умер.

На выставке было 70 эскизных работ (живописи, скульптуры, графики). Одним только Серовым была представлена законченная большая работа «Балтийцы за Родину» — картина величиной в 3 м. Сейчас она находится в Москве на всесоюзной выставке. Это была единственная законченная работа, остальные были в эскизном виде, правда, эскизы были очень интересные.

Были интересные скульптуры Суцкевера и его жены Хлестовой (так в тексте, жену Суцкевера звали Надежда — *Прим. ред.*) — две талантливые скульптуры. Причём оба эти скульптора были сильно ослабевшими в то время людьми, были в ужасном состоянии. Когда Суцкевер принёс скульптуру на выставку, я его не узнала. Он приплёлся 1 января, принёс небольшую скульптуру и сказал:

— Я чувствую, что я не протяну долго, но я хочу, чтобы эта скульптура, которую мы сделали вместе с женой, участвовала на выставке.

Скульптура эта изображает знамя, на фоне которого дружинница поддерживает раненого. Скульптура довольно сырая, но она представляет известную ценность.

Скульптор Хлестова скончалась в день открытия выставки, а Суцкевер приплёлся на открытие и сказал, что не перенесёт смерть Наташи, и действительно, через несколько дней он тоже скончался.

Художник Герец был прямо «ходящие мощи». Он принёс на выставку два эскиза довольно большие, особенно один, величиной в 1,5 м и в золочёной тяжёлой раме. Принёс он две свои работы с Вас. Острова. Когда он принёс, я была потрясена! Это был настоящий дистрофик, на него было страшно смотреть, стоило нечеловеческих усилий тащить в такую даль картины, но когда я сказала ему, зачем он принёс картины в рамах, он ответил:

— Я хочу, чтобы мои картины выглядели хорошо на выставке!

Его картины были помещены на выставке, но сам он 2 января умер здесь. (Картины его сейчас находятся здесь).

Художник Панов — молодой, талантливый, подающий надежды художник. Чувствовал он себя всё время бодро, хорошо, принёс два эскиза на выставку, говорил о своих перспективах. Эскизы его изображали постройку баррикад, были хорошо сделаны, произвели большое впечатление по своему мастерству. Он до начала выставки часто посещал меня, мы много беседовали, был у него бодрый вид. Он рассказывал, что живёт с матерью, что всеми силами хочет спасти её. Потом как-то за несколько дней до начала выставки пришёл, увидел, что другими художниками принесено много законченных эскизов, он тоже захотел

закончить один из своих эскизов до открытия выставки и взял с собой, а один эскиз оставил. После этого не показывался в союзе. Меня очень беспокоило, что на выставке будет только один эскиз. Вдруг, придя утром сюда, я узнаю, что этот художник скончался. Это произвело на меня ужасающее впечатление, ведь он был совершенно молодой человек, хорошо себя чувствовал сравнительно, неплохо выглядел! Я всё-таки достала потом с его квартиры второй эскиз, который был закончен, правда, не совсем, но всё же оба этих эскиза были помещены на выставке.

Скульптор Кляцкин принёс очень неплохую скульптуру — дружинница уносит с поля боя раненого. Очень неплохая вещь, но принёс её Кляцкин совсем сырую, хотел здесь закончить, потом заболел, взял эту скульптуру домой. На выставку я эту скульптуру раздобыла, но затем он попросил её обратно и забрал с собой, когда эвакуировался вместе с Академией Художеств. Я очень жалею теперь, что отдала ему эту скульптуру.

Открытие выставки имело двоякое значение и производило также двоякое впечатление: с одной стороны, вся обстановка производила удручающее впечатление, с другой стороны, всё это оставило неизгладимый след.

На открытие собралось около 50 человек художников, причём явились эти люди по-зимнему укутанные: кто в женском платке, кто в шапке. Надо сказать, что художники все как-то сразу опустились, вид был у большинства жуткий: одеты были в какие-то женские куртки, завёрнуты головы платками, шарфами и т.д. Впечатление производили жуткое.

На открытии выступил Серов с очень яркой убедительной речью, говорил, что собрались мы в совершенно необычайной обстановке, что перед нами, художниками, стоит огромная задача — изобразить жизнь в заблокированном городе, запечатлеть эскизы города, что это сделать необходимо, что мы должны помочь Родине, стране и т.д. Это была подъёмная речь, полная энтузиазма. Когда он окончил, то был гром аплодисментов, он влил струю жизни во всех, люди поняли, что надо жить, надо работать, надо творить, надо изображать переживаемую действительность, что это долг художника.

Несмотря на холод, на выбитые стёкла, всё же открытие это производило торжественное впечатление, да надо сказать, и мы постарались сделать всё возможное, чтобы придать известный вид: было чисто, выметено, лежали на полу дорожки, был сделан этикетаж, внешне всё было очень и очень прилично.

На этом собрании вспоминали и товарищей, которые не дождались открытия выставки. Открытие прошло очень хорошо. Здесь же на этой выставке решили пополнить её дополнительными эскизами, наметили дни просмотра эскизов. И представьте себе, через несколько

дней после открытия выставки ко мне стали приходить художники и каждый приносил какую-нибудь свою работу. Набралось большое количество эскизов графических, живописных. Было семь или восемь просмотров работ, на просмотрах участвовали члены правления, обменивались мнениями, говорили о недостатках работ, подмечали положительные их стороны.

Мы решили нашу выставку дополнять и обновлять этими новыми эскизами и в марте сделали это дополнение, и к моменту второго открытия выставки было у нас уже 126 произведений.

Интересные работы представили художники Пакулин, Ярослав (?) Николаев, Пахомов, Казанцев. На эту вторую выставку приносили свои работы и художники, которые не участвовали в первой выставке — выставка придавала бодрость художникам, давала стимул к работе.

Открытие второй выставки далось тоже довольно тяжело: самой нужно было натягивать полотна на подрамники, самой вешать. Технической силы не было, но всё-таки в марте была уже организована вторая выставка, которая позволяла уже говорить о больших достижениях художников, о росте. Тогда же было предложение КГ партии заключить договоры на создание работ, посвящённых Великой Отечественной войне. Это предложение сыграло большую роль, у художников появились перспективы материального порядка — маячила впереди выставка, посвящённая Отечественной войне.

Затем обратился к нам Штаб партизанского движения, который собрал художников и выразил пожелание, чтобы художники изобразили эпизоды из партизанской жизни Ленобласти.

С этой целью были командированы наши художники на партизанские базы, было предложение, кто хочет, итти в тыл противника. На это предложение откликнулось много художников.

Было организовано две группы художников. Одна поехала в Кавголово на партизанскую базу. Надо сказать, что эти поездки имели и большое значение в смысле поддержания сил людей. Например, Белуха был в очень плохом состоянии. Ведь это — один из талантливейших графиков, но был очень слаб. Когда его командировали на базу, то даже думала, что он не сможет там работать.

Основная наша молодёжь была направлена на «ту сторону», как Прошкин Анатолий, Прошкин Виктор, Серебряный и другие. Многие из них ходили в тыл, ходили в операции и фиксировали эпизоды подвигов партизан. Эскизы, которые были привезены художниками, представляют большой интерес, и привезли они их в большом количестве.

Наряду с этим мы всё время готовились к следующей выставке. К маю месяцу набралось уже довольно большое количество работ.

Между прочим, когда мы делали нашу первую январскую выставку, мы решили сделать её закрытой, не для широкой публики, но потом, когда выставка была развёрнута, когда она выглядела довольно

хорошо, решили открыть её для широкого обозрения, и представьте себе, в январе — феврале — марте, самые тяжёлые месяцы блокады, нашу выставку публика посещала! По 15–18 человек в день приходили на выставку! Для того времени это было значительно!

На майской выставке было представлено уже 150 работ, которые в основном изображали эпизоды фронтовой жизни, эпизоды блокированного Ленинграда. Эту майскую выставку посетили тт. Шумилов, Золотухин, им очень понравилась она.

Был поставлен вопрос о том, чтобы открыть ещё большую выставку, выставку работ, привезённых художниками из партизанских баз.

Первые выставки мы устраивали в малом выставочном зале, тут решили делать выставку в большом зале. И в июне месяце в одной части большого зала (остальная не была приведена в порядок) мы открыли выставку партизанских работ. Было выставлено 80 живописных и скульптурных работ. Эта выставка заранее была просмотрена т. Никитиным и представителями Штаба партизанского движения.

На этой выставке были интересные работы Серова, интересный его эскиз «Русский народ никогда не станет на колени». Сейчас эта работа находится в Москве. За «Портрет редактора партизанской газеты» Серов получил диплом. Кроме того, на выставке были представлены работы Серова «Этого мы никогда не забудем», «Портрет партизана В.»

Прекрасные работы представил график Белуха, который хорошо поправился в Кавголовской базе и сделал целый ряд рисунков, посвящённых партизанам. Эти работы затем были в Москве, и все они приобретены Комитетом по делам искусств.

Интересные работы были представлены Раевской и Рутковским. Все они в Москве, и все приобретены государством.

Хорошие, интересные работы были Пахомова, Ярослава Николаева, скульпторов Андреевой, Пирошиной, Пинчука.

Работы были очень хорошие, они очень понравились Никитину и представителю Штаба.

Когда мы получили одобрение нашей выставке, мы решили организовать ещё выставку — сочетать работы, посвящённые партизанскому движению и Отечественной войне. 12 июня открыли большую выставку в большом зале. Тут уже были выпущены напечатанные билеты, были большие афиши. Выставка выглядела исключительно хорошо. Всё было удивительно чисто, красиво, в зале были ковры, цветы. Эту выставку посетили т. Маханов, представители Балтийского флота, было отмечено, что наши художники проделали большую работу.

Действительно было представлено много интересных работ, которые дали основание говорить о том, что осенью мы сможем показать эту выставку в Москве. В июле месяце мы получили предложение из

Москвы отправить выставку туда, и 8 сентября выставка была свезена в Москву.

Работы, которые произвели особенно большое впечатление на этой выставке, были работы Серова.

Забыла отметить я, что в декабре — январе — феврале 1942 года Серов написал большую картину, одну из самых лучших его живописных работ «Ледовое побоище». Написана эта картина была в самое беспроектное время, писал он её в мастерской совершенно не топлёной, в шапке, в перчатках. Это — большое полотно, и пользовалась эта картина исключительным успехом в Москве.

Затем Серов написал большую картину «Враг под городом» — очень живописная и с большим настроением вещь. Она тоже поехала в Москву. Затем Серов дополнил летнюю выставку работой «Здесь прошёл враг», которая также пошла в Москву, и двумя портретами партизан.

Прекрасные работы представил Пакулин — пейзажи Ленинграда в блокаде.

Очень интересные работы были Ярослава Никитина — «Возвращение партизан», «Проводы». Хорошие работы представила Раевская «Раненый партизан у колхозников», «Эвакуация детей».

Прекрасные работы представили графики Белуха, Н. Павлов, Петров, Мочалов. Все работы эти были выставлены здесь, затем отправлены в Москву.

Дормидонтов представил прекрасную серию работ из ленинградской жизни, как «Зарево над Ленинградом» и другие.

Художник Пахомов представил совершенно потрясающую серию работ, которые произвели очень большое впечатление и здесь, и в Москве.

Собралось 400 работ, которые надо было снять и отправлять в Москву. Упаковать всё и отправить было довольно сложное дело, особенно сложно было со скульптурой, а скульптур было 18.

С технической силой было очень сложно. Надо сказать, что все выставки, особенно июньская, организовывались довольно оригинально: вешали картины я и четыре четырнадцатилетних мальчика — совершенных дистрофика. Я добила здесь кое-каких обедов для этих мальчиков, и они мне помогали. Причём темпы были совершенно потрясающие. Нужно было выставку открыть обязательно 12 июня, приходилось буквально выдирать работы у художников; работы были зачастую совершенно сырые, брались работы прямо с мольбертов. Но всё-таки 12 июня в 12 часов дня мы выставку открыли.

Отправить выставку в Москву было делом тоже трудным. Мы получили разрешение отправить выставку самолётом, поэтому нужно было выдержать определённые габариты. Я снимала работы с рам,

большие работы снимала и с подрамников, накручивала на валы; помогал мне в этой работе хорошо старик художник, в прошлом макетчик.

Было сделано 18 ящиков, которые и были отправлены самолётами, а нам, то есть мне и представителю художественной общественности Н. И. Дормидонтову, было отказано в отправке нас самолётом, мы поплелись сами по себе.

Выехали мы 8 сентября, ехали с большими приключениями, с большими трудностями, ехали на открытой платформе; добраться до Вологды стоило больших усилий. 13 сентября приехали в Москву. Работы наши были уже на аэродроме в Москве. Нам сказали, что выставка будет в помещении музея Пушкина, что нам будет помогать бригада из работников музея, действительно, была выделена бригада из квалифицированных сотрудников, и мы все вместе стали организовывать выставку.

В смысле оформления выставка была организована совершенно исключительно, смело можно сказать, что выставка была просто потрясающая.

Говоря откровенно, когда я ехала, я несколько побаивалась этой выставки, я считала, что слишком много на ней эскизных работ, что работы ещё не закончены, но когда всё было развешено, то я сама не поверила, что это наши работы, так хорошо и сильно они звучали!

Мы с Дормидонтовым провели большую работу в Москве в области подготовки общественности. Правда, мы хотели создать каталог с вступительной статьёй, чтобы создать известный резонанс в Москве. Ведь всё-таки москвичи заинтересованы в основном своей группой художников, известно, что всегда существовал антагонизм между ленинградскими и московскими художниками, и сперва прохладное отношение со стороны москвичей чувствовалось. Но с первого же дня, как только выставка распаковалась, я обратилась к т. Бескину — патриоту ленинградских художников, чтобы он посмотрел выставку и написал статью. До него я никому выставку не показывала. У меня было всё время тревожное чувство. Но когда он посмотрел наши вещи, он сразу сказал, что выставка должна быть очень интересная, что судить, правда, заранее трудно, пока вещи не развешены, но работы очень интересные. Он изъявил согласие написать статью и обещал притти, когда будет всё развешено. И вот когда он пришёл снова, увидел картины уже в залах, он был потрясён и сказал, что это изумительно, что тут истинный «кусоч Ленинграда», что это душа Ленинграда, душа заблокированного города. Я увидела слёзы на глазах этого человека! Выставка на него произвела очень сильное впечатление. Я получила полное удовлетворение и уже была спокойна за дальнейшую судьбу выставки.

После этого Бескин в течение ночи написал статью к каталогу, статью очень подъёмную, очень пафосную, яркую, характеризующую

выставку. Вслед за этим разнеслись слухи о нашей выставке, выставку стали посещать все.

Ещё до открытия выставку посетили представители Комитета РСФСР, выставка получила общее одобрение.

В день открытия было большое количество народа. Открытие выставки было 4 октября, и мы сразу увидели, что наша выставка достигла цели — люди покидали выставку с заплаканными глазами, люди были потрясены.

На второй день открытия нам сказали, что СНК хочет посетить выставку. Приехал т. Панфилов с тремя заместителями, посмотрели выставку и были потрясены, при уходе они сказали, что вся выставка в целом закупается СНК РСФСР. Для нас было большой победой!

Выставка всё время имела исключительный интерес, вся печать откликнулась, говорилось везде, что выставка пользовалась большим успехом.

Серов приехал к самому открытию выставки, пробыл две недели и уехал обратно.

Выставка была приобретена СНК РСФСР и преподнесена в дар Русскому музею.

Когда Серов приехал к началу выставки, он привёз дополнительно довольно больше количество работ, особенно графических, которые хотелось поместить, но сделать это было очень трудно, потому что экспозиция была уже сделана, места свободного не было. Удалось мне поместить только несколько рисунков, остальные работы остались не помещенными. Был сделан каталог, как я говорила, билеты, афиши.

Я была в Москве до конца выставки. Подготовила там экскурсоводов, ежедневно сама была на выставке. Публика очень интересовалась Ленинградом, меня засыпали вопросами, особенно корреспонденты газет очень интересовались, в каких условиях творили наши художники, как, в какой обстановке писали ту или иную картину. Я дала для заграницы в эфир сообщение о выставке, сняла всю выставку, послала фотографии за границу.

В Москве намечалась всесоюзная юбилейная выставка к 7 ноября, и комиссия должна была отобрать работы и с нашей выставки. Было отобрано большое количество работ, но очень большое количество осталось, и эти работы мы должны были взять с собой в Ленинград. Я упаковала эти работы, причём упаковала и каталоги все, и билеты в ящики, и всё это должно было отправиться самолётом, на что было уже получено разрешение. Мы же должны были возвращаться поездом. Командировка наша кончалась, оставаться нам больше было нельзя, и мы поехали. Что это была за поездка! Жутко теперь вспомнить! Тёплых вещей у нас не было, а было уже 5 ноября и грянул сильнейший мороз. Когда мы доехали до Вологды, то были совсем обледенелые, так как нас застал там мороз в 17° и сидели мы там в ожидании поездка двое

суток. Наконец ночью мы попали на Волховстроевский поезд, ехали до Кабон в теплушке, при открытых дверях, при 17° морозе. В Кабонах сидели снова трое с половиной суток, на берегу Ладожского озера, без всякого пристанища. Движение было затруднено, т.к. ехали военные. Мы с Дормидонтовым дошли до такого состояния, что я была почти в полном беспамятстве. Один военный спас меня, дал мне немного спирту, привёл меня в чувство. Через шесть часов после этого нам удалось попасть на пароход, переехать на ту сторону, потом попали на поезд и приехали в Ленинград в ужасном состоянии. Только через пять дней я отлежалась, правда, получила плеврит, но затем окончательно поправилась. Но что самое ужасное! Ящики с работами, которые должны были быть отправлены самолётом, отправлены не были, и всё осталось в Москве! И находятся они до сих пор там. Недавно я прочла в журнале статью, где говорится, что эти работы будут отправляться в Молотов и Свердловск.

С апреля 1942 года большую работу проводил наш союз по устройству передвижных выставок в госпиталях.

В апреле обратился ко мне эвакогоспиталь № 62 с просьбой организовать у них выставку. Я поехала туда, чтобы посмотреть помещение, обдумать этот вопрос. Откровенно говоря, я побаивалась устраивать выставку эту, думала, что людям, вернувшимся с передовой линии, людям больным, раненым вряд ли будет интересно смотреть на наши работы. Мыслилось организовать там выставку дня на два — на три. Отобрала я картины, устроила выставку, и надо сказать, получила огромное удовлетворение! В течение одного дня явилось посмотреть выставку 70 человек! Комиссар госпиталя просил, чтобы некоторые картины я принесла в палаты к тяжелобольным, которые не могли ходить, показала их, рассказала о них больным.

Я развесила в большом зале 40 работ (помогали мне два красноармейца). С 9 часов утра до 9 часов вечера я была там и проводила экскурсии с ходячими больными. Скажу прямо, что проводя первую экскурсию, у меня дрожал голос, я боялась, сумею ли заинтересовать людей, поймут ли, что произведения наших художников — это те же пули и бомбы, которые помогают бить врага. И получился совершенно неожиданный эффект! Раненые с удовольствием смотрели, слушали, не хотели покидать зал, спрашивали, как работают художники, как они пишут, как написана та или иная картина, откуда художники знают фронтную жизнь и т.д.

После этой первой экскурсии у меня был такой подъём, что я с удовольствием показывала выставку до самого вечера. Затем я взяла картину Серова «Этого мы никогда не забудем», картину Владимирова и пошла в палату к тяжелобольным и простым языком старалась рассказать им, что у нас в Ленинграде есть художники, которые много работают, чтобы помочь фронту. Несмотря на то, что люди лежали

с большими страданиями и болями, они были заинтересованы, задавали вопросы, и я получила от всего этого большое удовлетворение.

Затем я провела медицинский персонал по выставке, меня очень благодарили, просили повторить этот опыт. От этого госпиталя мы затем получили отзыв (имеется печатный отзыв). Было это в конце апреля 1942 года.

После этого ко мне обратился представитель Артиллерийского музея РККА, политрук Грусланов и просил организовать выставку на Курсах политсостава резерва Ленфронта. Это было в начале мая. Здесь была не только организована выставка, но и была устроена встреча с художниками. Поехали туда семь наших художников: Серов, Рутковский, Пахомов, Павлов, Пинчук и др. Встреча прошла очень тепло. Очень хорошо выступил там В.А.Серов, рассказал о работе художников. Художник Павлов только что вернулся тогда с Ладоги, попал под бомбёжку, был весь перевязан, так как был ранен, его очень тепло встретили. Вообще народу было много, было всё очень хорошо. Мы имеем оттуда также отзыв, благодарность.

И вот, начиная с этого периода, ко мне стали обращаться представители разных госпиталей с просьбой организовать у них выставки. Обратились ЭГ № 97, № 266, строительно-пулемётные курсы младших лейтенантов Ленфронта, обратился дом отдыха фронтовиков, эвакогоспиталь № 926, эвакуационный пункт № 140 и другие. Во всех этих госпиталях я бываю, меня там знают, я веду беседы. Работа по передвижным выставкам ведётся теперь мною всё время.

В январе 1943 год встал вопрос об организации выставки к XXV-летию РККА. Началась колоссальная работа, правда, тут я была уже обеспечена технической силой. К XXV-летию РККА решили устроить выставку в Доме Красной Армии. Политуправление обещало дать техническую помощь, помощь в части рам, стёкол. Техническую помощь они дали, но рам и стёкол не дали. Сами мы всё это достали. Эту выставку открыли 19 апреля. Теперь эта выставка перевозится сюда, будет устроена открытая выставка уже здесь в Союзе.

На выставку XXV-летия РККА было представлено 170 произведений (97 графических, 55 живописи, 14 скульптур, 4 керамических вещи). На этой выставке положено начало галерее героев Ленфронта — представлено 20 с лишним портретов героев. Есть очень интересные работы. Огромное интересное полотно выставил В.А.Серов — «18 января 1943 года». Это — замечательная картина по своему настроению и новизне и совершенно исключительная по своим срокам! В течение 5 дней написана эта картина!

Интересны работы Казанцева, Прошкина, хорошие графические работы Пахомова, Курдова.

Выставка была открыта 23 февраля. Надо сказать, что эта выставка сильно разнится от выставки, которая была в Москве. Она как-то

более холодная, более казённая, носит даже характер социальных заказов. Эта выставка вызвала в среде художников много споров, и был даже поставлен вопрос, что художники недостаточно сильно переживают то, что пишут, и было решено организовать творческое обсуждение работ. Это обсуждение было организовано 6 марта; по живописи оно длилось два дня, а по графике и скульптуре по одному дню. Было много выступлений, говорили, что кроется какое-то притупление чувств, что недостаточно участие художников в жизни боевых эпизодов, что чувствуется некоторый спад в настроении художников. Художники сами признали, что есть этот спад, что нужно чаще выезжать на фронт, самим переживать действительность, общаться больше, тогда и произведения их будут лучше звучать.

Это первое обсуждение после начала войны прошло очень бурно.

У нас всё время ведётся просмотр новых работ. 10 января был организован просмотр скульптурных работ. Интересно, что на январском просмотре были работы скульпторов, которые последнее время мало работали, как Гаспарьян, который дал на выставку РККА неплохую работу. После этого просмотра он включился в работу и теперь много работает. Затем скульптор Линде раньше не давала работ, а тут представила эскиз «Конник». Траупянский представил работу «На подступах Ленинграда». Тальянцев дал неплохую скульптуру «Единоборство».

На этом просмотре смотрели работу старого скульптора Дитрих «Краснофлотец в бою» — неплохая работа, но она была не на таком уровне, чтобы её выставлять на выставке.

Очень интересные работы представил Стрикавин — «Труд» и 2 барельефа — они на выставке РККА.

В течение января — февраля — марта месяца, когда были открыты дома отдыха для бойцов и комсостава, у меня была налажена связь с Политуправлением, которое просило включить в план нашей работы встречи с художниками. Наши художники брали свои произведения (графику или рисунки) и устраивали выставки с лекциями. Так, выезжал Пахомов 2 раза, Павлов 2 раза, Вербов, Ярослав Николаев. Встречи были очень хорошие.

На фронт для зарисовок 12 января ездили Казанцев, Ксенофонтов, Пакулин, Владимирова — старик, а поехал! Ездил Филиппов. Все они обогатились большими впечатлениями, сделали целые серии зарисовок, привезли много портретов.

Каждую неделю у нас происходят заседания художественно-редакционного совета, который просматривает всю наглядную агитацию. Ведётся этот просмотр каждую среду.

Оживилась у нас работа и искусствоведческой секции. Искусствоведов осталось в Ленинграде очень мало — Барташев, Корнилов (Пумпянский — умер), и ещё несколько человек, но всё же мы решили встречаться каждую среду, чтобы обсуждать вопросы текущего порядка,

принять участие и помочь мне в обслуживании госпиталей, так как до этого занималась я одна. У нас эта работа оживилась.

18 января — день прорыва блокады — В.А.Серов выступал по радио. Ночью собрались наши художники на митинг, выступали Серебряный, Серов, Казанцев, Ксенофонтов — все давали обещание — написать панно по прорыву блокады. В этот же день Павлов выступал на корабле «Дрозд».

19 января вечером группа художников была мобилизована на создание плакатов в связи с прорывом блокады, и сделаны эти плакаты были в течение одной ночи. Через два дня они были уже расклеены по городу.

До последнего времени не включались в работу наши художники-керамики, фарфористы. Они стояли в стороне от союза, и только последнее время, особенно к выставке РККА, они включились в работу — были принесены на выставку две вазы. Одна очень большая, посвящена XXV-летию РККА. Эта ваза сейчас на выставке. Работа эта — художника Паспаловой-Михайловой.

Вторая ваза сделана художницей Соловьёвой-Кубарской — фарфористкой. Она представила на выставку вазу и 2 медальона.

1 февраля был 20-летний юбилей педагогической деятельности Доброклонского — старого работника Эрмитажа, который принёс огромную пользу в смысле сохранения оставшихся экспонатов, пережил он тяжёлое время, потерял двух сыновей. Было нами составлено поздравительное письмо, командирована делегация в составе Курдова и Борташевича, которые зачитали адрес и поздравили юбиляра.

ЦГАИПД, фонд 4000, опись 10, дело 80

**Выступления концертных бригад
на фронте в годы Великой Отечественной
войны**

ГАЛИНА ПЕТРОВНА КОРОТКЕВИЧ

18.08.1921–5.08.2021

В годы войны – артистка фронтовой комсомольско-молодёжной бригады в Ленинграде.

Советская и российская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1974).

На войну ушла с первого курса Театрального института. Всю войну выступала в составе фронтовой бригады артистов при Ленинградском Доме Красной Армии на Волховском и Ленинградском фронтах, на Дороге Жизни на Ладоге.

В 1946 году окончила Ленинградский Театральный институт.

С 1946 по 1961 год служила в Новом театре (ныне — театр имени Ленсовета). В этом театре на её счету более сорока ролей. В 1962 году перешла в Театр имени Комиссаржевской. Переиграла почти всю русскую классику и многое из зарубежной.

С 1950-х годов снималась в кино. В 2007 году сыграла в одной из серий «Улиц разбитых фонарей». Также занималась озвучкой фильмов.

Вся наша страна сейчас отмечает 40-летие снятия блокады Ленинграда. Моя судьба сложилась так, что с первого и по последний день войны я работала в концертной комсомольско-молодёжной фронтовой бригаде от театрального института.

Когда началась Великая Отечественная война, я закончила первый курс этого института и по призыву комсомола была направлена для работы в фронтовой эстрадной бригаде, созданной из студентов нашего института. Сначала мы работали на мобилизационных пунктах, на заводах, на сборочных пунктах, куда приходили ленинградцы, вступая в ряды Красной Армии.

После того, как немцы подошли к Ленинграду, мы стали выступать уже большей частью на Ленинградском и Волховском фронтах, а также на Дороге жизни на Ладоге. Работали мы в совершенно различных условиях: в мороз, дождь, ужасные метели, днём и ночью.

Наша бригада состояла из 12 человек. Поначалу наши выступления состояли из отрывков различных спектаклей и моих танцев. Сперва я танцевала по 4–5 танцев в концерте, но потом, когда у меня образовалась 2-я стадия дистрофии и работать мне стало намного труднее, а танцевать плохо не хотелось, я вынуждена была уменьшить количество своих выступлений в одном концерте до 2–3 танцев. Ну, а за день, следовательно, до 6–9; ведь очень часто у нас бывали дни, когда мы давали по три-четыре концерта, да ещё и в разных частях, иногда удалённых друг от друга на порядочное расстояние.

Где-то в начале 42 года наша бригада решила строить свои концерты по типу, как бы, жив-газеты. То есть мы создавали выступления специально для воинов. Жизнеутверждающие, с верой в победу, весёлые, задорные, и в то же время злободневные. Начинали мы свой концерт с того, что выходили все на сцену и пели какую-нибудь патристическую песню. Но когда появилась песня «Вставай, страна огромная», то она стала традиционной открышкой нашей программы. После этой песни я танцевала наш любимый русский танец, и уже только потом все уходили со сцены и шли отдельные выступления членов нашей бригады. Это были игровые скетчи, отрывки из спектаклей, песни, чтение стихов, и почти после каждого номера мои танцы.

Я танцевала и русские, и цыганские, и испанские, и украинские танцы. В финале нашего концерта мы опять все выходили на сцену и опять пели все вместе под аккомпанемент баяна, который и сопровождал всё наше выступление.

Когда нам казалось, что в нашей программе мало живого, сиюминутного, актуального материала, то мы пробовали сочинять сами сценарии скетчей и даже песни. В нашей бригаде был такой, тогда студент, ныне артист эстрады Яша Фельцер, и он написал песенку, которую мы часто с большим успехом и удовольствием исполняли. Всей песни я уже сейчас не помню, но начиналась она так:

*Ах, ты ястреб, ястребочек,
Дорогой ты наш дружок,
Мы любимся любя,
Грянем песню про тебя...*

Довольно часто нам приходилось выступать на Дороге жизни. Эти выступления носили у нас название «ночных концертов». Ведь днём всем тем, кто работал на Ладоге, дорога была каждая минута, да из-за непрерывных бомбёжек выступать было практически невозможно. И вот ночью мы приезжали на Ладогу и давали свои концерты. Сценой нам во время этих выступлений служил грузовик с раскинутыми бортами, а в качестве освещения этого помоста использовались зажжённые фары стоящей напротив машины. Переодевались мы в палатке, стоящей прямо на льду. Несмотря на жестокие морозы, выступали мы в форме № 1, то есть в наших обычных лёгких, нарядных концертных костюмах. И вот начинает играть баян, выходишь на сцену, всё лицо сразу покрывается инеем, а улыбка как возникнет на лице в начале номера, так и застынет до его конца. Ведь температура доходила до 45 градусов мороза.

Ну, а вообще-то, если говорить о сценах, на которых нам за время войны довелось выступать, то на Ладожском озере условия были просто шикарные. Ведь работали мы и на «кселлофоне» — это такая дорога через болото, сделанная из тонких стволов деревьев, сплетённых по бокам ветками, и в землянках передовой, таких низких, что танцевать там можно было лишь на полусогнутых ногах и почти не поднимая рук. Пожалуй, и профессиональным актёрам танцевать в таких условиях было бы непросто, не говоря уже о нас, всего лишь первокурсниках театрального института. Но горячее желание сделать хоть что-то для тех людей, которые защищали нас и наш город, хоть на минуты вернуть их к мирной жизни давало такие силы и вдохновение, что работали мы с полной отдачей.

И вот наступает день снятия блокады. Наша бригада была направлена на передовые позиции. Мы давали концерт для большой воинской части, расположенной в какой-то разрушенной деревне под Ленинградом. Конечно, найти хоть один уцелевший дом было невозможно, и поэтому нам в качестве эстрады предложили уцелевшее крыльцо какого-то дома. Концерт наш прошёл с большим успехом, и после него солдаты пригласили нас на праздничный обед. Мы уже сели за стол, как вдруг прибегает дежурный солдат и говорит, что сейчас поймали трёх немцев, которые после того, как мы ушли со своей сцены, выбрались из-под неё и со словами «Гитлер капут» сдались в плен. Нам этих немцев показали. Они были в полном вооружении — с гранатами и полуавтоматами. И вот на этих немцах, которые сидели под крыльцом, мы и играли свой первый послеблокадный концерт.

По характеру своей работы мы считались воинским ансамблем, и поэтому нас посылали порой на самые трудные участки фронта. Всем ленинградцам хорошо известны страшные бои под Синявино. И вот однажды нас отправили в медицинский пересылочный пункт в районе Синявино. Сюда поступали солдаты прямо с поля боя. Здесь им оказывалась первая медицинская помощь. Когда мы приехали туда и увидели падающих от усталости врачей и умирающих бойцов, мы никак не могли понять как можно, да и надо ли в таких условиях давать концерт. Поэтому мы сразу, как приехали, стали помогать врачам. И вдруг приказ главврача немедленно дать концерт. Самый задорный, самый радостный, самый весёлый. В первую минуту, когда мы всё это услышали, нам показалось, что это невозможно. Среди горя, боли и страданий нам надо было улыбаться, петь, танцевать! Но приказ есть приказ, и мы, буквально пересилив себя, став действительно актёрами, начали своё выступление. И когда мы его закончили, то увидели, что хмурые лица безумно уставших врачей посветлели, что раненые почти перестали стонать от боли, и чтобы выразить свою благодарность нам кончиками пальцев еле-еле похлопывали по краям носилок. Счастью нашему не было границ. И несмотря на то, что и во время войны и после неё мне часто приходилось выступать с различными концертами и слышать слова благодарности и аплодисменты, такой радости, какую я испытала после этого концерта в Синявино, и такой высокой оценки моего искусства и искусства моих товарищей я, пожалуй, не припомню.

После снятия блокады наша концертная фронтовая бригада шла вперёд вместе с частями Красной Армии. Мы по-прежнему выступали со своими скетчами, стихами и песнями. Ну а я? Я танцевала. Танцевала до последнего дня войны. Значит, я всю войну протанцевала.

У каждого поколения свои Университеты. Юность моего поколения была прервана войной. И эта война стала нашими Университетами. Именно война привила всем актёрам моего поколения особую любовь к своей профессии и даже многих, таких как я и мои товарищи по концертной комсомольско-молодёжной фронтовой бригаде, научила нашей в то время будущей профессии.

Что же касается меня лично, то мне война привила ещё и огромную любовь к концертной деятельности. И по сей день, работая в театре, я не перестаю выступать в концертах. Особенно люблю выступать перед воинами. Наверное, большей частью потому, что это возвращает меня к моей юности.

ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-749. Опись 1. Дело 54

ВЕРА СЕРГЕЕВНА КОСТРОВИЦКАЯ

3(16).01.1906–27.09.1979

**Артистка балета,
балетный педагог,
методист классического
балета**

По окончании Петроградского хореографического училища (педагоги Ольга Преображенская, Агриппина Ваганова), с 1923 по 1937 год танцевала в театре им. Кирова.

Закончив артистическую карьеру, в 1937–1965 годах преподавала классический танец в родном балетном училище. В 1939 году окончила педагогические курсы, которые вела при нём Агриппина Ваганова. Провела всю блокаду в Ленинграде, танцевала во фронтовых бригадах, занималась восстановлением преподавания в блокадном училище.

В 1947–1955 годах — ассистент профессора на отделении педагогов-хореографов Ленинградской консерватории.

В 1972 году издала методическое пособие «Сто уроков классического танца», выдержавшее множество переизданий и переведённое на несколько иностранных языков.

КОСТРОВИЦКАЯ В. С.
«ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ: 1941 ГОД»

Негромко, чтобы не мешать совещанию, звучит в репродукторе музыка.

И вдруг тишина... а потом голос диктора: немецкие войска перешли советскую границу, форсируя наступление, и заняли ряд наших населённых пунктов...

Все сразу замолчали, долго молчали, а потом начались взволнованные вопросы: что же сейчас, в этот первый момент, следует делать.

В сознании не укладывалось услышанное.

Это было 22 июня 1941 года.

Наступил второй, третий, десятый день войны. Педагоги и учащиеся продолжали приходить в училище, ждали распоряжений руководства, ожидающего в свою очередь указаний сверху.

Томительная неизвестность.

Над городом повисли воздушные заграждения — серебристые овальные шары. Местами они лежат в скверах на цветочных клумбах, похожие на огромных морских чудовищ. По радио то играют бодрые марши, то звучат сигналы воздушной тревоги, но их никто не боится, налётов немецкой авиации ещё нет.

Люди с нашивками МПВО насильно загоняют толпы граждан в быстро оборудованные бомбоубежища и траншеи, вырытые в садах. У всех склонность смотреть в небо, а не прятаться внизу. Боится одна Р.Б.Хаскина — наш новый, год назад назначенный директор. При первом сигнале тревоги ей несут из школьного медпункта нашатырный спирт и валерьянку. Ей дурно. Вся её властная величавость слетела, как пыль, она готова мягко разговаривать даже с теми, кого прежде едва достаивала взглядом.

Хорошо, что в училище есть крепкие деловые люди: в бухгалтерии, комсорг Певзнер, Б.В.Соловьев и новый завуч Л.С.Тагер. Благодаря их энергии, учеников продолжают ежедневно кормить в столовой.

Введены карточки. Продовольствие в магазинах начинает исчезать, но голода нет: выдают много хлеба и белой булки.

Июль — август. Отдельные фашистские самолёты прорываются в город, сбрасывают пока только зажигательные бомбы, их быстро ликвидируют, пожаров нет. Началась подготовка к эвакуации. В школе составляют списки желающих уехать, а таковых большинство.

У меня старенькая бабушка, она не ходит, её не возьмут в эшелон; мама только что перенесла тяжёлую болезнь, и мы остаёмся, уверенные, что немцы не войдут в Ленинград, что всё будет не так уж страшно. Переживём.

Очень скоро, ещё до отъезда училища, понадобилась помощь в Институте переливания крови. В город везут и везут раненых, а рабочих рук для перемывания стеклянной посуды нет.

В подвале этого института я добровольно провела несколько недель, возвращалась домой поздно вечером, голодная, уставшая и почти не заметила, как уехали и училище, и Кировский театр, как менялось лицо города...

В сентябре ушли последние эшелоны с эвакуированными. Город буквально засыпало опавшими бурыми листьями, — никогда не думалось, что их может быть так много. Они лежат грудками на мостовых, на тротуарах, на трамвайных путях, по которым редко проходит одинокий вагон.

Ледяной ветер насквозь продувает опустевшие проспекты и вместе с осенними листьями несёт с севера преждевременные морозы.

Даже голуби и воробьи покинули город. Здесь нет больше еды для них. Только в садах остались неубранные на зиму клумбы, полные замёрзших, уже никому ненужных цветов.

Полоски белой бумаги перекрестили наискось окна домов. Тёмные вечера без освещения на улицах. Почти непрерывные воздушные тревоги. Грохот наших зениток.

Пожары, в особенности на окраинах, где дома деревянные.

Разбомблены продовольственные «Бадаевские склады». Говорят, что реки жжёного сахара, перемешанные с грязью, текут там по улицам.

Сразу опустели магазины. Длинные очереди в булочных. Выдают один чёрный хлеб, норму убавили.

Люди грызут брикеты детского гематогена, его ещё можно достать в аптеках, но от него только сильнее хочется есть.

В училище непривычная тишина, не слышно роялей, звонков на перемену.

Исчезли, уехали девочки, недавно бегавшие по коридорам и лестницам в танцевальных платьицах, в розовых хитонах, и мальчики в трусиках и белых майках. Те немногие, что остались, закутанные, озябшие и молчаливые, робко ждут, принесут ли сегодня в школу похлёбку из зелёных капустных листьев хряпы.

Да и нет больше хореографического училища...

Остался «объект», который во что бы то ни стало надо охранять, хотя бы от зажигательных бомб.

Что же представляла собою внутренность школы?

Вестибюль, с ответственным дежурным у столика; лестница, ведущая в пятый этаж, и там один большой и маленькие танцевальные залы; коридор, канцелярия перед кабинетом директора. Три-четыре маленькие комнаты на площадке четвёртого этажа, где разместилось несколько оставшихся студентов педагогического отделения, бывших артисток эстрады. Все остальные многочисленные помещения занял штаб МПВО, двери наглухо заколотили, и мы не знали, что там происходит.

Мы — это пожилая одинокая учительница географии Павла Николаевна, тихая молчаливая женщина; библиотекарь Ярослав

Владимирович, высокий, худой, чахоточного вида человек; уборщица тётя Ньюша и тётя Лорочка, наши старые школьные «нянечки»; заведующий нотной библиотекой Сергей Михайлович Логинов, человек большой доброты, с простым, хорошим сердцем; старик дядя Стёпа с лихими украинскими усами, добродушный, весёлый, всю жизнь проживший в школе в должности вахтёра и хранителя школьного театра.

Секретарь директора, норовистая, всегда чем-то обиженная особа — Валерия Семёновна. Начальник объекта, она же временный директор школы Л. С. Тагер, наш бывший завуч. Все перечисленные пережили блокаду. Большое значение имела их выдержка, отсутствие паники во время бомбёжек, а позднее — артиллерийских обстрелов. Быстрее гибли те, кто боялся. Имела значение и всегда горячая печка — «буржуйка», возле которой в канцелярии можно было согреть ослабшее, застывшее тело.

По моим наблюдениям, в блокаду умирали главным образом люди, у которых дистрофия сочеталась с невозможностью поддержать жизнь теплом, постоянным теплом, а таких было большинство.

Все работники училища перенесли тяжёлую дистрофию, за исключением Тагер. По ряду причин дистрофии у неё не было и быть не могло...

Группа оставшихся детей из нескольких мальчиков из средних классов (особенно запомнился Петя Косарьков, но о нём речь позднее) и нескольких старших девочек.

Все закоулки школы и огромный пустой чердак заставили ящиками и мешками с песком. Посередине канцелярии появилась уже упомянутая печка — «буржуйка» с трубой, выведенной в форточку. На ней грели кипяток, к ней прислонялись после многочасовых дежурств на чердаке в мороз, который с половины сентября установился 15–20 градусов. Дежурства на чердаке сделались опасными, немцы начали сбрасывать на город разрушительные фугасные бомбы, но никому не приходило в голову отсиживаться в бомбоубежище. По первому сигналу тревоги, по строго установленному Тагер графику, все занимали свои посты у телефона, огнетушителей, на чердаке и крыше. Сама Тагер показывала пример. Вооружившись лопатой, она первая бежала по лестнице на чердак, увлекая с собой дежурных нашего маленького коллектива. В храбрости ей нельзя было отказать. Когда фугасная бомба падала поблизости, всё здание вздрагивало и покачивалось, как испанский корабль в шторм.

Но это здание было выстроено не на одно столетие, и мы верили, мы знали, что оно должно выдержать, должно сохраниться.

В начале сентября с группой оставшихся учеников и студентов я начала репетиции. Из Управления по делам искусств ежедневно поступали заявки на небольшие концерты. Надо было обслужить на

вокзалах уходящие на фронт воинские части, госпитали с ранеными, которых становилось все больше.

Концерты проходили под баян и состояли их двух-трёх номеров, уместающихся на любой площадке. Молдаванеска, лезгинка, чардаш, простенький гопак составляли весь наш репертуар.

В условиях начинающегося голодного истощения и холода ничего другого и нельзя было придумать.

Свыше двухсот пятидесяти концертов за сентябрь и половину октября дала эта маленькая группа.

Кто помнит об этом?..

Это же группа детей наравне со взрослыми по много часов дежурила на чердаке, а вечером дети из школы уходили на мороз в тёмные безлюдные улицы. И всё-таки они продолжали приходить, им хотелось быть полезными.

Конечно, манило и тепло в канцелярии, и электричество, которое дома заменили в октябре «коптилки», электричество к тому времени сохранилось только на заводах и в «объектах».

В конце октября некоторые мальчики стали прятаться на ночь в тёмных углах коридоров: после налётов у них не осталось ни дома, ни близких... Остальные дети перестали приходить, обессиленные голодом и усилившимися морозами. Концерты прекратились.

День за днём я наблюдала, как желтели и опухали лица мальчиков, — 125 граммов хлеба и без конца кипятков!

Тагер начинают раздражать голодные люди, жадно пьющие кипятки. «Надо уметь терпеть, мне лично вполне хватает хлеба», — всё чаще повторяет она. Но ведь никто не жалуется, зачем же она так говорит?..

Она часто приносит свой паёк хлеба секретарше Валерии Семёновне, живущей в школе и печатающей для нас на машинке разные документы.

Но никогда, ни кусочка детям, — они стали бесполезными.

Октябрь. Я продолжаю ходить на дежурство в школу. Трамваев почти нет, и всё чаще и чаще длинный путь пешком с Петроградской стороны. Мороз 25–30 градусов. С середины месяца улицы постепенно покрываются снегом, его так много, что сугробы доходят до окон первых этажей. На широких проспектах протоптаны в снегу узенькие тропинки, по ним медленно движутся люди на работу, серые, истощённые.

Давно исчезли собаки и кошки. Их съели. На заборах ещё попадаются объявления: «Куплю собачку, любой породы». Но эти объявления вытесняются другими: «Вожу покойников на кладбище за хлеб, цена 300 грамм».

Роскошь доставки умершего на кладбище на саночках, за хлеб, никому не доступна. Мертвецы лежат в пустых квартирах, на улицах, уберут их только весной.

В школу прихожу к девяти часам утра. Жизнь там сосредоточилась в канцелярии у печки. Старых учебников для топки и ненужных бумаг достаточно, хватит надолго. Никто и ни на что не жалуется. Еле ходят, но говорят только о том, что скоро станет лучше.

Об этом говорят всю зиму, спокойно и уверенно. Об этом говорят и Шостаковичи: мать композитора, его сестра, работавшая у нас педагогом по роялю, и маленький племянник.

На их улице разбомбило соседний дом, воздушной волной вырвало рамы, стёкла, двери, и они перебрались в училище в маленькую холодную комнату, где спят не раздеваясь, в шубах, меховых шапках и валенках.

Настроены они абсолютно оптимистично, в особенности Софья Васильевна — мать. Она всегда согревает меня ласковым, бодрым словом и не только словом. Если я ещё доползаю домой после дежурств, едва передвигая заочневшие, распухшие ноги, то только благодаря Шостаковичам. Они не отпускают меня из школы, пока не заставят меня выпить кружку настоящего крепкого кофе и даже с кусочком сахара. У них есть маленький запас, и они делятся им со мною.

В ноябре перестала идти вода, газет и почты нет давно. Совершенно прекратились бомбардировки, и в конце месяца замолчало радио. В городе наступила полная тишина и темнота. Мы не знали ещё, что город полностью блокирован. Выдачи в кооперативах прекратились, дождались последний столярный клей. В учреждениях понимают, что если человек не пришёл на работу, то он или никогда не придёт, или вернётся много месяцев спустя.

Никто не знает, живы ли их родные и знакомые, потому что нет способа дать знать о себе.

В декабре я не смогла больше ходить на дежурства. Едва хватало сил принести из булочной хлебный паёк и собрать во дворе снега для чайника.

Город совершенно занесло снегом, мороз 40 градусов, и страшная тишина на улицах и в домах.

В январе прибавили 100 грамм хлеба, в феврале наши героиньчики, прорвавшись через кольцо блокады, сбросили в город немного продовольствия.

Всё те же 40 градусов мороза, только солнце ослепительное. Медленно идут к магазинам люди, не одетые, а скорее обверченные для тепла разным тряпьем. На фоне белого, не городского снега, особенно выделяются лица, жуткие своим истощением и совершенно серые от грязи и копоти. Но на этих лицах написана надежда: первая выдача — 100 гр. сахарного песка, 100 грамм крупы, 50 грамм масла, значит будет жизнь и возможность снова работать.

В марте я опять начала ходить в училище на дежурство. Все, кого не видела больше трёх месяцев, остались живы, не потеряли бодрости,

надежды на победу, на лучшие времена. Мечтают устроить весной огороды, их можно сделать в самом городе, а Тагер обещает достать семена. Ходит слух, что хлеба ещё прибавят, дадут «рабочую» карточку, но только тем, кто несёт дежурства.

Тагер вызывает меня в кабинет, уговаривает перебраться жить в школу. У неё такая точка зрения: если человек делится своим пайком с «иждивенцем», поддерживает его жизнь, то это в данной обстановке является неуместной излишней роскошью. Молодые должны спасти свою жизнь, а не думать о стариках, ибо молодая жизнь, дескать, нужна государству, старая — не нужна.

Однако, ей удаётся уговорить молодую девушку, артистку Кировского театра Т.Б. оставить свою мать в пустой квартире... мать умерла на пятый день.

Стало совсем светло. Мороз снизился до 30 градусов, но греет солнце. Мартовский ветер раскидал на Фонтанке и на Неве снежные сугробы, обнаружили груды трупов. На местах разбомблённых домов тоже груды не поймёшь чего.

Приказ по городу: «Необходимо спасти город от эпидемий, близко весна».

Наряд на училище дали на площадь возле Казанского собора. Там сделаны круговые трамвайные рельсы, поставлены платформы. Нас взрослых шесть человек и две девочки ученицы. Радуемся, что можем включиться в жизнь, принести реальную пользу этой жизни.

Горы чего-то, собранного здесь на площади, огромны, а силы совсем невелики. Железные лопаты очень тяжёлые. Мы с трудом ковыряем смёрзшуюся гору и понемножку бросаем «это» на платформу, но в результате — за несколько дней убираем всё. Только немного обидно, что временами появляется Тагер и заявляет, что мы ленимся, работаем слишком медленно. Румяная, пухлощёкая, она берет лопату и показывает нам пример, как ковырять, как бросать, потом стоит и наблюдает...

Петя Косарьков

Маленькая заметка в протоколе школьного педсовета за 1940 год: «V класс. Петя Косарьков — круглый отличник».

Этот высокий, пятнадцатилетний мальчик, румяный и чистенький, как девочка, был на редкость способным и к танцам, и ко всем остальным предметам.

Спокойный, мягкий характер, большие доверчивые глаза и абсолютное физическое здоровье, ярко и гармонично выраженное.

Жил он за городом в Лигове, и в один из осенних дней 1941 года, участвуя в концертах и дежуря на школьном чердаке, где ему пришлось погасить не одну зажигательную бомбу, Петя не смог вернуться домой. Лигово заняли немцы. Общежития для детей в школе ещё не было организовано, и он спал где попало, в незаметных углах, на мешках с песком.

Когда в марте я вернулась в училище, то по коридорам, держась за стенки, медленно-медленно передвигался исхудалый призрак Пети Косарькова.

У него уже была своя койка, но чаще он сидел где-нибудь в уголке на стуле, тихонько вздыхал, виновато улыбался высохшими, сожжёнными кипятком губами. И всегда, когда проходили мимо взрослые, пытался встать.

В апреле наша армия, получившая подкрепление с «большой земли», высвободила кусочек пути на Ладожском озере — «Дорогу жизни».

Кто был в силах, шёл на Финляндский вокзал и уезжал. Уехали Шостаковичи.

Прибавили немного продовольствия, хлеба, но с тяжёлой дистрофией не справиться сразу, люди продолжали гибнуть, хотя смертность значительно снизилась.

Открылись двухнедельные «стационары» для истощённых, где по специальному талону давали пол-литра горячего супа и 200 гр. каши. Тагер выхлопатывает для училища стационар при Филармонии. Каждый из нас ходит туда по очереди, в течение двух недель.

Конечно, никто не насыщается, но сил капельку прибавилось, потому что кроме «обеда» нам дают чудодейственную зелёную настойку на сосновой хвое.

Все много говорят о возрождении города.

Город и оставшиеся в живых полумёртвые люди должны возродиться. Пережив такую зиму, нельзя сдать ни физически, ни морально, на пороге тепла и лета.

Не знаю, кому пришла в голову мысль об устройстве в Филармонии в апреле месяце первого концерта, да ещё с участием нашей школы.

Правда, появилось несколько старших девочек, сохранивших относительное здоровье на работе в госпиталях или просто пересидевших зиму дома. Но у всех подкашиваются ноги, покрытые нарывами и синими цинготными пятнами.

Я сказала об этом Тагер, она ответила, что концерт необходим и даже с классическими номерами на пальцах. Иначе не удастся выхлопотать для всех рабочие карточки на следующий месяц.

А это очень серьёзно. Это вопрос жизни!

В ледяном танцевальном зале, в шубах и валенках, я сижу с девочками прямо на полу (стулья исчезли; их, наверное, сожгли), мы обсуждаем, что же нам делать...

Люся А. плачет, она не может встать на пальцы. Петя Косарьков — наш единственный мальчик, двое засели дома, двое умерли в январе.

Решаем, что Люся станцует комический русский лубок за мальчика, Петю оденем девочкой, — ему так будет легче, «обыграем» этот номер, а вместо танца можно потоптаться на одном месте, и будет совсем неплохо.

Ира К. станцует с Петей чардаш.

Выручает всех Вита П., она заявляет, что любую цену готова «встать на пальцы».

Значит, будет Умирающий лебедь. Вместо репетиции мысленно вспоминаем все эти номера, договариваемся, какие движения будем заменять более лёгкими, доступными для ног, а пианиста нам дадут прямо в Филармонии, перед концертом, в школе играть некому.

Концерт состоялся, был и Умирающий лебедь.

Петя, тщательно загримированный мною, «танцевал» два номера.

Девочки, чтобы поддержать его, принесли хлеба и в стеклянной баночке немного каши.

На эстраду мы вели его под руки, когда он «танцевал», я старалась не смотреть, а в промежутках он обвисал на моих руках и со страшными мучениями извергал съеденную кашу.

Публики на концерте не было.

Два первых ряда заняли Управление по делам искусств и какие-то неведомые мне товарищи.

Выкрашенная в рыжий цвет, разодетая Тагер, сияла в «антракте» и, принимая поздравления, неестественно громко рассказывала о своей любви к детям и о том, как она всю зиму спасала их жизнь.

Второе отделение концерта состояло из небольшого количества музыкальных номеров, исполненных скрипачом и пианистом, и художественного чтения известных артистов театра имени Пушкина Железновой и Студенцова.

Студенцов видел, как в первом отделении я приводила и уводила Петю с эстрады, видел и понял всё. Он сам еле двигался и до выхода на сцену полулежал в глубоком кресле. Но в антракте, сказав что-то своей жене — Железновой, он вынул из коробки с гримом аккуратный маленький пакетик, завёрнутый в чистую белую салфеточку и, ласково успокаивая Петю, положил ему в карман. Это был ломтик хлеба, припасённый артистами на обратную дорогу.

На другой день Петя слёг. В небольшой холодной комнате бывшего медпункта за ширмой тихо лежал Петин скелетик.

Уборщица приносила ему из столовой выдаваемую по карточкам водянистую похлёбку и дневной паёк хлеба.

Оказать настоящую помощь могла только Тагер, но её раздражали больные и умирающие. По её словам, голод в городе кончился и валяться было бестактно малодушно: «Выдают столько хлеба, я даже не могу его съесть»...

Затем в школу пришли две оборванные исхудавшие девочки, сёстры Эйдельберг. Умерла мать, тётка, отец. Старшая тринадцатилетняя сразу слегла, через день не смогла встать и младшая.

Тогда Тагер отправила всех троих в детскую больницу. Говорили, что там старались по мере возможности питать детей, и девочки, значительно окрепшие, вернулись к нам через месяц.

Петя не вернулся, было слишком поздно... И, вероятно, Тагер чувствовала что-то неладное во всём происшедшем, так как скрывала от нас факт Петиной смерти.

На фоне трагических смертей этой войны так мало важна смерть какого-то одного мальчика, такого обыкновенного, ничего после себя не оставившего, всеми забытого...

А сердце почему-то помнит и сжимается до сих пор...

Холодный апрель, холодное начало мая, насквозь промёрзшие дома, снег во дворах. Но необходимо снова попытаться создать училище в здании, ставшем только «объектом».

Об этом говорит Тагер, об этом думают и все остальные.

Надо попробовать найти детей, сделать набор в первый класс и осенью начать занятия. Но где их найти?

Школы закрыты, на улицах совсем не видно... Кто-то высказывает предположение, что дети есть во Дворце пионеров. Предположение, конечно, маловероятное... Но на всякий случай, решаем вместе с педагогом Любой Ярмолович (появившейся только что в школе) отправиться во Дворец, благо он недалеко.

Со двора входим в незакрытый подъезд, поднимаемся по широкой дворцовой лестнице, ведущей в залы и музыкальные классы, где до войны особо одарённые дети занимались хореографией, музыкой, живописью, лепкой и т. п.

Проходим ряд пустых обледенелых помещений. Впечатление, что дворец необитаем.

И вдруг за какой-то дверью слышится смех.

Останавливаемся. Мы так давно не слышали смеха, да ещё детского...

Нерешительно открываем дверь, обитую войлоком, входим и видим что-то совершенно необыкновенное. Довольно большая комната наполовину заставлена узкими кроватками, плотно сдвинутыми вместе.

На них кучками сидят дети различного школьного возраста, закутанные, обмотанные тёплыми вещами. Не разберёшь, кто из них девочка, кто мальчик. Все они с грязноватыми, чумазыми, но весёлыми мордочками.

В другой половине комнаты стол и там тоже кучка ребят, они что-то вырезают из бумаги, рисуют, деловито возятся с пластилином.

Почему-то все дети напоминают зайчат...

Посередине комнаты низенькая железная печка «буржуйка» с трубой, тянущейся через всю комнаты в форточку. На печке большой котёл, в нём кипит какое-то варево, вкусно пахнет крупой.

В комнате чуть дымно, но очень тепло. Однако «зайчата» одеты, как на морозе. — Так надо, так лучше сохраняются в истощённом теле калории, которых в сущности и нет, но о которых столько говорят и мечтают в блокаду.

Приветливым взглядом на нас смотрит невысокий человек, тоже весь закутанный. Большущей ложкой он осторожно помешивает варево на печке. Лицо знакомое, мы немножко знаем его по довоенному времени. Некоторые наши педагоги — преподаватели во Дворце.

Это Натан Михайлович Штейнварг, или попросту Натан (как он сам любил представляться и даже подписываться на официальных документах), директор Дворца, на протяжении многих лет известный своими организаторскими способностями, тонким чутьём в подборе педагогических кадров и безграничной любовью к детям, — человек, создавший такой Дворец пионеров, которым гордился Ленинград.

А ныне... как выяснилось, единственный истопник, водонос, учитель, кормилец и добровольная няня всех этих зайчат.

Потрясённые увиденным, мы не можем даже объяснить цель нашего прихода.

Натан усаживает нас к печурке.

Пятиминутный переход из училища во Дворец сильно утомил нас, да и промёрзнуть успели изрядно.

Придя в себя, рассказываем, что хотим сделать набор для нашей балетной школы. Натан Михайлович нисколько не удивлён, но просит прийти ещё раз в середине лета, когда настанет настоящее тепло и можно будет, не рискуя простудиться, раздеть и осмотреть «зайчат».

К тому же он надеется, что летом восстановят водопровод и дети предстанут перед нами отмытые, чистенькие и немножко «подкормленные». — На территории дворца он собирается сделать небольшой огород. Сколько позволят силы.

Он очень скромный и тихий человек. С трудом мы вытягиваем из него несложный рассказ о том, как удалось ему устроить такой «инкубатор».

Оказывается, осенью, когда закончилась эвакуация, он пошёл по адресам и собрал оставшихся детей, посещавших ранее Дворец пионеров.

Раздобыл на окраине города совхозный свинокорм — мешок овсяных отрубей и устроил общежитие в одной из дворцовых комнат.

Война застала всех врасплох, дров было совсем мало, и в течение зимы Натан Михайлович сжёг часть инвентаря: шкапы, столы, двери от кладовок и многое другое, что могло гореть и обогревать.

Воду он привозил в вёдрах на саночках, доставая её (как и все) из проруби на Фонтанке.

Нелёгкий труд для одного истощённого человека, учитывая, что детей было человек двадцать — двадцать пять!

В кладовой Дворца оказался столярный клей. Всю зиму в придачу к скудному хлебному пайку три раза в день варилась ещё похлёбка из отрубей и клея. К весне выдали немного крупы и сахара, и дети выжили все до единого.

Много двигаться он им не позволял, берёт их силы, но в пределах своего «инкубатора» они понемножку учились и занимались разной ручной художественной работой.

К осени мы действительно отобрали во Дворце пионеров маленькую группу девочек, худеньких, но вполне способных заниматься с ограниченной, конечно, нагрузкой классическим танцем. Откуда-то появился и единственный девятилетний мальчик — Веня Зимин (будущий ведущий солист Малого Оперного театра).

1 сентября 1942 года в маленьком холодном танцевальном зале начались занятия первого класса Хореографического училища.

Урок классического танца вела Люба Ярмолович. Я, будучи ещё дистрофиком, смогла преподавать только историко-бытовой танец, не требующий большой затраты сил.

Павла Николаевна учила ребят географии и арифметике, библиотекарь Ярослав Владимирович — русскому языку, дядя Стёпа приготавливал топливо для плиты. Каждый вносил свою посильную лепту. Занятия происходили в кладовой, специально приспособленной для этих уроков.

Впоследствии, по возвращении школы из эвакуации, наши дети влились в третьи и четвёртые классы, пополнив состав учащихся, начавших заниматься в Перми во время войны.

Первая блокадная весна! Начались артиллерийские обстрелы, снова рушатся здания. Но на бульварах, на пустырях, в садах под всеми деревьями виднеются скрюченные фигуры с мешочками в руках. Собирают появившуюся траву и жадно едят.

На Невском, в пустом «елисеевском» гастрономе, устроена выставка дикорастущих трав, рекомендуемых населению. Прилавки заставлены горшочками с одуванчиками, подорожником и другими травами нашей природы. Исключение для одного лопуха, над ним вывеска — «ядовит».

Школе отвели участок под огород в Лесном, и так как там огороды у цирка, эстрады, Музкомедии и других учреждений, то два раза в день туда идёт трамвай.

Записавшимся на огород выдали по горсточке картофеля, величиной с горошину каждая, и семена турнепса.

Или мы очень ухаживали свои грядки, или лето было подходящее, но картофель уродился у всех на славу и оправдал наши тяжкие труды.

Характерно, что осенью, когда всё стало поспевать и становиться съедобным, эти коллективные огороды не пришлось охранять. Ни один куст картофеля не был тронут, ни один турнепс не был украден...

Невольно сравниваешь с обыкновенным сытым временем, когда замечаешь на колхозных полях небрежно вывернутый из земли куст чужого картофеля или затоптанную между грядками наполовину выросшую морковку...

Настало, наконец, долгожданное лето, июнь. Стало ли тепло — не знаю. Дистрофикам всегда холодно.

Заметно прибавили продовольствие, отоваривают все карточки, а главное, выдают соевое молоко. Оно хорошо заполняет желудок, вкус же играет второстепенную роль.

Каждая продуктовая выдача для нас, блокадников, это не только еда и жизнь, это доказательство того, что на нашем Ленинградском фронте настало значительное улучшение.

Ещё весной до нас доходили слухи о том, с каким напором и героизмом части нашей армии, подошедшие к Ладожскому озеру с «большой земли», продолжили путь — «Дорогу жизни» к противоположному берегу озера, чтобы доставить в истерзанный город продовольствие.

Рассказывали и о молодых шофёрах грузовых машин, под обстрелами фашистских самолётов бесстрашно мчавшихся по льду с кузовами, нагруженными хлебом и крупой. Проваливаясь в полыньи и стоя по пояс в ледяной воде, они вытаскивали застрявшие машины. Делали баснословное количество рейсов в день, не считаясь ни с усталостью, ни с опасностями.

Особенно отличался девятнадцатилетний юноша Василий Иванович Сердюк (но о нём я узнала позднее), с рассвета и до сумерек без усталости перевозивший на «большую землю» десятки и сотни истощённых ленинградцев, а обратными рейсами — мешки с продовольствием.

Когда началось таяние льда, а местами лёд двинулся, Сердюк, несмотря на уговоры начальства, продолжал свои отчаянные рейсы.

Несколько лет назад я случайно познакомилась с ним. Воспоминания о блокаде быстро сближают людей. В одну из встреч я спросила его: а как сейчас, Василий Иванович, в вашем возрасте, вы бы рискнули при надобности проделывать то же самое?

Удивлённо посмотрев на меня, он ответил: а как же иначе!

Сейчас Василий Иванович живёт в Ленинграде, по-прежнему работает шофёром на многотонной грузовой машине. Смущается, когда говорят ему о том, что его живописный портрет висит в музее на берегу Ладожского озера, посвящённом героической эпопее — Дороге жизни.

В начале лета в городе и окрестностях нашу измученную армию заменили новыми кадрами, — возникла потребность в зрелищах.

Некоторые ведущие актёры получили «академический паёк», и в здании Пушкинского театра начались спектакли Музкомедии специально для военных, получивших отпуск на несколько часов.

Одновременно Управление по делам искусств привлекло всех имеющихся в городе и способных стоять на ногах артистов всех

специальностей и организовало «Военно-шефскую комиссию», председателем комиссии назначили Л. С. Тагер.

В помещении хореографического училища собирают и распределяют концертные бригады для обслуживания фронта, фронтовых госпиталей и лесоторфоразработок.

На концертах обещают кормить, хлебные карточки брать с собою не нужно (значит, хлеб останется дома!).

Я, как всегда, сижу на ответственном дежурстве в канцелярии, у телефона. Мимо меня в директорский кабинет проходят к Тагер эстрадные чтецы, певицы, баянисты, несколько балетных (их меньше всего) и пианистки. Большинство, несмотря на начало лета, кутаются в меховые шубки. Истощённое тело ещё не может согреться. На бескровных лицах одинаковое выражение робкой неуверенности, его можно определить словами: неужели возьмут, неужели можно снова попробовать работать...

Тагер прослушивает репертуар каждого актёра, но особенно выбирать не приходится, это одна проформа. Требуется лёгкое развлечение и немного тематики.

Из-за двери до меня доносятся ослабевшие, едва слышные голоса певиц. Я держу за них кулаки, — хоть бы спели прилично! Так хочется, чтобы всех их взяли... «Хлеб останется дома».

Просматриваться и записываться в бригады приходят каждый день. Тагер — великолепный администратор, — ни одна воинская заявка не остается неудовлетворённой.

В канцелярии теперь всегда толкучка. По утрам собираются готовые к отправке бригады, ждут своих «сопровождающих» с фронта.

Эти молодые военные всегда торопятся, быстрым шагом проходят к Тагер, обменивают заранее поданные заявки на «наряд», бегло пересчитывают артистов своей бригады и просят скорее спуститься вниз.

Путь дальний, а грузовики часто приходится останавливать, подбрасывать топливо — деревянные чурки и торф. Бензин в черте блокады на вес золота.

И однажды в канцелярию вошёл пожилой человек, в штатской кожаной куртке, коренастый, с добродушным спокойным лицом. Чем-то резко отличающийся от привычных блокадных и военных лиц.

Подошёл ко мне (хотя я испуганно объяснила, что просто дежурю и никакое я не начальство, а начальство сидит в кабинете) и не спеша рассказал, что работает парторгом в большом районе между станцией Бернгардовка и Ладожским озером, что ему для людей, работающих на торфоразработках, для воинских частей и госпиталей нужна бригада артистов недели на две. Расспросил, как живём-можем, пошутил с кем-то и прошёл к Тагер.

Через некоторое время Тагер, выйдя из кабинета, любезно проводила его вниз.

Вернувшись, рассказала нам, что это Леонид Кузьмич Константинов, крупный работник Смольного.

Когда зимою 1941–1942 гг. в районах между Ленинградом и Ладожским озером на лесозаготовках сотнями и тысячами стали вымирать голодные, плохо одетые люди, Жданов направил туда Леонида Кузьмича расследовать и наладить дело. Он с честью, особенно ценной в это тяжёлое время, действительно сделал всё возможное: достал два вагона ватников, наладил выдачу хлеба, выстроил тёплые бараки. Люди перестали умирать, смогли работать, а весной засадили поля турнепсом, брюквой, капустой.

Через неделю, когда мне пришлось побывать в тех местах и путешествовать с Леонидом Кузьмичом на грузовике десятки километров, то не было встречного человека, который бы не приветствовал его с радостью. Все его знали, и все благодарно любили.

В тот же вечер Тагер неожиданно объявила мне, что я назначена бригадиром концертной группы, выезжающей через два дня по заявке Леонида Кузьмича. «Хорош бригадир, — подумала я, — шатаюсь при ходьбе, лицо опухшее...» — «Обязательно найдите исполнителей и отрепетируйте какой-нибудь смешной балетный номер, завтра придёт пианист», — сказала Тагер.

Я вызвала Иру Кузнецову и решила сама танцевать с нею комический лубок. Другого выхода не было. В школе оставался сундук со старыми костюмами. В нём я нашла лапти, полосатые рваные штаны, красную рубаху, дурацкую шляпу, рыжий парик и даже кнут. Коричневые веснушки, намалёванные на лице, дополняли мой костюм пастуха.

Иру я одела в яркий сарафан.

Танец на мотив частушек имел неизменный успех, мы танцевали его на многих шефских концертах до глубокой осени и всегда бисировали.

В конце номера, чтобы показать хоть какую-нибудь профессиональность, я падала на «шпагат». Подняться с него было очень тяжело, и всякий раз я нарочно обыгрывала этот момент: гримасничала, корчилась, пыхтела. Публика смеялась, не понимая, что я по-настоящему страдаю, и никому ни разу не пришло в голову, что танцует женщина.

В бригаде под моим «начальством» оказалась довольно жалкая, истощённая компания — длинноногий, хромой и заикающийся скрипач (преподаватель Ленинградской Консерватории), от слабости говоривший шёпотом; пожилая эстрадная чтица; молодая певица, почти потерявшая голос, и (о, чудо!) целое цирковое семейство: старушка и её сын — Наркевичи с тремя белоснежными карликовыми собачками — шпицами. Они не были истощены (а собачки не были съедены), так как всю зиму провели на фронте, в окопах и землянках воинских частей Ладожского озера, где, прекрасно выдрессированные, ласковые и весёлые собачки давали целые представления.

Ездили мы две недели. Первые дни жили оседло в пустом посёлке, в заколоченной даче, без кроватей, без одеял, воды и пр. Ночи были холодные, нас заедали комары. Концерты давали в госпитале, где нас неохотно кормили похлёбкой из крапивы с ломтиком хлеба.

Во всех неудобствах и бедах оказалась виновата я — бригадир. Что я могла сделать?.. А актёры мучили меня бесконечными претензиями. Одни Наркевичи всю поездку, в любых условиях сохраняли спокойствие, скромность и удивительное чувство такта и товарищества. А ведь это были люди, почти неграмотные, с трудом расписывающиеся в моей бригадирской книжке после концертов. (До войны они работали по детским очагам и детдомам и очень нуждались в жилплощади. В конце войны Горисполком наградил Наркевичей хорошей отдельной квартирой, и они снова стали работать по очагам. Их часто можно было встретить посередине Невского, — семейство сильно увеличилось. Сзади плелась старушка, неся в корзине собачьи костюмы).

Когда кончилось обслуживание госпиталя, Леонид Кузьмич стал развозить нас на грузовике в разные места. В день делали по 70–100 километров, давали когда три, иногда пять концертов. Ночевали в бараках, в клубах на столах.

Вскоре выяснилось, что я и скрипач не можем сами ни сесть в кузов машины, ни вылезти.

С невероятной скоростью мы носимся по прямым, кривым и ухабистым дорогам.

Много раз на дню Леонид Кузьмич наклоняется к шофёру, мы останавливаемся то у детского сада, то у домика совхозного огорода. Везде нам что-нибудь дают.

Вот в маленькой деревенской лавчонке мне насыпают в чемоданчик конфет. На ходу в машине делю их. Получается по две штуки на всех, включая собачек.

Скрипач волнуется, заикается, берёт конфеты трясущимися руками, ему кажется, что его конфеты меньше, чем у других. Нельзя осуждать! Все мы больны...

Лесные дороги, цветущие поля, пение жаворонков, солнце — всё это не для нас, мы почти не замечаем красоты мест, по которым мчится наш грузовик.

Вот совхоз, где задерживается Леонид Кузьмич, и нам в машину кидают несколько бруквин и турнепс. Опять делим, и опять скрипач волнуется.

Иногда с одного концерта на другой надо было идти пешком, и тогда Леонид Кузьмич всегда забирал мои вещи, скрипку и ещё волок под руку скрипача.

Наркевич нёс на плече баян, перед ним бежали белые пушистые пёсики. Сзади шагала старушка в длинной юбке, в большой соломенной

«Наконец, собравшись с духом, отправилась и, войдя со стороны улицы Глинки на площадь, остановилась. Правое крыло было разрушено, входа в дирекцию не существовало — вместо него зияла огромная дыра. Стоя на углу, я смотрела и плакала», — из воспоминаний О. Г. Иордан.
(На фото — коллаж С. Ларенкова)

Участники оперно-балетного коллектива:
(снизу слева направо) Г. И. Цорн, Н. Л. Вельтер, К. И. Элиасберг; (сверху) Р. И. Гербек
(Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда)

Н. П. Сахновская и Р. И. Гербек в балете «Элегия» на ст. Всеволожская в сентябре 1943 г. (Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда)

Театр муз. комедии. Репетиция перед выступлением на ст. Всеволожская. Н. П. Сахновская, Р. И. Гербек (Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда)

Мои́ла Р. И. Гербек и Н. П. Сахновско́й на Большоехтинском кладбище Санкт-Петербурга. В 90-е годы бронзовое изваяние на надгробии было украдено неизвестными лицами

**О. Г. Иордан, предположительно
в балете «Раймонда»**

Группа создавала спектакли
 "Великий Орлеан."
 Слева направо: Э. Ситудешов,
 М. Нараев, О. Иордан, Т. Уорн,
 К. Эммерсберг

Пропуск
 О. Г. Иордан
 в Кировский
 театр

О. Г. Иордан в классической пачке

1945. Зимняя
1941
г. Ленинград
Н.В. Лазарев
И.Б. Левитин

Слева направо:
Н. В. Лазарева, О. Г. Иордан,
И. Б. Левитин

Приглашение
на вечер, посвящённый
открытию офицерского
собрания в эвако-
госпитале № 1012

**Премьера балета Пуни «Эсмеральда»
в Ленинградском городском театре.
Сцена из 2-го акта. 18 декабря 1942 года.**

**Сцена из новой постановки — в роли
Эсмеральды заслуженная артистка РСФСР
О. Г. Иордан, в роли Гренгуара — ордено-
носец Р. И. Гербек. 18 декабря 1942 года.**

В суровые дни блокады Театр музыкальной комедии продолжал показывать ленинградцам свои постановки в помещении Академического театра им. Пушкина.

В ожидании выхода (слева направо) артистки балета Анкудинова, Свибильская и Мительглик. На втором плане: заслуженный артист республики Е. Д. Михайлов. Март 1942 года.

**Вера Сергеевна Костро-
вицкая с учениками после
Великой Отечественной
войны.**

«...Не успел Павел Александрович объявить номер, как несколько солдат подхватили Павла Захаровича на руки и поставили его на танк, который находился рядом с нашей «эстрадой».

Это было неповторимое зрелище. Неподалеку слышались разрывы снарядов, грохот орудий, а Павел Захарович стоял с поднятой головой на танке и пел:

О дайте, дайте мне свободу! // Я свой позор сумею искупить. // Спасу я честь свою и славу, // Я Русь от недруга спасу.»

В. Я. Меркулова

Обратите внимание, насколько велик Павлу Захаровичу пиджак после первой блокадной зимы. Также обратите внимание на необычный трёхцветный камуфляж танка KB-1.

16 Понедельник	„Баядера“	24 Вторник	„Роз-Мари“
17 Вторник	„Лесная быль“	25 Среда	„Продавец птиц“
18 Среда	„Раскинулось море широко“	26 Четверг	„Раскинулось море широко“
19 Четверг	„Продавец птиц“	27 Пятница	„Марница“
20 Пятница	„Марница“	28 Суббота	„Баядера“
21 Суббота	„Раскинулось море широко“	29 Воскресенье утро и вечер	„Раскинулось море широко“
22 Воскресенье утро и вечер	„Сильва“	30 Понедельник	„Лесная быль“
23 Понедельник	„Раскинулось море широко“		

Театр музыкальной комедии:
в столовой. Декабрь 1941 года.

Репертуар Театра музыкальной
комедии с 16 по 30 ноября 1942 года.

1943

*Закрытие
по Дням Весны
при Ленинградском
Ленинградский Союз
Советских Художников.*

ВЕСЕННЯЯ
ВЫСТАВКА

ВЫСТАВКА

**ленинградских
художников**

**живопись
скульптура
графика**

*открыта с 1 июня по 15 июля
в помещении Союза
Советских Художников
улица Герцена 30
совместно открыта
кабинетом
с 11 до 13 ч.*

Весенняя выставка ленинградских художников. Живопись, скульптура, графика: открыта с 1 июня по 15 июля 1943 года.

Оформление художника В. Двораковского. Полиграфическая мастерская ЛССХ, 1943 год.

В. А. Серов «Ледовое побоище». 1942 год, Ленинград. Холст, масло. 220 × 220 см. Из коллекции ГБУК «Пензенская областная картинная галерея им. К. А. Савицкого».

«...в декабре — январе — феврале 1942 года Серов написал большую картину, одну из самых лучших его живописных работ «Ледовое побоище». Написана эта картина была в самое беспросветное время, писал он её в мастерской совершенно не топлёной, в шапке, в перчатках. Это — большое полотно и пользовалась эта картина исключительным успехом в Москве». А. М. Земцова, искусствовед.

Открытка с репродукцией картины художника И. А. Серебряного «Ленинградская область. В тылу врага». Издана в блокадном Ленинграде в 1943 году.

шляпе с цветами. В руках узелок с собачьими костюмами и несложным цирковым реквизитом.

Лес. Песчаная полянка. Сбоку холм. Людей не видно. Но это наша концертная точка. В кустах я и Ира переодеваемся. Старушка Наркевич наряжает собачонок в платица, шляпки, — они будут танцевать на задних лапках и с зонтиками; прилаживает маленькую карусель, раскладывает на земле таблички с цифрами для собачьих фокусов.

Наркевич топчется на полянке, растягивает баян, задушевно наигрывает несложные мотивы. Так, с «музыки» начинаем мы свои концерты. На звуки постепенно сходятся красноармейцы и рассказываются на земле поудобнее.

Ужасно радуются, увидев собачек в платицах и как дети смеются на все их фокусы.

С собачек начинаем. Затем всё остальное. Наркевич по слуху аккомпанировал нам всем. Нот он почти не знал, но памятью музыкальной обладал поразительной.

Отменно плохо играл скрипач и всего две вещи: «Музыкальный момент» Шуберта и вальс Крейслера, но слушали его тихо, с уважением к его хромоте и умирающему виду.

Лубок даем последним номером, он вызывает взрыв восторга, приходится всегда бисировать.

В заключение, на уход публики, Наркевич опять играет на баяне. Делает он это по своей инициативе — «вне программы», просто по доброте, понимая, как важно продлить этим усталым людям ощущение отдыха и чего-то спокойного, напоминающего дом близких.

Как-то под вечер Леонид Кузьмич привёз нас в военную полевую пекарню.

Небольшая дачка с садом, барак для еды, пекарня под землей и военный объект, замаскированный рядом в роще. Мы переоделись к концерту, но нас, вопреки правилам, сначала позвали есть. Предупредили, что хлеба дадут неограниченно. Это вызвало среди нас почти истерический припадок. В этот день нас ещё нигде не накормили.

В бараке около длинного простого стола суетились военные, ставили груды нарезанного чёрного и белого хлеба, миски, кружки. Увидя нас, откровенно вслух разохались по поводу нашего внешнего вида.

Мы ели, как голодные уличные псы, молча, быстро, опустив головы к мискам.

Хлеб молниеносно исчезал, часть в желудок, часть в карманах. Никому не приходило в голову соблюдать приличия. Как только хлеб исчезал, его заменяли новым, а в миски непрерывно подливали густых жирных мясных щей.

Из кухни вышел повар и, с умилением смотря на нас, сказал с простой откровенностью, что им всем даже интересно, сколько мы сможем съесть, и чтобы мы совершенно не сдерживались, не стеснялись.

Мы съели по четыре-пять мисок щей каждый, но живот не вздулся, как от травы, появилась только изумительная тяжесть. После щей принесли котел манной каши с маслом, но больше двух мисок никто не смог съесть. Желудок не вмещал, а сытость всё-таки не приходила.

Собачки во время нашей еды всегда сидели в углу за баяном, и три белых мордочки выглядывали поверх тёмной стенки, спокойно ожидая своей очереди для кормёжки. Так приучил их Наркевич. На этот раз собачек увели на кухню, откуда они вернулись чрезвычайно довольные.

Концерт давали уже в сумерках прямо в саду, красноармейцы сидели кружком на траве. Никогда мы ещё не имели такого колоссального успеха — бисировались все номера без исключения.

Нас хотели накормить ещё раз после концерта. Мы, конечно, смогли бы есть, но неожиданно прибежал вестовой из госпиталя, нам пришлось ехать.

В госпитале после концерта накормили плохо — мало и неохотно. Осень 42-го года. Октябрьские праздники.

Моя партнерша по лубку отъелась, — девочка не хочет больше танцевать «некрасивый» танец, а на праздниках много концертов в черте города и везде кормят.

Ставлю себе испанский номер, но ничего похожего на танец не получается. Помогает, что везде крошечные площадки: можно двигаться почти на месте.

Мама сделала костюм, красивый, с длинными рукавами, наглухо закрытый. Во все места подложена большими кусками вата, чтобы было похоже на человека. Лицо загримировано.

С концерта на концерт целый день езжу на грузовике не раздеваясь, накидываю сверху шубу. Боюсь снимать костюм, развалятся все ватные поделки. Четыре-пять концертов в день!..

К концу третьего дня праздников в Военно-шефской комиссии объявляют, что в два часа ночи необходимо дать концерт в клубе моряков-подводников. Я моментально соглашаюсь.

С трудом Тагер собирает маленькую бригаду. Едут почти насильно: певец Сорочинский, чтица, ещё певица и эстрадная пианистка А. Последняя живёт в полном довольстве (по причинам, о которых говорить не стоит), презирает голодных, ехать, конечно, не хочет.

Ночью, в полной темноте нас привозят в неизвестное место. Смутно видны деревья, постройка вроде баржи, ничего не разберёшь.

Крытый тамбур, конурка, где оставляем пальто. Внутри очень тепло. Узкое длинное помещение с низким потолком, в углу пианино. За столами сидят человек сорок моряков, несколько седых адмиралов, остальные — молодёжь, но в чинах.

Банкет уже кончается, все слегка пьяны, но держатся чинно. На столах пироги, колбаса, винегрет, много хлеба, красное вино — давно забытая еда...

Предлагают закусить за отдельным столиком, а потом давать концерт.

Посредине комнаты совсем мало места, можно сделать три-четыре шага, не больше. Это хорошо для моего «танца», пианино стоит у двери, это тоже хорошо. Быстро все соображаю и забрасываю свой чемоданчик между пианино и стенкой.

Наглатываюсь виногрета и хлеба, артисты пьют вино, а я боюсь, вдруг потеряю сознание.

Просят начать концерт.

Певица и актриса шокированы: «Как, тут же, среди столов?!» (они исполнители «первого» класса).

Сорочинскому всё равно где петь.

Моряки разные: одни отяжелели от вина, почти спят сидя, другие заметно хотят пошуметь, потанцевать и не смеют, — среди них сидит кто-то важный.

Пение, рассказ слушают вяло.

Моя очередь танцевать: встаю, низкий потолок давит на голову, душно, столы с едой, лица моряков кружатся вокруг меня; или это я сама кружусь — ничего не понимаю.

Только когда обрывается музыка Панадероса, прорывается шум голосов и неожиданно громкие аплодисменты, я понимаю, что я «танцевала», и что просят ещё, и что все вдруг повскакали с мест, пьют за меня и самый «важный», кого боялись, большой и пожилой, подошёл и хочет танцевать со мной.

Я танцую с ним вальс, потом с другими — мазурку, краковяк, фокстроты со всеми по очереди. Оказываюсь в промежутках то за одним, то за другим столом, на ходу выпиваю воды или съедаю что-нибудь, меня наперебой угощают, появились даже изюм и конфеты.

Тут же успеваю засунуть еду в чемоданчик за пианино. Певица и актриса сидят злые, их не приглашают танцевать. Пианистка бесится за пианино, ей надоело играть. А меня всё просят и просят танцевать, и я не могу отказывать людям, так давно не имевшим ни отдыха, ни развлечений. В общей тесноте и сумятице пирог за пирогом летят в мой чемодан.

Какой врач мог бы ответить на вопрос: почему я смогла столько танцевать?

Пять часов утра. Машину подадут только к шести. Теперь устали все. Я сижу за одним из столов рядом с генералом, нам принесли чай и ещё конфет. Подходит худенький, черный морячок, просит потанцевать с ним, — отказываюсь. А у него на глазах чуть не слезы; видно, он долго собирался с духом. Мне так жаль обижать его, но я не могу больше. Отвожу его в сторону и слегка засучиваю обшлаг рукава, приподнимаю кружево на шее: «А вот здесь все вата». Мягко-мягко он берёт

меня за руку и отводит в дальний угол. Там и сидим мы до самого моего отъезда, разговариваем обо всем, что пришлось испытать...

И в дорогу, в тёмном тамбуре, он дружески обнял меня и торопливо сунул мне большой пакет хлеба...

Едем в военном автобусе без освещения с чёрными занавесками, лиц не видно. С нами сидят двое моряков, кто-то шепнул: «Адмиралы старые».

Один из них говорит: «Вот кончится война, и в первую очередь поставим памятник в самом центре города ленинградской женщине. Она этого больше всех заслужила. Не будет на первых порах на это денег, так мы, моряки, сложимся и сами поставим».

В семь часов утра дома. Я давно перебралась на Рыночную улицу возле Летнего сада, поближе к школе. Спит мама, спит подруга, у которой мы живём, спят соседи. Растапливаю буржуйку хворостом из Летнего сада, кипячу воду. Подаю всем в постель много, много всякой еды. Колбаса смешалась в чемоданчике с изюмом, пироги с винегретом и т.п.

Я, как всегда, безумно хочу есть. Не смогла удержать непривычную, съеденную ночью пищу, но счастлива, что могу накормить своих.

Дали электричество, слабенькое — еле горит, а на кухне из крана пошла вода, всё это замечательно!

Через день получаю в школе от Тагер выговор. Оказывается, пианистка пожаловалась на меня. Из-за меня ей пришлось слишком долго играть на пианино, она переутомилась.

Тагер сказала: «Попали на хороший концерт с крупными артистами, должны были держаться незаметно, а вели себя как премьерша и такого ценного пианиста переутомили. Больше вас в приличные объёмы посылать не станем».

Мы все зависим от Тагер, от её поразительной энергии, благодаря которой она достает нам рабочие хлебные карточки. Мы не так уж и заслуживаем их. Что мы в сущности делаем? Учим один небольшой класс, дежурируем и всё. Я опускаю глаза и молчу. У меня не поворачивается язык напомнить ей, что до войны я четырнадцать лет была артисткой балета в театре им. Кирова и четыре года педагогом нашего училища.

А сейчас, в 1969 году, я слышу вопрос, который мне могут задать: неужели все мы работали в Военно-шефской комиссии только ради хлеба?..

Я твёрдо отвечаю — да, ради ХЛЕБА, но и... ради самой работы. Потому что нет страшнее вопроса, задаваемого мне много раз в те годы, молча, одними молящими глазами: не привезёшь ли ты и нам маленький кусочек хлебца?..

Снова зима, но не такая суровая, как прошлогодняя, морозы 15–20 градусов, меньше снега.

Мало людей в городе и много разрушенных зданий.

Совершенно изменилось соотношение людей и многочисленных старых «Петербургских» скульптур, и они стали похожи на живых, мыслящих людей.

С высоты Зимнего дворца, Эрмитажа, Ростральных колонн и дворцов на Неве, гордо смотрят покрытые инеем кариатиды, атланты и статуи, безмолвные свидетели и обвинители происходящего.

В их неподвижности и скованности чудится живое, человеческое. Они вместе со всеми живыми свидетельствуют о зверствах цивилизованных преступников XX века и несокрушимости той силы, которая повергнет в прах фашизм. Они говорят: мы останемся в этом городе, ибо останется, не исчезнет сам город — шедевр мировой архитектуры и гордость русского народа.

В январе 1943 года меня вызвали в Дом Красной Армии.

— Поедете на полтора месяца в ПОГ (Приморская Оперативная Группа) для подготовки торжественного концерта ко Дню Красной Армии, к 23 февраля. Все продуктовые карточки оставляйте дома.

Крытый грузовик. Везли ночью, заливом, мимо Кронштадта. Приехали утром. Редкий строевой сосновый лес. В снегу бараки и много маленьких бревенчатых домиков.

Встречал начальник клуба:

— Что это вы такое привезли?

Красноармеец отвечает:

— Балетчица, концерт сооружать.

— А он кто, — парень, девушка?

Пригляделся и крикнул:

— Вестовой!

Прибежала девушка в военной форме.

— Уложить в постель в однокомнатном объекте №... Топить печь до температуры не ниже плюс 30 градусов круглосуточно! Из комнаты не выпускать вплоть до моего распоряжения.

Я лежу одна в невероятном тепле и запахах сосны, когда открывается дверь в сени.

Я не сплю сутки, двое, трое — я ем.

Девушка предупреждает: умрете, больше нельзя. Но я лежу с раздутым животом, и ничего не болит.

Тумбочка полна настоящего ржаного хлеба. Ко мне никого не пускают, только обед, ужин приносят и велено спать.

Через две недели отвели в баню, военные девушки охали над моей худобой.

Дали пропуск в барак-столовую. Все кругом уже знали — приехала «блокадница» тяжелобольная (совсем я не больная, а просто дистрофик).

Повар из окошечка сказал: приходите лучше к концу обеда, буду оставлять вам жирные щи и мясо. Наши-то паёк свой не съедают, так перестали давать хлеб на руки, режем на общий стол.

Кругом лежит на тарелках недоеденная каша, обкусанный хлеб.

Радио передаёт: мы отбили у немцев Харьков, идём в наступление по всему фронту. Но у всех военных лица серьёзные, озабоченные.

По вечерам девушки собираются в клубе, поют песни, складывают сами частушки. Скучают сильно, жалуются, что они не там, в наступлении, а здесь — в бездействии.

Со мною разные ноты, но баянист «на вылазке», будет «дома» ближе к 23-му.

Две девушки учат со мною тарантеллу, двух я выучила подыгрывать на гребёнке, остальные тренируют перегибы корпуса и движения рук восточного танца.

В клуб ежедневно присылают несколько молоденьких красноармейцев, они просят показать им танец, изображающий лётчиков и самолёт (сами они простая пехота).

Русская пляска, присядки надоели им.

Сочиняю большой номер, изображающий лётчиков, крылья самолётов, шум мотора имитируем на гребёнках, им очень нравится.

Кто-то приносит текст злободневного скетча, разучиваю с ними.

Но всегда в самый разгар работы появляется начальник клуба и строго говорит нам: «Вам довольно, возвращайтесь в свой объект. Больше ей нельзя», — объясняет он девушкам.

Сижу в одиночестве на постели и мучительно думаю, чем же всё это кончится, когда же я сделаю праздничный концерт? Так кормят, так берегут, а я ничего настоящего не придумала.

Однажды вызвали к генералу «главному». Прибежала за мной взволнованная девушка, предупредила:

— Очень он строгий у нас.

Я решила — будут сейчас ругать — жру, сплю, занимаю целый домик, ничего не сделала, живу дармоедом.

Генерал старый, седой, с усталым лицом, смотрит на меня внимательно и говорит: «Что ж, блокадница, плохо у нас поправляешься, худа больно! Ничего, скоро блокаде конец, потанцуешь ещё в Кировском. После войны вам, блокадным женщинам, памятник поставим, потребуем, чтобы поставили. Вам в первую очередь, а нам, фронтовикам, уж во вторую».

С удивлением думаю: сговорился он что ли с тем адмиралом, который был на подводной лодке, знаком с ним?..

У себя в домике снова тревожусь — спутал он меня с кем-нибудь...

Подсчитываю: 250 концертов в начале войны составила, отрепетировала, только не позабыть бы эту цифру. Потом ничего не делала,

лежала. Потом Военно-шефская комиссия, — бригадир, лубок танцюю... Маловато!

Хочу домой к маме. Столько хлеба в чемодане накопилось, столько будет радости!

Вечером становится слышна отдалённая канонада, наутро — прибившийся грохот орудий. В столовой совсем мало народа, и лица у всех озабоченные.

На репетицию пришли только девушки. Чувствуется, что началось что-то серьёзное.

Через день меня сажают в машину. Начальник клуба благодарит, целует. В кузов бросает мешок: «Это ваш праздничный паёк к 23-му» (Там пряники, консервы, хлеб).

В последний момент приносят благодарственную грамоту, она от руки написана красными буквами, посередине нарисовано золотое знамя, края бумаги в золотых и красных веночках. Едем днём по льду мимо тех знаменитых фортов, где горсточка людей отстояли Ленинград, сумев внушить гитлеровцам, что там громадная и несокрушимая русская армия.

Дома была как раз в праздник — 23-го.

Снова дежурства в школе, дневные и ночные, но сводки по радио радостные, и после поездки в ПОГ тело стало послушнее, глаза лучше видят.

Через месяц снова вызов в Дом Красной Армии.

Иду с ужасом. Ну вот и всплыло, наконец, моё дармоедство и концерт, наверное, в ПОГе не вышел. Беру с собою благодарственную грамоту, вероятно отнимут, так что уже не ходить чтобы два раза туда-сюда.

В комнате начальника лежит на полу большой мешок с надписью: «Лично в руки тов. Костровицкой от начальника клуба ПОГ». И весь разговор!

Мешок волокла домой прямо по земле, по снегу.

Там было всё, даже сахар.

Периодические вызовы в Дом Красной Армии за посылкой повторялись целый год, и это стало началом новой жизни, переломом к жизни. Исчезла дрожь в руках, заживали цинготные раны, и музыка вновь стала необходимой.

Летом 1943 года на училище прислали наряд на ремонт разрушенного каменного дома. Хороший признак. Раз восстанавливают город, значит есть полная уверенность в том, что больше его не будут разрушать!

Все те же: Павла Николаевна, библиотекарь, тётя Ньюша с дочерью, я и др., получив коротенькую инструкцию от прораба, трудкнижку с указанием специальности и разряда, мастеров и кельму, появились во дворе дома № 15 по улице Ракова. Мы увидели двухэтажный флигель, в котором от жилого дома остались одни голые стены и потолки.

Внутри на полу стояли наспех сколоченные станки, баки с известью, песком и цементом и лежали связки свежей дранки. Нам надлежало прибить её на потолки и стены, затем всё отштукатурить и заклеить бумагой под будущие обои.

Особым умением и сноровкой мы не отличались, хотя у меня в книжечке стояло: штукатур-маляр 4-го разряда. Первое время почти вся штукатурка летела на нас обратно, образуя на голове и плечах застывшую коросту. К середине рабочего дня она полностью покрывала наши штаны и куртки.

Состав замешивали в цинковых корытах, торопились поскорее набросать его на поверхность, но он предательски застывал раньше, чем прилипал к наколоченной дранке.

Хуже всего обстояло дело с потолками, чаще всего (по жребию) эта работа доставалась мне. Очень скоро начинала кружиться голова, мутило, разбалчивались руки, плечи.

Трудно было взбираться на неустойчивые станки. В то лето я ходила вместо обуви на фанерных дощечках, привязывая их верёвками поверх чулок к ногам. Отчаянно стучала этой «обувкой» по мостовым и тротуарам, и мои ноги, на которых упорно не проходила цинга, напоминали исполинские гусиные лапы.

Целое лето мы провозились с этим маленьким флигелем, но в конце концов, приобретая значительный опыт, с честью закончили ремонт.

Я была очень горда (горжусь и сейчас), когда в результате наших трудов (и не только наших, ибо трудился весь город), в газете появилась заметка: «Знатные восстановители города Ленинграда». На первом месте красовалась фамилия педагога хореографического училища Костровицкой, а на щите, повешенном на Невском у Дворца пионеров, появилась неизвестно откуда взятая моя довоенная фотография.

Меньше всего я хотела писать о себе. Это не вышло, потому что трудно отделить себя от общего бытия.

Оправдываюсь тем, что пережитое мною пережили сотни и тысячи блокадных ленинградцев, я только маленькая единица среди них.

Не всё забыто, но многое не вспомнилось бы, не сохранись случайно странички моего полуистлевшего блокадного дневника.

У сердца тоже есть своя память, и оно бережно хранит образы людей, разных по профессии и положению, но одинаково бескорыстных и глубоко человеческих, это Натан Штейнварг, Л. К. Константинов, мать и сын Наркевичи и начальник клуба ПОГ.

ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-157. Опись 1. Дело 2

ЕВГЕНИЯ КОНСТАНТИНОВНА ЛЕПКОВСКАЯ

1901–1989

**Актриса, режиссёр,
преподаватель актёрского
мастерства и режиссуры,
доцент кафедры
драматического искусства
ЛГИТМиКа**

С 1929 года — актриса драмы в Ульяновском городском театре. Ставила спектакли в ЛенТЮЗе и БДТ им. М. Горького. В 1936 году — актриса ЛенТЮЗа. Пережила первую блокадную зиму.

Прибыла в Березники вместе с эвакуированным коллективом ТЮЗа в 1942 году.

В Березниках Евгения Константиновна впервые поставила спектакли: «Далёкий край» А. Шварца о детях в эвакуации, «Самсон» С. Зельцера о французском сопротивлении, «Фронт» А. Корнейчука, «Генерал Брусилов» И. Сельвинского о событиях Первой Мировой войны, «Давным-давно» А. Гладкова о героях 1812 года. В 1943 году поставила одну из наиболее известных комедий Шекспира «Много шума из ничего».

Заслуженный деятель искусств Удмуртии (1952).

ДВА БЛОКАДНЫХ ВЕЧЕРА

Война застала Ленинградский Театр Юных Зрителей, руководимый народным артистом СССР А.А.Брянцевым, в самый канун летнего отпуска. 22-го июня последний спектакль, 23-го общее собрание перед летними поездками... Собрание превратилось в горячий патриотический митинг, после которого многие наши актёры и служащие ушли в Ополчение. А через неделю одна из актёрских бригад, по старой традиции нашего Театра подготовившая специальный репертуар для военно-шефской работы по обслуживанию воинских лагерей, получила из Дома Красной Армии маршрут — неожиданный и тревожный: «Новгородское направление». Обычно мы получали — «Дальневосточный военный округ», «Украинский ВО» и т.д., а тут — «направление...»

Объездив Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую области, мы дали много спектаклей в лесу, в поле, в случайных помещениях от клубов до сараев. Всегдашнее радостное чувство общения со своим старым зрителем — воинами Красной Армии — приобрело горький привкус прощания. Перед нами были воины ДЕЙСТВУЮЩЕЙ Армии, и нередко сразу же после спектакля они отправлялись на фронт. Тут же на дорогах этого направления мы испытали сжимающий горло ужас первых бомбёжек и древнее, скорбное чувство человека, увидевшего горящие деревни и нивы...

Вернулись мы к началу осени, времени открытия театрального сезона. Театр начал работать. Мы давали спектакли у себя на Моховой, выезжали отдельными группами с концертными номерами на стоящие на Неве корабли, или в близлежащие воинские части. Шли репетиции новой постановки. Главный художник театра заслуженный деятель искусств В.И.Бейер и композитор Леон Ходжа-Эйнатов работали со мной, режиссёром спектакля, над макетом и музыкой. Всё это держало коллектив в мобилизованном состоянии. Большую роль в нашей дружной работе играло и то обстоятельство, что многие покинули свои квартиры и поселились в театре — кто в гримировочных актёрских клетушках, кто раскинул свой «лагерь» в фойе, некоторые семейные — в комнатках Режиссёрского управления. Оставаться дома казалось страшным.

Мы с мужем так же жили в театре. Он, как Зам.директора и Начальник объекта, в виду тревожного положения и почти ежедневных бомбёжек, должен был быть всё время на посту. Мне дом стал не нужен, вся жизнь сосредоточилась на театре и институте, который был на этой же улице, напротив театра. Мы заняли кладовочку без окна под лестницей, втащили туда пружинный матрац на ножках, два стула — вот и всё жильё. Больше ничего не вмещалось, да, собственно, больше ничего и не нужно было.

Но вскоре активная жизнь театра стала угасать. Кольцо блокады всё туже сжималось вокруг Ленинграда. Усилились бомбёжки. Один

и тот же спектакль приходилось играть 2–3 дня подряд. Его всё время прерывали вражеские налёты. Зрителей уводили в бомбоубежище — так называли мы подвальное помещение театра. По окончании тревоги играть было уже поздно, зрителей приглашали досматривать спектакль завтра. Частенько бывало и так, что последний акт можно было начать только на третий день.

Выезды на корабли и воинские части были отменены командованием города; репетиции увяли и прекратились сами собой, как всякое бесцельное дело. Надежды выпустить новый спектакль явно не было. Невесёлые ходили мы по опустевшему театру. К тому же начавшийся холод и недоедание давали себя знать.

В один из таких вечеров я была в своём закутке под лестницей. Это был вечер 27 ноября... день моего рождения... Всегда в этот день было много телефонных звонков, телеграмм, цветов... Дом полон друзей. А сейчас?! Я куталась в старую шубу, тщетно пытаюсь согреться. Дневной блокадный паёк — 125 грамм хлеба — давно был съеден... хотелось плакать... нестерпимо хотелось есть...

В дощатую перегородку моей кладовки постучали. «К вам пришли». Пришли? Кто может придти в такой час? Ведь хождение по городу запрещено... Но всё же я заставила себя встать. В небольшом помещении театрального гардероба, тускло освещённого маленькой лампочкой, две фигуры в шинелях. Кто это?.. Но меня уже обнимали. И только тут я рассмотрела лица моих учеников, которых с первых же дней войны я благословила на работу в агитбригаде при ЛДКА.

— Мы только что с концерта... выступали на корабле... Вот это вам. — и суют мне в руки бутылку и кусочек хлеба. — А мы сыты, нам не надо. — опередили они мой отказ. Это были два стакана молока, которым их угостили после концерта. Они помнили, что сегодня день моего рождения.

* * *

С того вечера прошло более 30 лет. Более 30 раз я так или иначе отмечала этот день. Были, конечно, и телефонные звонки, и телеграммы, и цветы, и подарки... Но среди них не было, и не могло быть подарка такой ценности, как бутылка молока, привезённого мне холодным блокадным вечером 27 ноября 1941 года.

А с Валей Бруснигиной, артисткой Московского Центрального Детского театра, и Аркадием Толмазовым, заслуженным артистом РСФСР Московского Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, дружба наша не прерывается до сих пор.

ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-526. Опись 1. Дело 43

Разрушения в Государственном академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова после авианалёта нацистской авиации 19 сентября 1941 года

ВЛАДИСЛАВА ЯНОВНА МЕРКУЛОВА

**Солистка Ленинградского
театра оперы и балета
им. Кирова**

Окончила физико-математический факультет в Нижнем Новгороде, в 1930-х гг. — Ленинградскую консерваторию, а затем и аспирантуру вокального факультета.

В конце 1930-х гг. была солисткой Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова.

Во время войны выступала в госпиталях и воинских частях.

В 1960-х — руководитель театральной секции при исполкоме Куйбышевского райсовета Ленинграда.

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ: 1941 ГОД

По плану шефской работы группа ленинградских артистов отправилась весной 1941 года на полуостров Ханко, где располагалась военноморская база.

Концертов было много. Мы выступали не только на самом полуострове, но и на окружающих Ханко островах.

Помню концерт на одном из них. Эстрадой здесь служила каменная площадка огромных размеров, а задником — колоссальной величины отвесная скала. Направо от «эстрады» — залив, налево — густой лес. Прямо перед «эстрадой» — пологая скала, обросшая дремучим лесом и мхом. На этой скале выступы в виде громадных каменных диванов, как будто созданных природой для того чтобы на них сидели сказочные великаны, а наши зрители — матросы, красноармейцы, командиры, политработники. Они тепло принимали каждое выступление, а по окончании концерта долго благодарили артистов за хорошую работу, за внимание к ханковцам.

Концерты, концерты, концерты... Поделиться воспоминаниями о каждом из них невозможно, я расскажу ещё только об одном.

Как-то за нами прибыли два грузовика их разных частей. Конечно, мы обслужили и тех и других, а по дороге — шофёр Володя стал уговаривать нас выступить ещё в одном подразделении у его дружка — смелого, отважного моряка. Он сказал, что это совсем близко и ко всему этому добавил, что туда ещё ни разу не приезжали артисты. Хотя было поздно, отказать симпатичному нашему шофёру мы не могли.

Володя обрадовался и сказал:

— Я доставлю вас туда в один миг с «ветерком».

Что такое с «ветерком» мы узнали через несколько минут, когда грузовик, раскачиваясь во все стороны, выскочил в открытое поле. Все, в том числе и я, думали, что старый грузовик не выдержит и разлетится.

Наконец машину остановил патруль. Дежурные матросы немедленно доложили командиру подразделения, что прибыли артисты. Нас пригласили в небольшой домик. Грузовик подогнали к окну и попросили артистов прямо из окна вылезать на эстраду. Так как было темно, мы притащили прожектор, который направляли на исполнителя. Матросы нас видели, а мне не видели ничего: ослеплял сильный свет.

Моряки сидели тихо и слушали с большим вниманием. Кончили мы программу на рассвете. И каково же было наше удивление, когда мы узнали и место, и наших зрителей, у которых мы выступали всего два дня тому назад.

Матросы были рады неожиданному концерту. А виновника этой радостной встречи шофёра Володю даже качали.

Вскоре после нашего возвращения с Ханко в Ленинград началась война. Мы не думали, что в самые суровые дни блокады нам доведётся

встретиться с нашими ханковскими друзьями, но эта встреча неожиданно состоялась.

В ноябре 1941 года я получила письмо от ханковца — капитана 2-го ранга Николая Сергеевича Никитина. Он просил организовать бригаду артистов для шефского выступления на корабле, стоявшем на причале у правого берега Невы. Николай Сергеевич писал, что 13 декабря днём за нами приедет машина.

Я показала это письмо певице Феодосии Ивановне Ковалёвой — большой моей приятельнице. Мы собрали группу актёров, и учитывая, что на корабле рояля может и не быть, пригласили виолончелиста. У меня на квартире провели две репетиции. Договорились взять с собой самые лучшие концертные костюмы.

Накануне отъезда я долго думала, как ещё мы, артисты, можем выразить свою признательность славным воинам-защитникам Родины.

Поездки, концерты — это хорошо, но хотелось сделать что-то другое, особенное. И вот мелькнула мысль — достать живые цветы! И как ни странно — это удалось.

Мы с Феодосией Ивановной заказали две огромные корзины в магазине на Невском проспекте около «Пассажа». Этот единственный цветочный магазин в то время ещё работал.

Директор магазина посоветовал убрать корзины во что-нибудь тёплое. Я принесла из дома, благо жила рядом на улице Ракова, два одеяла, в которые мы очень хорошо упаковали цветы.

13 декабря 1941 года в час дня все собрались у меня на квартире. Вскоре приехал сам Н.С.Никитин с двумя моряками, на большой грузовой машине, выкрашенной в белый цвет. Для маскировки нам дали белые халаты с капюшонами, и мы тронулись в путь. На корабле быстро переоделись и все вместе спустились в кубрик, где нас уже ожидали зрители.

Все были поражены: идёт война, на улице вьюга, мороз. А артисты праздничные, нарядные, с цветами.

Артистка радиокомитета Нина Александровна Чернявская и Феодосия Ивановна Ковалёва взяли одну корзину, подошли к зрителям и передали им цветы. Вторую с низким поклоном поднесли виолончелист Георгий Иванович Туголесов и я.

Несмотря на то, что приехало нас шесть человек, программа концерта была большой, и каждый номер пользовался успехом.

Нас попросили выступить и на других, соседних кораблях. Но с одним условием: чтобы сняли туфли, концертные платья и надели валенки, тулупы и ушанки, которые нам тут же принесли. Мы переоделись и двинулись в поход.

Никогда не забыть, как в эту морозную тёмную ночь мы ползли по сугробам Невы от корабля к кораблю и на каждом давали концерты.

15 декабря на рассвете мы отправились в Ленинград. В пути нас застал налёт вражеских самолётов и артобстрел. Шофёр, чтобы скорее вырваться из района бомбёжки, дал самую большую скорость. На полном ходу машина перевернулась. Мы остались живы лишь по какой-то случайности.

Больше всех пострадал виолончелист Георгий Иванович Туголецов. У него была разбита голова и поранено лицо. Виолончель его разлетелась на мелкие кусочки. По дороге ехали матросы, они увидели, что произошло, и остановились, чтобы оказать нам помощь. Все мы выжили, все поправились и продолжали выезжать с концертами на фронт и в Кронштадт.

Каждый артист считал для себя большой честью выступать перед моряками Кронштадта и на фортах. Но должна признаться, что ездить туда было более чем страшно, и вот почему: погибнуть на передовой при бомбёжке или артобстреле — это одно, а провалиться под лёд — это совсем другое...

От Ораниенбурга или Лисьего Носа нас доставляли в Кронштадт (зимой, поздней осенью и ранней весной) большей частью в санитарном автобусе, дверь которого закрывалась снаружи. Как только автобус трогался, в машине наступала полнейшая тишина.

Весной и осенью лёд слабый, под нашей тяжестью он трещит.

Все сидят, боясь пошевелиться. И в этой тишине особенно ясно слышен плеск воды под колёсами автобуса. В общем, все ожидали, что вот сейчас, сию минуту машина провалится под лёд.

В одну из таких поездок кто-то из наших мужчин сказал:

— Товарищи, я на всякий случай захватил с собой трусики. Если начнём тонуть, я вмиг сброшу пальто — оно у меня растянуто и наготове, переоденусь и тогда смогу выплыть.

— Учти, — ответили ему, — автобус снаружи заперт, это во-первых, а во-вторых, ты не подумал, что морское дно, да ещё подо льдом, — совсем неподходящее место для переодевания.

Под эти разговоры мы отъезжали всё дальше и дальше от берега, вдруг шофёр остановил автобус, открыл дверцу и скомандовал:

— Срочно выходите. Огибайте полыньи, только очень осторожно, не провалитесь. А я с пустым автобусом постараюсь проскочить. Потом вы снова займете свои места.

Услышав слова шофёра, все мгновенно выскочили на лёд. Ничего не видно. Темно. Фонарики включать нельзя.

Долго мы бродили тогда по заснеженному льду. Осторожно продвигали одну ногу вперед, и если она не проваливалась, то так же осторожно подвигали другую. Так благополучно миновали полыньи.

Зато сколько было радости, когда мы попадали в Кронштадт. В кругу моряков мы сразу забывали о пережитом страхе, и с утра, и до позднего вечера давали концерты и в клубе, и в военно-морских частях,

на тральщиках, буксирах, на кораблях, в морском госпитале и прямо на улице.

И в Кронштадте, и на передовой мне часто доводилось выступать со знаменитыми певцами Павлом Захаровичем Андреевым и Софьей Петровной Преображенской. Эти замечательные артисты пользовались особенной любовью зрителей-воинов.

Народный артист П.З.Андреев никогда не отказывался от концертов. Рискавя потерять голос, он пел под открытым небом и в самые лютые морозы, и в дождь. Почти все свои выступления он заканчивал арией Игоря из оперы Бородина «Князь Игорь».

Однажды мы выступали в 67-й армии. День был солнечный, концерт проходил на воздухе. Эстрадой нам служил кузов грузовой машины. Программа уже подходила к концу, когда ведущий — заслуженный артист республики А.А.Богдановский объявил:

— Дорогие товарищи, в заключение нашего концерта выступит народный артист СССР, профессор Ленинградской государственной консерватории Павел Захарович Андреев.

Не успел Павел Александрович объявить номер, как несколько солдат подхватили Павла Захаровича на руки и поставили его на танк, который находился рядом с нашей «эстрадой».

Это было неповторимое зрелище. Неподалеку слышались разрывы снарядов, грохот орудий, а Павел Захарович стоял с поднятой головой на танке и пел:

*«О дайте, дайте мне свободу!
Я свой позор сумею искупить.
Спасу я честь свою и славу,
Я Русь от недруга спасу».*

По окончании концерта возник летучий митинг. Воины поклялись изгнать врага со своей священной земли.

Трудности блокадной жизни подорвали здоровье Павла Захаровича. Он очень похудел, стал настоящим дистрофиком. Ему не раз предлагали эвакуироваться, но он категорически отказывался.

Не уехала из родного города и народная артистка РСФСР Софья Петровна Преображенская. С первых дней войны и до праздника Победы она без усталости выступала перед бойцами. На грузовых машинах, телегах (а порой и пешком) Софья Петровна исколесила, наверное, все фронтовые дороги. Она пела много и покоряла слушателей своим изумительным голосом красивого тембра и большого диапазона.

Все любили Софью Петровну. Она была не только превосходной певицей, но и редким по доброте человеком, необычайно скромным и отзывчивым. Начинающих артистов она всегда старалась подбодрить, занималась с ними, помогала готовить новые песни и романсы.

Дисциплинированность народной артистки Преображенской можно было ставить в пример.

Семья Софьи Петровны не эвакуировалась. Тяготы блокады с нею разделяли её дети. Старшей дочери было тогда тринадцать лет, сыну — девять, младшей дочери — четыре года. Иногда их приходилось оставлять без присмотра, но не было случая, чтобы Софья Петровна не явилась на концерт. В репертуаре Софьи Петровны было много русских народных песен. Они в её исполнении звучали очень задушевно и всегда нравились слушателям.

Вообще надо отметить, что в годы войны тяга к народной музыке возросла. Русские напевы — весёлые и грустные — отождествлялись в сознании людей со святым понятием «Родина». Видимо поэтому большим успехом у фронтовиков пользовались выступления так называемой первой русской бригады, в которую входили гуслиеры Т.Н. Лирская, А.И. Соломина, Е.С. Виноградова, М.В. Орлова, исполнительницы частушек В.Д. Галлай-Брусова и А.М. Медведева, чтеца Л.М. Сердюк, а также О.А. Павловская и А.И. Богачева — русская пляска.

С этой бригадой довелось выступить и мне. Под аккомпанемент гуслей звончатых, я исполняла такие известные песни, как «Степь да степь кругом», «Во поле березонька стояла», «Уж ты сад, ты мой сад», «Ой полна, полна моя коробушка» и другие.

В основном «первая русская» выступала на передовых. Мы бывали в подразделениях 23-й армии — на Карельском перешейке, 42-й на Пулковских высотах, но особенно часто в Колпине, где стояла 67-я армия. Здесь нас хорошо знали и считали своими. Бывало приедем мы, а солдаты кричат:

— Привет «первой русской»! Не пора ли вас зачислить на довольствие и обмундирование выдать?

Относились воины к артистам замечательно. Даже под обстрелом рвали для нас цветы. Мы уговаривали бойцов не делать этого, но они только смеялись и отвечали:

— Из-под огня-то цветы лучше...

Пришлось просить командиров, чтобы они запретили солдатам рисковать жизнью ради цветов.

Правда, букеты нам всё равно преподносили, только не во время концерта, а после, в землянке.

Когда мы уезжали, солдаты просили дать им адреса и обещали присылать письма. Со многими таким образом у нас наладилась переписка.

Однажды, это было уже в 1944-м году, подъезжаю поздно вечером к своему дому и вижу: у ворот сидит дворник Мария Петровна в окружении солдат. Это были воины 23-й армии. Все они — отличники боевой и политической подготовки — получили на двое суток отпуск

и прибыли в Ленинград. Родных и знакомых у них в городе не было, и они приехали прямо ко мне.

Мы просидели почти до утра.

— Расскажите о народных артистах Андрееве и Преображенской, — просили они.

— О ленинградских театрах...

— О Русском музее...

— Об Эрмитаже...

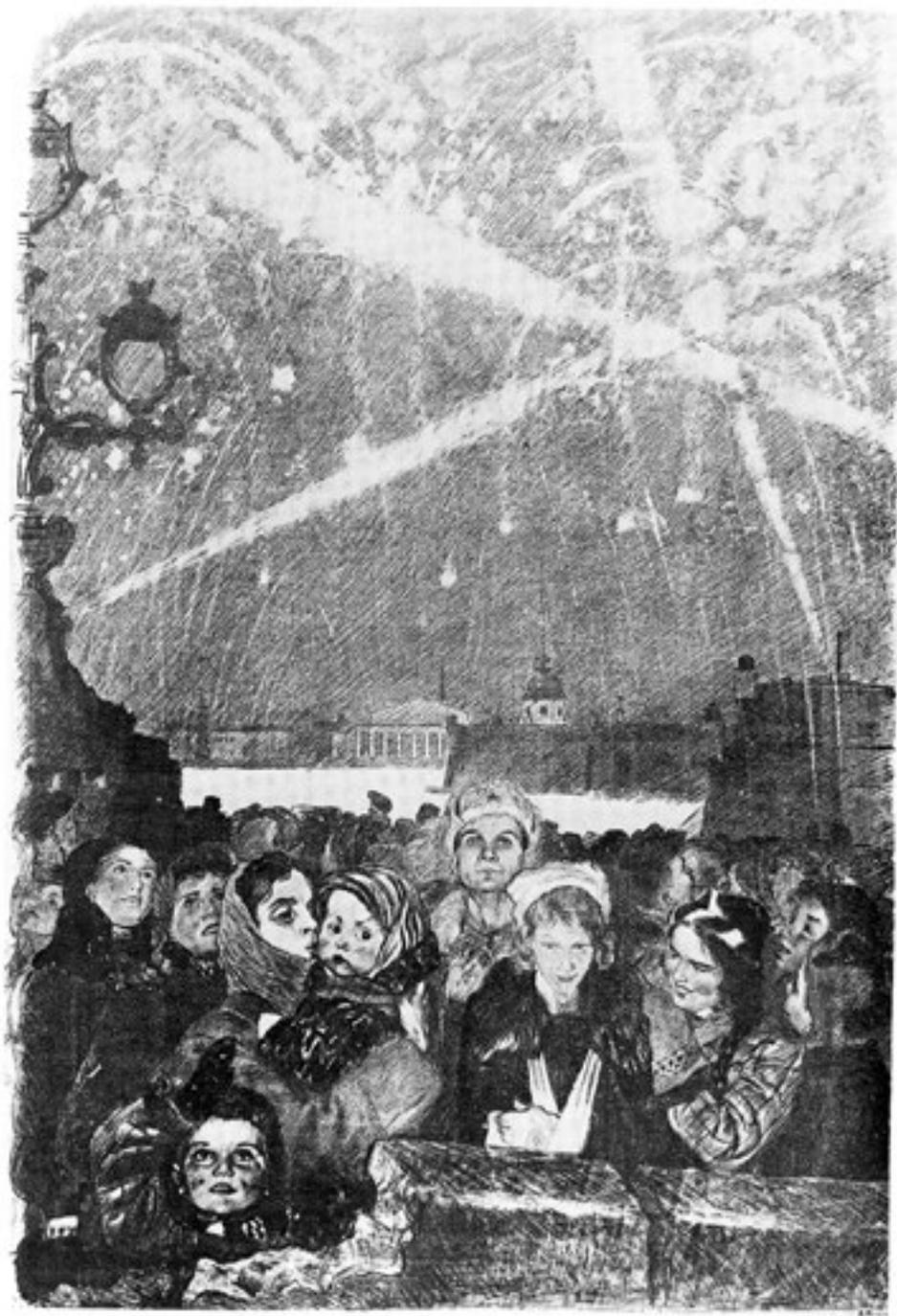
— О Публичной библиотеке...

— А какие у вас есть институты? Кончится война — приедем учиться.

На другой день мои гости ходили по городу, восхищались красотой.

Был ещё такой случай. Как-то поднимаюсь я к себе на четвёртый этаж и обнаруживаю на площадке перед дверью ворох цветущих яблоневых веток, а на них только что вышедший из печати сборник русских народных и революционных песен с надписью: «Артистам первой русской бригады от лётчиков за многократные выступления в наших воинских частях.»

Очень приятно было получить такой подарок. Книга эта до сих пор хранится у меня как память блокадных лет, и когда я раскрываю её, перед глазами встают картины далёкого прошлого. Я вспоминаю наших замечательных зрителей — солдат и как будто снова ощущаю их крепкие рукопожатия, слышу слова благодарности, которые были для нас дороже всяческих наград.

Литография художника А. Ф. Пахомова
«Салют в день снятия блокады
Ленинграда»

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПАХОМОВ

19.09(2.10)1900—14.04.1973

Художник

С 1915 года учился в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица). В 1920—1925 годах учился во ВХУТЕМАС в Петрограде. Его учителями были А. И. Савинов, С. В. Чехонин, В. И. Шухаев.

Член «Объединения новых течений в искусстве» (1922—1923), художественного объединения «Круг художников» (1926—1932), член правления Ленинградского общества советских художников (1932—1949).

С 1942 года преподавал в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (с 1949 — профессор). Руководил персональной мастерской станковой графики.

СТЕНОГРАММА 9-ГО АПРЕЛЯ 1943 ГОДА

Родился в 1900 году в семье крестьянина Вологодской губернии, Кадниковского уезда, д. Варламово. Родители занимались хлебопашеством. Жил я в деревне до 10-летнего возраста, учился в церковно-приходской и в земской школе.

Рисовал я с детства. Земский начальник, помещик Зубов, будучи на экзамене в земской школе, узнал, что я рисую. Он был большой любитель и покровитель искусства, учитель попросил меня нарисовать портрет Зубова мелом на классной доске. Говорят, я нарисовал его похоже. В.Зубов поместил меня в высшее начальное училище в г. Кадникове, куда я и попал на 11-м году моей жизни. После окончания Кадниковского высшего начального училища, была устроена подписка среди интеллигенции г. Кадниково, собрали деньги и направили меня учиться в училище барона Штиглица в Соляном переулке в Петербурге. Сюда я поступил в 1915 году и находился в этом училище до 1922 года.

После революций это училище претерпевало ряд реорганизаций и, наконец, слилось с Академией Художеств в 1922 году.

С 1915 по 1922 год у меня были перерывы в занятиях. Во время голода 1918–1919 гг. я уехал в деревню к себе на родину. Из Кадникова предложили мне быть учителем рисования в школе I и II ступени, и я был там в течение одного учебного года учителем рисования.

Потом я приехал снова в Ленинград, но занятия в уч. Штиглица благодаря холоду и голоду шли далеко не в полную силу. Поэтому, когда произошла задержка в получении для учащихся отсрочки по мобилизации, я охотно явился на призыв и был в Красной армии с XI-1919 г. по I-1920 г. С 1920 по 1922 г. я продолжал учёбу у Штиглица, с 1922 по 1925 г. в Академии, которую я окончил в 1925 г. по живописному факультету.

После окончания Академии я работал для издательства и участвовал на выставках. Работать в издательствах и участвовать на выставках я начал ещё будучи учеником Академии.

Я работал в журнале «Искусство и жизнь», в детском отделе ОГИЗа, в журнале «Робинзон», (из-во «Правда»).

* * *

В мае 1941 года я поехал в деревню к себе на родину, чтобы собрать материал к станковым иллюстрациям — эстампам на некрасовские темы и иллюстрации — Подлиновцев — Решетникова.

Там меня и застала война. В пять часов утра 23/VI, возвращаясь в деревню с зарисовки, я попадаю на общее собрание колхозников, на котором сообщается о начале войны.

Я немедленно собрался в Ленинград. Шла уже мобилизация. Движение по железной дороге было затруднено. Хотя у меня было командировочное удостоверение, всё же в Вологде мне пришлось ждать посадки на поезд порядочно, и только 29 июня я приехал в Ленинград.

Поскольку я был связан с Детгиздатом, я сразу же стал делать плакаты на темы, соответствующие моменту. Одновременно я закончил иллюстрации «подлиновцев» для Гослитгиздата, сделал несколько открыток, для издательства Искусство иллюстрировал книгу Каверина с его рассказами на темы Отечественной войны, давал рисунки в журнал «Ленинград».

К зиме 1941 года издательская работа замерла. Должен сказать, что с союзом художников связь у меня была довольно формальная: здесь я только дежурил один раз в неделю ночью, на крыше, где был мой постоянный пост № 8 и через ЛОСХ ездил и на трудовые работы. На трудовых работах был у б. Дорея, и была одна продолжительная поездка в г. Кингисепп, где мы рыли противотанковые рвы.

Дома у себя, поскольку моя мастерская выходит на крышу, я был бессменным дежурным: как только «ВТ»¹, так я шёл к себе в мастерскую, открывал окна, садился в кресло и наблюдал. Меня никто не обязывал быть этим бессменным дежурным, первое время мне было интересно наблюдать, а потом я привык и чувствовал себя лучше наверху.

Моя квартира — на Кировском пр. д. № 14 — дом работников искусств. Там у нас есть плоская крыша (солярий), и вот во время одного из больших налётов, когда горел Народный дом, я был наверху вместе с композитором Животовым и проф. Васниным. Зажигательная бомба попала и на наш солярий, которую мы и потушили.

Как я сказал, зимой 1941 года издательства и типографии замёрзли, издательская работа прекратилась. Я стал заниматься зарисовкой того, что было возможно. Разрешения на право зарисовки на улицах тогда я не имел, главный врач больницы Эрисмана разрешил мне делать зарисовки в морге его больницы.

Я ходил в морг, делал зарисовки там, в больнице Эрисмана зарисовывал раненых бойцов, делал зарисовки в отделениях физиотерапии, облучения и т.д. Так работал я ноябрь — декабрь 1941.

С союзом у меня всё продолжались прохладные отношения, формальные отношения, потому что с бывшим председателем, в то время Манизером, я не очень хорошо уживался. Потом же, когда я пришёл в ЛОСХ и председателем был уже В. А. Серов, он очень хорошо меня принял, был рад, что я пришёл в союз и много говорил о том, что творческим активным работникам надо в такое тяжёлое время обязательно объединиться.

1 ВТ — воздушная тревога.

В то время в союзе художников теплилась ещё жизнь, литография наша тогда ещё работала. По просьбе Серова я сделал плакат для из-ва ЛОСХ, которому не суждено было выйти в свет, так как в это время замёрзла и наша ЛОСХ-овская литография.

Несмотря на это жизнь в союзе все-таки не замирала. В декабре месяце было собрание художников, на котором было решено устроить выставку. Помню хорошо это собрание, помню высказывания В.А.Серова на этом собрании, его внушительный доклад и призыв к работе. А собрание это было — собрание дистрофиков, собрание «теней». Призыв в такое время к устройству выставки был тогда необычным призывом, но несмотря на это, художники откликнулись, и 2 января выставка была открыта.

Я считаю, что в это время роль Серова была колоссальна в том смысле, что он сохранял и поддерживал бодрость, желание работать во что бы то ни стало, потому что на нас лежала моральная ответственность изобразить действительность, оставить в наглядном виде то, что тогда переживали ленинградцы.

В январе — феврале 1942 года я, кроме беглых зарисовок, начал делать серию больших эстампов, литографий на тему «Ленинград в дни Отечественной войны».

Первый лист мой был: «Детский дом зимой 1941–42 г.». Я изобразил здесь детей истощённых, исхудалых, сидящих у буржуйки при свете коптилки, а руководительница читает им. Затем сделал литографию «В стационар»², изображающую больного дистрофика, которого на детских саночках везут девушки дружинницы. Третья работа была «За водой»³. Я сам ходил за водой на Неву, видел все трудности и передал это. Затем я сделал работу «Проводы на фронт»⁴ по совету В.А.Серова: у Нарвских ворот идёт в строю Народное ополчение, а сбоку идут жёны, матери с детьми, прощаются.

После этого сделал картину «В очаге поражения»⁵: девушки выносят пострадавших по разрушенной лестнице.

Следующая картина «На стройке дзота у Кировского моста», затем «На постах», изображающее дежурство на крышах.

Над этой серией «Ленинград в Отечественную войну» я работаю и сейчас.

Сделана мною литография «Уборка снега весной 1942 года», и позже уже сделана литография «Уборка снега весной 1943 года» — убирают снег дружинницы, вид города и людей уже другой.

1

2

3

4

Сейчас я сделал две литографии по заданию Штаба партизанского движения. Я все время говорил о литографской работе, потому что я был занят ею.

Что касается живописи, то и раньше я много работал по живописи. Моя последняя большая работа по живописи — это картина «Дети СССР», выполненная для Международной выставки в Париже в 1937 г., за которую я получил золотую медаль.

Во время Отечественной войны я по живописи не работал, потому что и вообще-то я по живописи работал мало, а тут в дистрофическую зиму я жил на кухне, которая у меня всего 7 метров, работать там трудно было. Между прочим, мою мастерскую, которая выше этажом моей квартиры, в трёх местах пробил снаряд. В это время я был в квартире. Снаряд прошёл через мою мастерскую, пробил стену и разорвался между четвёртым и пятым этажами в соседней квартире. Больших разрушений у меня нет, но мастерская получила дыру в потолке, стене и в полу.

Наиболее существенной работой за время войны нужно считать литографии к серии «Ленинград в дни Отечественной войны». Выполнено пока 13 литографий и отпечатано по несколько (до 10) экземпляров каждой на ручном станке.

Кое-что в моих зарисовках в морге. Картины там были необычные! Трупов была масса, разложены штабелями, местами, буквально, горы покойников лежали!

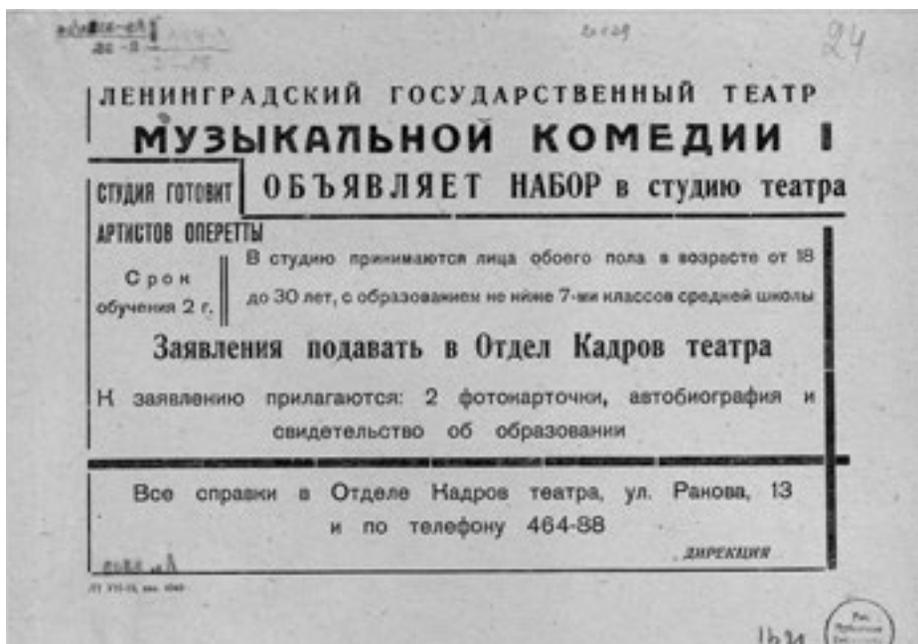
Помню, как-то рисую я в морге. В это время невдалеке упала фугасная бомба, все заколебалось, и все покойники начали шевелиться!.. Зрелище необычайное! Меня интересовала работа в морге потому, что я свободно мог рисовать обнажённые тела, мог передвигать и перекладывать свою «натуру», как мне этого хотелось. Рисовал я там в ноябре — декабре 1941 года. По дороге к моргу также валялось много покойников.

Зарисовкой общей картины я не занимался, она меня не интересовала, интересовала меня пластическая сторона — особо чёткий рельеф грудной клетки, таза, всего костяка, которые имели особый вид у исхудающих людей. Делал зарисовку детских трупики, которые были очень трогательны.

Несмотря на то, что я по натуре жизнерадостный человек, печальные некрасовские темы мне близки, дороги. И, возможно, причиной того, что рисунки «За водой» и «В стационар» вышли хорошо, является то, что они изображают человеческое страдание, народное горе, что мне так близко. Особенно умиляют и трогают меня дети!

Изображение тем военных, батальных мне менее свойственно. Вот, и «Проводы на фронт» у меня сделаны не в патетическом плане, а в бытовом: тут и поцелуи, и слезы, и прощанье.

ЦГАИПД, фонд 4000, опись 10, дело 269

Премьера оперетты А. Н. Логинова «Лесная бэль» в Ленинградском театре музыкальной комедии. Сцена из 3-го акта. Заслуженный артист РСФСР И. В. Кедров в роли командира партизанского отряда, Л. А. Колесникова в роли сандружинницы. 15 июня 1942 года.

Объявление о наборе в студию Театра музыкальной комедии, 1944 год.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЯНЕТ

1893–1978

Актёр, режиссёр

С 1923 года — актёр театров оперетты Москвы, Ленинграда и Харькова.

Актёр Ленинградского театра музыкальной комедии с 1929 по 1975 год. С 1939 по 1949 год — режиссёр этого же театра. Заслуженный артист РСФСР.

В годы Великой Отечественной войны и блокады — художественный руководитель Ленинградского театра музыкальной комедии.

В военные годы не только ставил спектакли на сцене театра, но и организовывал сотни и тысячи концертов для действующей Красной Армии.

Один из ленинградских артистов, получивших в 1945 году орден Красной Звезды за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны.

СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ 19 АВГУСТА 1942 ГОДА

День объявления войны произвёл на всех нас ошеломляющее впечатление. В связи с войной нам пришлось чрезвычайно срочно перестроиться на новый лад работы.

Во-первых, нам пришлось выключить из репертуара оперетты фашистских авторов, таким, например, оказался Легар, который даже в последних журналах был снят со свастики на рукаве и гордо заявлял о своей принадлежности к фашистской организации.

Мы сняли все оперетты с его музыкой.

После этого все работники театра были включены в отряды. Наши актёры наряду с повседневной работой организовали местную противовоздушную оборону. Сразу образовались команды — пожарная команда, химическая команда, санитарная, команда дружинниц и т. д. Одним из ярких явлений можно указать на такое, что помимо работы в театре, нас было выделено шестьдесят человек, организована бригада под моим руководством, как бригадира, и под руководством т. Полячика — секретаря партийной организации, которая выехала на оборонные работы в Чудово, на реку Волхов, Тигода, — туда, где сейчас идут большие сражения.

Там мы копали окопы, работали довольно интенсивно. Вообще надо сказать, что все работы работниками театра и по линии МПВО, и по линии строительства оборонных сооружений, проводились с большим энтузиазмом, с большой честностью, с методами соревнования, — все эти работы очень и очень положительно отмечались.

Так протекала наша жизнь в ожидании налётов, до 6 сентября.

6 сентября, когда на Ленинград был первый налёт, мы были в клубе НКВД, на Ст. Невке, без всякой тревоги были сброшены две бомбы. Было два взрыва, мы ещё не понимали, что это значит, но мы знали, что вражеские аэропланы пробрались к нам, налетели и сбросили бомбы. Мы тогда были случайными свидетелями этого налёта.

7 сентября, вечером, у нас шла «Марица», горели Бадаевские склады и восьмого была большая бомбёжка.

Начиная с 8 сентября наши работники ежедневно, невзирая на бомбёжки, были на своих постах. Спектакли всё время продолжались непрерывно, только во время воздушной тревоги актёры в гриме, в костюмах, одев противогазы, отправлялись на свои посты. Когда кончалась тревога, бомбёжка, люди возвращались в театр, снимали противогазы и продолжали спектакль.

Бомбоубежища у нас не было своего, было убежище в Филармонии, куда мы отправляли публику, а сами оставались в театре. Потом только мы поняли, чему мы подвергались! Тогда мы помещались на улице Ракова, и если бы попала хоть одна бомба в наше здание, от всех нас

осталось бы одно воспоминание! Но тогда не только мы, но и многие, занимающиеся этим делом, не понимали всего. Ведь мы потом только стали разбираться, когда увидели, что пятиэтажные здания летят во все стороны, что могут быть такие чудовищные разрушения в наше время, что в наше время культуры могут додуматься до такого варварства, чтобы сбрасывать такие разрушающие бомбы!

Вот эпизод, который нас несколько смутил. Все театры стали спешно эвакуироваться. Мы остались одни. Мы переживали некоторую тревогу не только за свою судьбу, но и самолюбие наше было задето — всех эвакуируют, всех считают «золотым фондом», и только театр «Музыкальная Комедия» попал в немилость! На нас не обратили внимания! Мы, мол, такие незначительные, что можно мимо нас пройти!

А потом мы поняли, что оставление нашего театра в Ленинграде имело одно из громаднейших значений и для нашей работы, и для работы каждого из нас, мы поняли, что на наш театр выпала одна из самых почётных задач: нас оставили в единственном числе в осаждённом городе. И вот тут мы стали работать с исключительным энтузиазмом. Наши спектакли не прекращались несмотря на холод, голод, бомбёжки и всякие лишения. Мы играли наши спектакли под аккомпанемент не только бомбёжек, но и непрерывных смертей наших товарищей. Наши актёры с опухшими ногами и руками продолжали играть спектакли в самых тяжёлых условиях, при отсутствии воды, при отсутствии канализации.

Одним из самых ярких исторических явлений следует отметить то, что по инициативе нашего директора Георгия Сергеевича Максимова, при помощи и активном участии секретаря горкома партии т. Капустина, члена Военного Совета, и т. Попкова, — мы были переведены в театр имени Пушкина.

Здесь работа у нас закипела с новой силой. Это было в январе месяце, в самые страшные дни.

По инициативе директора Г.С.Максимова мы решили создать спектакль, отражающий героические дни и участие партизанского движения в Отечественной войне.

В стенах театра, своими же силами, при участии коллектива, под моим руководством была создана советская оперетта «Лесная бэль», спектакль совершенно необычный для оперетты, агитационно-пропагандистский спектакль, который идёт и по сей день с большим успехом. Каждое патриотическое место этого спектакля вызывает овации.

Одновременно с работой над повышением качества текущего репертуара, наши актёры изо дня в день обслуживали РККА, части лётчиков, — военно-морские части, и не только в стенах города Ленинграда, но и на переднем крае. Неоднократно приходилось попадать и под обстрелы, приходилось прекращать концерты из-за бомбёжек с воздуха. Неоднократно обстреливались мы и во время спектакля, особенно это

было на финском фронте, когда мы подвергались обстрелу из миномётов. Страшные это обстрелы!

Выезжали мы и за Выборг, когда Выборг, конечно, был наш.

По сей день военно-шефская работа у нас продолжается: один-два концерта ежедневно — стало обычным явлением. Наряду с работой в театре всё время идёт работа по обслуживанию частей Красной Армии.

Как мы собираемся встретить XXV-летие Октябрьской революции?

По инициативе, — опять-таки директора Георгия Сергеевича Максимова, создана бригада для нового спектакля. Всеволодом Вишневым, Кроном и Азаровым пишется музыкальная комедия, композиторами являются балтийцы-моряки Балтийского флота. Они будут писать музыку. Этим спектаклем мы собираемся ознаменовать XXV годовщину Октября.

Работа протекает в очень дружных условиях.

Коллектив у нас, в основном, сохранился. Работа у нас протекает настолько дружно, что мысли об эвакуации ни у кого совершенно нет. Все горят одним желанием помочь Красной Армии своей работой, прорвать блокаду, и вместе со всем прогрессивным человечеством отпраздновать окончательную победу над фашизмом!

Очень небольшая группа наших работников, обременённых семьёй, правда очень незначительная группа, была эвакуирована. Многие у нас умерли. Умерли все рабочие сцены. Умер весь мужской хор. Умерло несколько человек актёров, например, умер Антонов, правда, помимо общих тяжёлых условий, у него была язва желудка.

Помню я такой случай. Ходили мы в Городской Комитет партии, и тов. Капустин дал нам по конфетке: мне, директору Максиму и тов. Кедрову. Как мы были счастливы! Безумно! Потом через три недели или через месяц мы снова пришли, и он дал нам по стакану чаю с сахаром и с булочкой. Это было для нас торжество! До сих пор мы не можем забыть это!

Все мы тогда, все актёры и ведущие актёры, и рядовые, были в одинаковом положении, все мы жили так же, как все рядовые жители Ленинграда. Какого-либо дополнительного питания нам не было. И мы, конечно, погибли бы, как погибали многие, не выдержали бы, но нас спасло одно обстоятельство.

Мы ездили на шефские концерты в части Красной Армии, и там красноармейцы иногда давали нам немножко хлеба или ржавую селёдку. Это нас спасало. Если бы не это, мы погибли бы.

Большая заслуга также в сохранении коллектива принадлежит и энергии нашего директора Максимова, который очень много сделал для того, чтобы сохранить коллектив, рассеять «эвакуационную панику», создать условия для питания. Но решающее же значение сыграл

перевод театра из очень ветхого помещения, в котором мы были, в такой театр, как Б.Александринский. Это дало возможность предоставить многим работникам театра помещения, чтобы облегчить те переходы, которые они должны были делать из-за отсутствия трамваев. Это сыграло свою положительную роль.

Потом работа по созданию советского спектакля очень многих увлекла, что также имело решающее значение в работе всего коллектива.

Наши спектакли и до войны вызывали огромный интерес у ленинградцев, а сейчас не было ни одного дня, и в дни бомбёжек, и в дни самой тяжёлой жизни у нас в Ленинграде, чтобы наш театр не посещала публика. Ничто не останавливало публику, мы всегда играли при заполненном зрительном зале. Не было дня, чтобы билеты не были проданы.

Какие спектакли имели самый большой успех? «Свадьба в Малиновке», «Лесная быль» — из советского репертуара. Большой успех имели постановки «Любовь моряка», «Сильва», «Холопка». Наконец, большой успех имеет последняя работа театра, постановка американской оперетты «Роза Мари».

Театр работал всё время, спектакли ставились всё время, был только перерыв на полтора месяца из-за отсутствия света, но в это время коллектив театра работал полным ходом по обслуживанию частей Красной Армии. Вообще театр работал непрерывно.

Когда был закрыт театр (из-за отсутствия света), мы поехали на Ладогу. В течение семи дней мы дали много концертов, которые в заключение вылились в героический митинг: все грузчики, шофёры, все работники, которые работали по снабжению Ленинграда в самое тяжёлое время первыми продуктами, отправляли первые эшелоны с продуктами через озеро, на митинге заявили, что они в честь наших концертов удвоили отправку и нагрузку продуктов. Это зафиксировано в официальных документах. Это были торжественные минуты.

Надо отметить и такой важный момент. Производилась чистка города, чистили снег в марте. В это время наши актёры выступали бригадами на грузовиках. И тут же пели, танцевали для товарищей, которые работали по уборке снега.

На фронте каждый концерт кончался митингом. Бойцы заявляли нам, что мы можем спать спокойно, что они стойко стоят на страже, просили передать привет ленинградцам.

Надо сказать, что ни один театр, ни один коллектив не сделал для фронта столько, сколько наш, ни один театр, ни один коллектив так не перестроился и не окреп по-настоящему, как мы в этой борьбе.

Наличие только одного театра в городе, сознание, что всё внимание сосредоточено только на нас, — всё это даёт силы и творческие возможности для работы, совершенно новые в условиях нашего жанра.

Много пережито нами тяжёлых и опасных моментов.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

207

1. Фамилия, имя и отчество ЯНЕТ Николай Яковлевич.
2. Звание не имеет. 3. Должность, часть Артист театра Музыкаль-ной Комедии /Засл.арт.Респ./
- Представляется к ордену "Красная Звезда".
4. Год рождения 1893. 5. Национальность еврей. 6. Партийность б/п.
7. Участие в гражданской войне, в последующих боевых действиях по защите СССР и в Отече-ственной войне Не участвовал.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии Не состоит.
10. Каким РВК призван _____
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) орденом "Знак Почета",
медалью "За оборону Ленинграда".
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

ЯНЕТ, Николай Яковлевич. Заслужен. артист РСФСР. Артист театра Музыкальной Комедии. С первых дней Отечественной войны тов. ЯНЕТ всю свою концертную деятельность направил на обслуживание воинских частей Ленинградского фронта. Не считаясь с трудностями военного времени, тов. ЯНЕТ стремился как можно больше выступать перед защитниками Ленинграда. За период Отечественной войны тов. ЯНЕТ дал 2242 концерта. Все выступления тов. ЯНЕТ проходили с большим успехом и получали добродетельную оценку красноармейского зрителя.

Начальник Ленинградского ордена
"Красной Звезды" Дома Кр. Армии
имени С.М.Керова
Полковник

М. С. Керова
/Ла зар в /.

Командир (начальник) _____

24. _____ ИЮЛЯ _____ 1945 г.

Мы выезжали на передовые позиции, были в Выборге, в это время был обход. Мы едва выскочили тогда.

А вот вчера мы давали концерт, были у Пулково. Был обстрел. Снаряды ложились рядом с нами, пока мы ехали, до самого Технологического института мы ехали под обстрелом.

Помню, были мы у Белоострова. Финны узнали, что в зале концерт, стали палить, стрелять в эту точку. Бойцы стали уходить из зала, видя, что стреляют по точке, где идёт концерт. Обстрел был миномётами. Это самое страшное — маленькие, мелкие кусочки поражают невероятно много людей!

Бойцы уходили из зала, а мы продолжали концерт. Тогда был там я, Сендерский (?), Михайлова. Мы не уходили сперва, а потом не успели уйти, как здание школы, где мы давали концерт, разлетелось в щепки. Уйти мы успели.

Помню воздушный бой над нашими головами. Мы шли к аэродрому, должны были выступить. Вдруг из-за туч появились Мессершмитты, вылетели наши, начался бой. Мы легли, лежали у мостовой, бомбы бросались с нами рядом, совсем близко, мы видели разрывы, куски железа!

Помню, были мы на фронте. Командир переводил нас через реку Сестру, участок, который обстреливался. Он посоветовал директору не брать видных актёров. Когда мы узнали, что нас не берут, что берут только небольшую группу товарищей, мы настояли, чтобы шли все.

Выступать у финнов страшно, так как у них разведка развита так, как нигде.

Много было эпизодов, все трудно и вспомнить.

Меня, как человека очень обеспеченного, всегда хорошо живущего, вначале не пугал голод. Я был очень жирный, я знал, что значит поголодать. Я с 1922 года ездил в Кисловодск, чтобы спустить жир, ходил по горам, занимался физкультурой, были у меня специальные голодные дни, но я обычно возвращался с тем же весом, с которым уехал, и то врачи говорили, что в этом была победа, я больше не пополнел! А тут я похудел настолько, что и в себя притти не могу!

Между прочим, должен сказать, что теперь мне стало легче, стало легче танцевать. Говорят, что дистрофия многих перерождает, и вот я себя чувствую гораздо легче, чем чувствовал себя до войны.

ЦГАИПД, фонд 4000, опись 10, дело 598

Слева: наградной лист Н. Я. Янета, 1945 год.

...В это же страшное время мы задумали сделать выставку работ ленинградских художников. Я тогда сделал небольшую скульптуру, назвал её «За Родину», а вообще название ей было «Балтиец». Работа эта была выставлена в январе 1942 года.

...Помню, я, работая над скульптурой, сидел в пальто. Температура была -7° , но работал я с ожесточением, с остервенением! Поскольку мы жили здесь, я должен был показывать пример другим, и это придавало силы.

Скульптура «Балтиец»,
В. Б. Пинчук, Ленинград, 1942 год.
Русский Государственный Музей,
Санкт-Петербург

ВЕНИАМИН БОРИСОВИЧ ПИНЧУК

17.11.1908–21.08.1987

Советский скульптор-монументалист и педагог

Автор известнейших скульптур и памятников советских вождей

В 1948—1949 и с 1960 года преподавал скульптурное искусство в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, с 1962 года в качестве профессора.

Член ВКП (б) с 1942 года. Член Союза художников СССР. В 1950 году получает сталинскую премию второй степени за скульптурную работу «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках»

1957 — Заслуженный деятель искусств РСФСР.

1963 — Народный художник РСФСР.

1964 — Серебряная медаль Академии художеств СССР.

1969 — Народный художник СССР. Награждён Орденом Октябрьской Революции.

С 1970 года — Действительный член Академии художеств СССР.

СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ 13 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА

Родился я в 1908 году в местечке Кутузово Волынской губернии Житомирского уезда в семье сельского учителя. Мать была домохозяйкой. В 1910–1915 годах, когда шло насаждение и организация школ, отец занимался не столько преподаванием, сколько налаживанием работы школ, поэтому он недолго оставался в одном местечке, но, пробыв год-полтора в одном месте, перекочёвывал в другое местечко. Поэтому всё моё раннее детство проходило в перекочёвывании из одного местечка в другое, я не помню сколько-нибудь основательной жизни в одном месте. Так продолжалось до 1917 года, до революции.

После революции отец переехал в Киев, туда же взял всю свою семью. Это было в 1918 году. С этого времени я уже стал жить в Киеве.

Поскольку мы кочевали из одного места в другое, образование моё было очень несистематическое, я не мог основательно ничего пройти.

В Киеве начал учиться в гимназии. Приехал я туда, когда в Киеве стояли немцы. Прочился в гимназии только один год, дальше учиться не мог, так как материальное положение отца было бедственно, да вскоре после этого и гимназия прекратила существовать.

Так как в Киеве постоянно происходила перемена властей, систематической учёбы там не могло быть. Только в 1921 году, когда Красная Армия окончательно заняла Киев, занятия возобновились, я поступил в трудовую школу, прочился там два года, и мне опять не повезло! Я проявил в школе способности к лепке, один педагог обратил на меня внимание и вместе с небольшой группой ребят устроил меня учиться в художественную студию, которая была создана при обществе «Культурлига».

Надо сказать, что в этой студии был сброд всяких веяний: и футуризм, и кубизм, и импрессионизм, и другие течения. Серьёзного воспитания и обучения художественному мастерству мы там получить не могли, так как было витание в небесах отдельных провинциальных художников, которые изображали из себя «богов», «творителей искусства», пытались передать это нам, а ясности понимания искусства у них у самих не было. На всё реально они смотрели с презрением, старались пришить нам, по их мнению, новые открытия. Мы там работали только из любви к искусству, получить же там основы художественного искусства мы не могли.

В этой студии я прочился с 1923 по 1926 год.

За это время были там попытки создания возможности дать образование общего порядка, но это были только попытки, так как руководители часто менялись, систематического образования не было.

Здесь, наряду с рисунком и живописью, я начал заниматься скульптурой.

Сделал я тогда много композиций маленьких из книжной, библейской темы, затем несколько скульптур из тем писателей наших Пушкина, Толстого.

В 1924 году меня очень взволновала смерть В.И.Ленина. Целый ряд скульптур я сделал на эту тему, сделал бюст Ленина, торс, сделал фигуру Ленина. В это же время сделал портрет — памятник Шолом-Алейхему, сделал скульптурный свой автопортрет. Сделал головку маленького ребёнка. Последние три вещи были выставлены на Первой Всеукраинской выставке и затем приобретены Одесским музеем.

В 1920 году родители мои развелись, и мать уехала на родину в Кутузово. В это время там были поляки. Поскольку у матери две сестры и брат были в Америке, она сумела с ними списаться и в 1920 году уехала в Америку, но сначала попала она в Мексику, где и осталась.

В 1921 году отец женился вторично и тоже уехал из Киева. Вскоре из Киева уехала в Москву и моя сестра, я остался там один.

В это время стали поступать письма от матери с уговариванием меня и сестры переехать к ней. Сестра моя была человеком сугубо политическим, общественным. В детском возрасте она вступила в пионерский отряд, затем в комсомол — она категорически отказалась ехать. Мне же в это время было 17–18 лет; конечно, идея поехать в Америку, посмотреть свет меня очень увлекала. Правда, у меня ни минуты не было мысли остаться там навсегда, но посмотреть за границу, конечно, хотелось, упускать такой случай было нельзя, и я дал согласие матери приехать.

В начале 1927 года я уехал в Мексику.

Там сразу по приезде я поступил в академию художеств, в «Национальную школу изящных искусств», как она там называлась. Это было чуть ли не на восьмой или девятый день моего приезда туда. Языка я не знал, поэтому был принят вольнослушателем. Приехал я туда, навеянный нашими новыми течениями, произвёл там большой фурор и удивил своими конструктивными и кубическими приёмами, привлёк к себе большое внимание, и мне предложили даже преподавать в этой академии, от чего я, конечно, отказался.

Отношение вокруг меня там сразу создалось очень внимательное, товарищеское.

Ехал я туда не на средства моей матери, так как мать работала сначала на посудной, фарфоровой фабрике, затем на одежной, где и сейчас работает, средств у неё больших не было, а на средства её брата, моего дяди, который был врачом, и двух сестёр, из которых одна была замужем за бухгалтером, а другая за заведующим клубом. Средств у них было достаточно. Когда они вызвали меня к себе, они обещали мне помочь там и дать возможность учиться. Но через некоторый промежуток времени дядя мне заявил: «Хватит, довольно заниматься рисованием,

детскими вещами, пора приобрести квалификацию и стать человеком дела!»

Я сразу понял, к чему это клонит, со всей горячностью молодости ответил, что не брошу художество, наговорил кучу неприятных вещей, дело кончилось тем, что я перестал получать от дяди материальную поддержку.

Надо сказать, что в это время мне очень помогли товарищеские отношения в академии. Я начал работать с товарищами. Под руководством профессоров выполнял заказы по скульптуре и стал материально более или менее обеспечен. Работали мы тогда там по оформлению зданий, украшению зданий, как это вообще широко развито в Мексике. Работы было много.

Пробыл я в Мексике полтора года. Там вступил в комсомол, когда там была ещё начальная стадия организации и коммунистической партии, и коммунистического союза молодёжи.

Было там в это время буржуазно-демократическое правительство. Была полная свобода всем партиям, в том числе и коммунистической партии, тогда туда из Кубы и из других стран бежали коммунисты. Коммунистическая партия и коммунистический союз молодёжи там в это время бурно росли. Я работал и помогал, чем мог: оформлял клубы, сделал целый ряд скульптур, сделал бюст Ленина и для клуба, и для нашего полпредства в Мексике.

Был я там знаком с художником Диаговером, который был членом партии и был делегирован в СССР к X-летию нашей революции. Было это в 1927 году (тогда проходил 5-й съезд Коминтерна).

Когда же он вернулся в Мексику, он сделал целый ряд докладов о Советском Союзе, мне же он прямо сказал, что не стоит оставаться в Мексике, что надо ехать обратно в СССР. Это совпало с моими чаяниями, так как я думал об этом почти с первых же дней моего приезда туда, и я решил осуществить скорее это дело.

Надеяться на помощь родственников я не мог, должен был ехать на свои средства. За время своей работы там у меня были скоплены некоторые средства, и я в 1928 году вернулся в СССР.

Приехал я в августе в Москву, так как там жила моя сестра, подал заявление во ВХУТ на скульптурный факультет, проучился там два года, институт был расформирован по факультетам (каждый факультет стал самостоятельным институтом), скульптурный и живописный факультет перевелись в Ленинград, слились с Академией Художеств, и в 1930 году я приехал в Ленинград. Окончил Академию в 1932 году.

С этого времени началась моя самостоятельная художническая жизнь.

По окончании Академии я сделал фигуру Ленина величиной в 2 метра, которая была приобретена ЛениЗО и впоследствии

распространена по всему Союзу. Это дало мне материальную обеспеченность и возможность заниматься скульптурным делом.

После этого я сделал несколько бюстов наших вождей: Ворошилова — в две натуральных величины, Дзержинского, Молотова, ряд бюстов Ленина (1 — натура с четвертью), Сталина. Всё это было законтрактовано ЛениЗО. Был сделан бюст Кирова.

Бюст Ворошилова был сделан к 15-летию РККА в 1933 году, был на выставке РККА. Остальные бюсты были сделаны в разное время и были на разных выставках.

Бюст Молотова был на весенней выставке в 1935 году. Бюст Дзержинского был выставлен в Ленинграде в 1934 году.

Все эти бюсты затем были распространены по всему Советскому Союзу.

Наряду с этой работой моё внимание привлекали и композиции на тему Гражданской войны, и особенно сильно меня стал привлекать образ Ленина, над которым я в виде эскизов долго и упорно работал.

В 1934 году я задумал композицию скульптурную: «Ленин в Разливе». Работал я в это время в мастерской с Томским, затем в 1938 году переехал в большую мастерскую на Вас. Острове, после, во время Отечественной войны, опять переехал сюда и живу теперь здесь.

Работал я над скульптурой «Ленин в Разливе» долго, в течение 2 лет, правда не всё время, но эта скульптура стояла у меня в глине в течение двух лет. Отформовал я её в конце 1935 года.

За этот же период мною был сделан проект памятника Кирову, на Всесоюзный конкурс, и тогда этот проект получил вторую премию (первой премии не было), наряду с проектом Томского. После этого конкурса был второй тур. В конкурсе принимали участие три скульптора: Томский, Манисер и я. В последнем туре остановились на проекте Томского, он и выполнен.

В это же время я делал и фигуру С. М. Кирова, довёл её почти до конца, оставалось две недели до формовки, и она у меня рухнула! Не выдержал каркас!

Поскольку подходил срок выставки «Индустрия социализма» к XX-летию Октября и я не мог участвовать со своей фигурой Кирова, я решил сделать большой бюст Ленина. Сделал его очень быстро, в течение полутора месяца. Бюст этот был в 5 натуральных величин. Он стоял в Русском музее, в вестибюле, сейчас находится здесь в ЛОСХе. Этот бюст был отмечен на выставке «Индустрия социализма» третьей премией и дипломом.

В 1938 году я сделал бюст Ленина в две с половиной натуральных величины в виде подарка 18-му съезду партии. В то же время Томский сделал бюст Сталина такого же размера. Оба эти бюста были отлиты в бронзе и Горкомом партии посланы 18-му съезду партии в подарок.

В Ленинграде они находятся в гипсе в музее Ленина, бронзовые же экземпляры находятся в Москве в музее революции.

На этом окончилась моя работа здесь в мастерской. Я переехал на Вас. Остров. Там по проекту моему, который был отмечен премией, был заказан мне памятник Кирову Кировским заводом. Памятник этот высотой в 8,5 метров, сама фигура — 4 метра высотой.

Эту фигуру я лепил в течение 1938–39 годов. Открытие памятника состоялось к пятой годовщине смерти Кирова в 1939 году.

За это же время мною был сделан ряд проектов по заданию Комитета по делам искусств, проект памятника Гоголю, проект памятника Кирову и проект памятника Ленину в Казани. Проекты памятников Кирову находятся в Москве, а проект памятника Ленину находится здесь. Это была моя последняя работа перед войной. Надо сказать, что было тут небольшое состязание, своего рода закрытый конкурс, в котором участвовали три скульптора: Меркулов, я и местный скульптор Татарской АССР Ахун. В этом состязании выиграл я. Правда, я и не ожидал этого!

Вся работа по созданию этого памятника была поручена мне. Нашему ленинградскому заводу... была отпущена бронза. Мне было поручено сделать второй проект, уже не фигуры, а пьедестала, так как изменялось место, менялись размеры. Этой работой я был занят, примерно недели за две до начала войны. Война прервала работу. Осталась эта работа на Вас. Острове в моей квартире. Я уступил помещение военной части, которая приспособила мою мастерскую под испытание и ремонт авиамоторов. Сначала они довольно хорошо вели себя, а потом от всех моих эскизов и работ ничего не осталось, также как и от моего личного имущества не осталось ничего! Все мои книги, фотографии, рисунки, которые я собирал — всё уничтожено, разобрано, наверное частично сожжено.

Когда началась война, я стал думать, как мне, советскому гражданину, художнику, откликнуться на неё. Возможности продолжать начатую работу не было, и из Казани я получил письмо о том, что работу придётся отложить.

Я стал делать целый ряд эскизов скульптурных, в виде декоративных, призывающих скульптур, которые являлись бы центром какой-нибудь пропагандистской точки, стенда, или были бы оформлением какой-либо точки, где сконцентрированы плакаты, «Окно ТАСС», «Сообщения информбюро». Но поскольку я был на отлёте от союза художников, от общественной жизни, союза, вся эта моя работа осталась в тени.

Я был членом художественного экспозиционного совета.

Во главе союза художников тогда стоял Манизер, человек очень уважаемый, но человек, который все мои попытки и попытки других скульпторов самым неприятным образом отклонял, говорил, что нечего

теперь заниматься скульптурой, что сейчас делать точки, которые обращали бы внимание врага, нельзя, что сейчас скульптурой заниматься не следует, в общем он убивал всякую инициативу.

Это всё ещё больше заставило меня думать о том, как принять участие в ходе войны. Я решил переключиться на область плаката. Стал делать плакаты.

Первый плакат мой был «Подруги на фронте». Плакат этот был принят и одобрен, но выпущен почему-то не был. Между прочим, оригинал находится в Москве на выставке. Не был он выпущен, очевидно, по ряду технических причин, поскольку я опыта в литографском деле имел мало. Во всяком случае, этот плакат был приобретён издательством «Искусство».

В союзе художников, который уже возглавлял В. А. Серов, я встретил радушное отношение, всячески поощрялось здесь моё начинание. Со стороны же Художественного совета встреча была не очень хорошая. Художественный совет в то время возглавлял Лебедев. Отношение с его стороны ко мне было весьма прохладное, но это не остановило моё желание работать в области плакатов.

События тогда следовали очень быстро. Осенью враг подошёл вплотную к городу. Этот момент застал всю нашу группу художников в большом разгаре работы в области плакатов. Мы связались с Политуправлением, которое поставило задачу делать плакаты не столько для города, сколько для армии, в виде листовок, маленьких плакатов и так далее.

Успехи мои в смысле практической художественной стороны шли туго, мои работы мало издавались. Первый мой плакат напечатанный был на тему о зверствах фашизма. Был он выпущен Политуправлением.

Все задания политуправления у меня почему-то не сохранились. Тогда была лихорадочная работа, чуть ли не в течение суток делались плакаты! Сразу издавались. У меня от этого плаката ничего и не осталось: оригинала я вообще не видел, видел только пробу.

Когда приближалась Октябрьская годовщина, я сделал плакат «Отстоим город Ленина — колыбель революции». Этот плакат не был издан, но оригинал находится в Москве. Впоследствии с этого плаката я сделал панно большое, когда оформлял Кировский район, и находится это панно на воротах Кировского завода.

Когда враг подходил совсем к городу, я сделал плакат «Молодёжь, на разгром врага». Все эти мои плакаты подписаны, приняты, но не изданы. Тут был целый ряд объективных причин.

Наступило время блокады. Надо сказать, что зимой вместе с трудностями нарастал и наш энтузиазм к работе. Мы переселились в ЛОСХ, здесь жили все вместе, вместе делили скудную пищу, вместе голодали и так далее.

В это же страшное время мы задумали сделать выставку работ ленинградских художников. Я тогда сделал небольшую скульптуру, назвал её «За Родину», а вообще название ей было «Балтиец». Работа эта была выставлена в январе 1942 года.

После этого я уже почти систематически начал работать над скульптурами, и на выставке в мае я выставил уже серию эскизов.

Сделал я скульптуру Жданова. Мне хотелось изобразить товарища Жданова в дни Отечественной войны, придать ему выражение тревожности, изобразить его на переднем крае с картой в руках. Эта скульптура вызвала целую дискуссию. Нашим художникам она нравилась, но у представителей горкома партии она вызвала целый ряд возражений, большую критику. Они говорили, что на самом деле Жданов скромнее, что я сделал его очень пафосным, что на нём никогда не лежала так шинель и так далее, и так далее.

В общем раскритиковали совсем. Но это меня не остановило от работы над этой скульптурой в большом размере. Но поскольку она требует больших затрат, много времени, я решил, что не время заниматься этим, решил оставить эту скульптуру для послевоенного времени, и я её сделаю, учтя замечания, которые были сделаны.

Летом, к июльской выставке (тогда художники работали по заданию горкома партии и Партизанского штаба) я сделал эскиз композиции «Клятва мести». Приобретена эта композиция Москвой, но отливки имеются у нас в ЛОСХ.

Летом 1942 года я начал бюст товарища Жданова, над которым работаю ещё и до сих пор. Был он у меня закончен в прошлом году, был выдвинут на Сталинскую премию горкомом партии, но поскольку я тогда его не формовал, я решил ещё поработать над ним немного, расковырял и теперь, очевидно, сделаю его к нашей предстоящей летней выставке.

Сейчас также работаю над скульптурой на тему «Стоять на смерть». Была эта работа задумана зимой, но я не успел закончить и сделаю её скорее всего к московской выставке.

С весны прошлого года «фортуна» в смысле издания моих плакатов улучшилась, и уже ни один плакат, сделанный мною, не был задержан, все были изданы. Началось это с плаката «Единым ударом»¹ — кулак против Гитлера. Затем «Славные соколы города Ленина будем на смерть разить врага»². Затем сделал плакат к денежной лотерее. В прошлом

1

2

году осенью я задумал плакат, чтобы поднять настроение, внутренние силы народа. Он изображал рабочего как главную действующую силу нашего Союза, который внушает и показывает внутреннюю силу, ненависть к врагу и беззаветную любовь к Родине. Этот плакат очень сильно подействовал и на наших художников и понравился горкому партии.

Надо только сказать, что не совсем ладится у меня с текстом. В горкоме партии текст этого плаката был заменён и гласил: «Всё ли ты сделал для помощи фронту?»³

Затем был сделан плакат «Убей немца». Этот плакат был неудачно выпущен, случилось несчастье с камнем, пришлось его переделать. Сделан он был зимой.

Осенью 1942 года мы приступили к оформлению города. Выполняли это мы бригадами в 4 человека. Моя бригада: Фетингоф, Николаев, Гагарина и я — оформляла Кировский район. Я был бригадиром.

Сделал я тогда 4 панно: «Смерть немецким оккупантам», «За нами город Ленина — колыбель Октября», «Всё ли ты сделал для помощи фронту?» и «Тыл фронту». После этой работы я сделал плакат к прорыву блокады «Многострадальный Ленинград», но был этот плакат выпущен к 8 марта⁴ и вместо «Слава героям, прорвавшим блокаду», получил совершенно другой лозунг.

Наконец, последние два плаката, которые приняты и осуществляются, один плакат к маю «Избавьте его от немецкого ига» и «Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну» (И. Сталин)⁵.

Когда стало затягиваться кольцо блокады, мы перешли на постоянное жильё в союз художников. Задачей нашего правления и художественного фонда было сделать всё, чтобы облегчить положение художников. Это могло тогда конкретно выразиться в том, чтобы стараться добиться у Горкома партии и Ленсовета всего, что тогда было возможно, то есть единовременной помощи продуктами, выделения пайка, изыскания ненормированных продуктов и так далее.

В декабре 1941 года я был выбран председателем управления художественного фонда и кооптирован в правление союза.

Возглавляя работу фонда, я со всей страстью и желанием работать отдался этому делу, но трудности тогда были колоссальные: люди умирали по несколько человек в день, приходилось вникать в самые прозаические мелочи жизни, о которых неприятно сейчас даже и говорить. Тогда каждый грамм играл роль для человека, был вопросом жизни и смерти.

3

4

5

Пришлось вникнуть в работу столовой, проверять, организовывать общественный контроль, спорить, следить, объясняться с директором треста ресторанов и так далее. Одним словом, приходилось заниматься работой очень неприятной, но в тот момент совершенно необходимой, очень важной.

Затем надо было заняться оказанием помощи материальными средствами, которые тогда были у нас: доставкой дров, доставкой фанеры для тех, кто пострадал от бомбёжек. Надо было оказывать помощь семьям художников, ушедших в армию, престарелым художникам. Всё это лежало на обязанности управления фонда и его аппарата. Тогда этот фонд был основным аппаратом, который мог оказать помощь нашим художникам. Эту работу я вёл зимой 1941–42 года, и до настоящих дней я веду её.

Интересно, что по мере усугубления трудностей зимой 1941–42 года у нас рос энтузиазм. Я недавно нашёл свои записи по приготовлению к выступлению на собрании интеллигенции города Ленина, которое было в Капелле. Собрание это было замечательно. Электричества не было, холод был страшный, помещение было совершенно нетопленное, сидели все закутанные в зимних пальто, шубах, — кто в чём одетый. Собрание проходило под непрерывный шум стучащих от холода ног. Все сидели в шапках, единственным, у кого была обнажена голова, это у Всеволода Вишневского, на которого тогда все смотрели, как на сумасшедшего, говорили, что он может получить воспаление лёгких.

От нашего союза были делегированы трое: Серов, Серебряный и я. Мы должны были все выступить, но выступил один Серов, хотя за ночь перед собранием мы все подготовились.

Вот, недавно просматривая подготовленное мною тогда выступление, я сам удивился, насколько оптимистическое настроение тогда ещё было, сколько задора было!

Объясняется это, конечно, тем, что мы жили в коллективе. Взаимное подбадривание, взаимная помощь и сознание того, что мы делаем нужное дело, придавало силы художникам и уверенность в том, что ничего не может сломить нас, что мы победим.

Эта группа художников, которая жила и работала здесь, которая возглавлялась Серовым, являлась тем центром, в котором теплилась жизнь и вокруг которого концентрировались другие художники, черпали и заражались этой бодростью, и многие благодаря этому спаслись от смерти. Я уверен, что если бы я не был в этом коллективе, я не смог бы выдержать испытания и трудности, которые были! Для меня было очень существенным пребывание в коллективе, и я должен прямо сказать, что душой и вдохновителем на протяжении всего времени был В.А.Серов. Его неиссякаемый источник энергии, его бодрый дух сделали очень много для сплочения художников и спасения от смерти многих наших товарищей.

Помню, я, работая над скульптурой, сидел в пальто. Температура была -7° , но работал я с ожесточением, с остервенением! Поскольку мы жили здесь, я должен был показывать пример другим, и это придавало силы. Позже уже появились временки, которые хоть дымили, но зато горели!

Когда летом В.А.Серов уехал в Москву с отчётом о нашей работе, я оставался заместителем его здесь. Пробыл В.А.Серов в Москве месяц с лишним. Затем мне также пришлось возглавлять работу союза, когда Серов вторично ездил в Москву с нашей выставкой.

Сейчас я являюсь заместителем председателя ЛОСХ и возглавляю сектор массово-наглядной агитации, мобилизую художников на выполнение заданий ГК партии и политуправления.

Помню проведение Октябрьского праздника в 1941 году. Мы устроили вечер. На столе стояло множество блюд, бутылок, всяких яств на тарелках, но всё это было нарисовано, сделано из бумаги, а реально было 125 грамм хлеба, который был сэкономлен — весь день этот не ели свой хлеб, было, правда, настоящее пиво, затем кто-то принёс с корабля коробочку килек и малюсенький кусочек сыра. Вот и всё наше праздничное угощение! Правда, тут было ещё бодрое, весёлое и даже шутливое настроение.

А вот встреча нового года в 1942 году была совсем другой! Тут уже другое настроение! Народ уже умирал пачками, но всё же встреча нового года была устроена. Эта встреча была интимной, маленькой группой нашего правления. Было всего четыре человека, встретили новый год с вином и под девизом «наесться».

Тогда Ленсовет отпустил для художников тушу конскую. Мы нажарили котлет, оставили к вечеру свой хлеб и добились того, что у нас было впечатление сытости. А наутро настроение омрачилось: в соседней комнате умер художник Герец, у Серебряного в этот день украли продовольственные карточки, а что это значило тогда!!!

ЦГАИПД, фонд 4000, опись 10, дело 536

После авианалёта в блокадном Ленинграде, осень 1941 года.

ТАТЬЯНА ФЁДОРОВНА ХОЛМОВСКАЯ

1902–1982

В 1938–1959 годах — артистка хора Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»

Комсомольская активистка в Рыбинске, 1920-е годы. Переехав в 1923 году в Петроград, служит на почтамте, в Клубе совторгслужащих, в кооперативе «Пролетарий» — везде заведует партийной инструкторской работой.

В начале 1930-х ей довелось поработать фрезеровщицей, с 1933 она — зам-директора в Оренбурге, а с 1935 — директор Оренбургского музыкального училища.

В 1938 году в её жизни появляется постоянное место работы — Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Здесь, в хоре, она прослужит долгие годы, до 1959 года.

Во время блокады участвовала в спектаклях театра, многочисленных концертах в воинских частях, на предприятиях и заводах, в госпиталях, а также работала в госпитале, тушила зажигательные бомбы, дежурила на крыше.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАЧАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

Подходил к концу сезон 1940–41 года в Ленинградском Академическом театре оперы и балета им. С.М.Кирова.

Вот и последняя незабываемая премьера оперы Вагнера «Лоэнгрин», поставленная творческой бригадой: О.М.Брон — дирижёр, В.А.Лосский — режиссёр, С.В.Вирсаладзе — художник.

Уже каждый из нас решил, где проводит свой отпуск или куда едет на лечение.

Ясное утро 22 июня. Трамваи, поезда переполнены, труженики города едут в выходной день на отдых.

У нас, как всегда в воскресенье, два спектакля.

Ранним утром нарочный из театра вручил мне распоряжение срочно прибыть в театр. Мы ждали начала учений МПВО по городу, и я как инструктор МПВО не удивилась раннему вызову.

Но вот в середине сияющего летнего дня радио принесло известие о вероломном нападении на нашу Родину фашистской Германии.

В памяти встали свежие воспоминания о войне с белофиннами. Затемнённый город. Поездки артистов в морозную зиму 1939–40 года в Кронштадт на корабли и форты к морякам, к бойцам Ленинградского военного округа; несколько месяцев ежедневных круглосуточных дежурств артистов балета и хора по уходу за ранеными в Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова.

И вот новое нападение. Всем ясно, что надвинулась грозная война, что враг силён и коварен. Всем хочется верить, что она будет короткой.

В первые дни Отечественной войны командирами боевых частей ушли (шесть человек) ряд артистов хора, оркестра, работники режиссёрского управления.

В армию Народного ополчения ушли 9 чел. артистов балета, 6 артистов хора, 13 артистов оркестра, 3 артиста миманса, 16 чел. работников театра. Среди них секретарь партийной организации музыковед Н.П.Шастин, директор филиала театра В.А.Асланов, нач. планового отдела театра Б.М.Гербонос. Всего на фронт ушли 295 человек, из них 103 артиста. В ряды Красной армии призваны 238 чел. артистов и работников театра. В ансамбль песни и пляски ЛВО ушли артисты балета Перепечь и С.Г.Корень, солист оперы В.В.Ивановский. Многие пали смертью храбрых, защищая Родину. Много вернулись на свою прежнюю работу и в течение ряда лет трудятся и трудились во славу советского искусства.

В боевую готовность приведены команды МПВО.

Городу нужно много маскировочных материалов для объектов. Артисты и работники театра в две, три смены работают в мастерских театра, в декорационных залах над изготовлением сеток. Вместе

с труженниками города, из театра, даже те, кто никогда не держал в руках лопату, отправляются на оборонные работы, роют траншеи и помогают строить укрепления.

Специфический труд актёра открывает ещё возможность помогать фронту через военно-шефскую работу. Концертные бригады идут на призывные пункты, едут в части ЛВО, Краснознамённого Балтийского флота, к лётчикам. Эти поездки ежедневны.

Вот в половине июля одна из бригад в составе: Г.М.Нэлеппа, А.Ф.Меньковской, А.М.Холминой, Е.В.Вольф-Израэля, О.М.Брона и других артистов проводит концерт для бойцов на полянке в лесу у Клопиц. Объявлен сигнал «воздушной тревоги». Как крупный град или дождь прошёл по листве. Это низко летящий фашистский самолёт дал пулёмётную очередь по деревьям, своими ветвями укрывающих нас и наших слушателей. Улетел стервятник, и концерт доведён до конца.

* * *

Машина с артистами следует на концерт в военную часть под Стрельной. В небе голубом, безоблачном, с нудным противным звуком появляются вражеские самолёты. В низинке в кустах переживаем, когда скроются враги. Так неправдоподобно кажется солнце, тишина и воющий звон немецких самолётов, несущих и сеющих смерть.

* * *

Вечереет. В ранее очень уютном клубе лётчиков в Горелово уже выбиты все стёкла. Здесь успешно идёт концерт. Как всегда, прием тёплый, радушный. После концерта завязалась задушевная беседа с нашими соколами. На ночь располагаемся в блиндажах и траншеях. Жилые корпуса пострадали от бомбёжки, и оставаться там при регулярных ночных налётах небезопасно.

И так ежедневно артисты в самых разнообразных условиях выступают перед бойцами.

В июле под руководством солистки балета О.Мунгаловой из Ленинграда отбыл эшелон с детьми артистов и работников театра в эвакуацию.

15 августа 1941 года на собрании директор театра Е.М.Радин сообщил решение правительства о немедленной эвакуации театра в г. Пермь. И вот 19 августа специальным составом из оборудованных теплушек театр отбыл из Ленинграда. С чувством горя и слезами расставались мы с коллективом, веря, что театр вернётся в родной город.

Через несколько дней сомкнулось кольцо блокады. Второй эшелон уже не мог следовать за первым. Часть творческих работников удалось переправить на «Большую Землю» в 1942 году, а значительная часть мастеров искусства осталась в осаждённом городе.

19 сентября 1941 года — один из рядовых дней среди девятистот дней блокады — для театра был днём трагическим. Как всегда, вечером пунктуально начался вражеский налёт. Объявлена «воздушная тревога», и в 21 час 05 минут здание театра потряс взрыв. 250-килограммовая фугасная бомба прошла шесть междуэтажных перекрытий в правом крыле театра. От взрывной волны открылись все двери в зрительном зале и примыкающих к нему коридорах. Массивный железный занавес отодвинулся почти на метр, но прикрыл собой сцену. Чудесная мебель зрительного зала была полностью уничтожена взрывом. На счастье, красавица люстра несколькими днями ранее была демонтирована и убрана из зала.

Взрывной волной убит один из старейших работников театра С. В. Базаров. Начальник пожарной охраны В. П. Дивов получил серьёзное ранение. Мелкие ранения и контузии имели ряд бойцов МПВО. Паники не было. Пострадавшим была оказана медицинская помощь на месте.

Работники театра и оставшиеся артисты пришли на помощь небольшой группе, находившейся на казарменном положении. Охотно помогали в охране имущества, устройстве ограждения на месте разрушения и разборке кирпича, который был взят на устройство укреплённых точек в городе.

Ежедневно продолжалась работа по изготовлению маскировочных материалов для города, которой руководили скульптор С. А. Евсеев и художник М. П. Зандин. Также, не считаясь с бомбёжками и артобстрелами, из театра отправлялись группы на окраины города для помощи военному командованию в создании укреплений.

На город кроме фугасных и осколочных бомб фашисты сбрасывали в массовом количестве зажигательные бомбы. Пожар уничтожил декорационный склад по ул. Зодчего Росси, принадлежавший Академическому театру драмы им. А. С. Пушкина.

Уничтожены и сожжены крупнейшие продуктовые склады города. Надвинулся голод.

* * *

В конце октября партийным руководством города было принято решение силами оставшихся в городе артистов возобновить оперные спектакли в помещении филиала театра им. С. М. Кирова в Народном Доме.

Режиссёрам И. Г. Дворищину и А. В. Шретеру пришлось приложить немало труда, чтобы собрать музыкантов города в симфонический оркестр, отрепетировать оперы «Евгений Онегин» и «Травиата». В конце ноября состоялся спектакль оперы «Евгений Онегин», в котором участвовали: Татьяна — з. арт. Ю. В. Кузнецова, Ольга — арт. М. А. Зюзина, Ларина — арт. Е. М. Нацевалова, Ленский — з. арт. П. И. Чекин, Евгений

Онегин — з. арт. В. Л. Легков, князь Гремин — арт. А. П. Атлантов, няня — арт. Т. Ф. Холмовская, Зарецкий и ротный — арт. П. А. Алексеев, дирижёр — В. П. Ульрих, хормейстер — С. К. Глаудан, режиссёры — з. арт. И. Г. Дворищин и А. В. Шретер.

Слабо освещённый зал переполнен. Помещение не отапливалось, на окнах фанера. Посетители сидят в пальто, и только артисты на сцене были в костюмах, соответствующих спектаклю. Этот спектакль удалось провести до конца.

Во второй опере «Травиата» были заняты: з. арт. Р. Г. Горская в партии Виолетты Валери, з. арт-ты П. И. Чекин и И. А. Нечаев в роли Альфреда Жермона, з. арт. В. Л. Легков — Жорж Жермон, артисты А. П. Атлантов и А. С. Лыжин пели партию барона Дюфоль. Превозмогая сильную боль, связанную с приступом печени, Р. Г. Горская показала образец артистического долга и блестяще спела сложную партию.

Спектакль «Травиата», начинавшийся двенадцать раз, только дважды удалось довести до конца. Длительные воздушные тревоги были причиной его срыва.

В декабре 1941 года в помещении филиала театра совершенно прекратили подачу электроэнергии. А это значило, что оперных спектаклей пока не будет.

Концертная работа в армии продолжилась.

Один из концертов, посвящённый 24-й годовщине Великой Октябрьской революции, состоялся 6 ноября 1941 года у лётчиков на Поклонной горе. Небольшое помещение переполнено. Выступает народная артистка С. П. Преображенская. Исключительно тепло принимают зрители свою любимую артистку, отдавшую им свое высокое мастерство и теплоту сердца. Конечно, они не знают о том, что в нетопленной квартире с выбитыми стёклами Софья Петровна оставила малолетних детей. Но вот большой концерт окончен. Софья Петровна торопится к детям, о которых болит душа матери. На настойчивую просьбу ускорить доставку домой командование части открывает перед нами дверь и показывает воздушный бой над городом, который завязался в результате массированного налёта фашистов в канун нашего великого праздника. Глубокой ночью всех нас доставили домой.

* * *

3 декабря 1941 года три артиллерийских снаряда точно легли на наблюдательную вышку театра. Прямым попаданием убиты нач. вышкового поста артисты В. А. Гришко и В. Алексеев. От раны в область живота через несколько дней умерла боец команды т. Макаренкова. Более двадцати человек работников мастерских из зала им. Головина получили разного рода ранения. Медицинская служба, руководимая врачом П. А. Никифоровым и врачом Б. И. Рабинович, с сёстрами М. Ф. Федоровой-Поликарповой и Я. А. Чихачевой, санитарками К. В. Кузнецовой

и Н. М. Чижик и медико-санитарной командой обеспечивали оказание первой медицинской помощи.

Всего же за время Великой Отечественной войны в здание театра кроме фугасной бомбы попало восемнадцать артиллерийских снарядов.

По решению партоганизации и руководства театра я передала медико-санитарную команду Е. Афанасьевой и заменила нач. вышкового поста В. А. Гришко, оставив за собой обязанности политрука команд.

Трудновато было дистрофикам, какими были мы все, подниматься на вышку. Часто ночью приходилось видеть, как лучи прожекторов ловят вражеский самолёт. Вот один из зенитных выстрелов попал в цель, и хищник падает. Чувство благодарности к бойцам, метким огнём уничтожившим ещё одного кровожадного противника, и радость от того, что этот смертоносный груз не упал на многострадальный город, не унёс жизни ленинградцев, наполняет всё существо.

Чувство глубокого уважения вызвал труд пожарной охраны, которая состояла в основном из женщин, находившихся в одиночку в разных точках большого театрального здания днём и тёмной ночью, обязанных принять первыми бой с огнём и повреждением в случае поражения объекта.

* * *

Зима 1941–42 года была очень холодная. Ясные ночи не радовали нас, блокадников. Эта была лётная погода для фашистских стервятников.

Почти все дома города имели повреждения, а многие были совсем разрушены. Стёкла заменили фанера и доска, утеплённые самими хозяйками комнат одеялами, коврами, всем, что помогало спастись хотя бы от гулявшего на просторе ветра. Не было электричества. За водой ездили с санками на Неву, карабкались, чтобы привезти домой немного воды для жидкой похлёбки, а то и просто попить тёплой водички с маюсеньким кусочком хлеба (ведь хлебная норма была 125–250 граммов в день), в котором были примеси и чуточка муки.

И всё же те, кто жил в бомбоубежищах, в подвалах, куда перебирались из разбомблённых и сильно повреждённых домов, не падали духом. Они были в коллективе, и он их поддерживал. В бомбоубежищах и подвалах жили и актёры. Иногда там проводились выступления, художественные чтения и даже концерты. В этих концертах участвовали и мы. Это вселяло бодрость, уверенность в том, что нас не сломить, что мы выстоим, победим.

Внутри театральные помещения, как правило, окон не имеют. Это спасало нас от внешней стужи. В части здания уцелел водопровод и канализация, которые тщательно оберегали И. А. Шавкин и Н. Н. Дичин. В помещении команд и на медпункте по всем правилам пожарной безопасности поставили печурки-временки. Наши специалисты электрики

«изобрели» самодельные коптилки, еле освещавшие помещение и сильно чадившие. Кипятильник обеспечивал нас горячей водой. Ежедневно медико-санитарная команда привозила с декорационных складов небольшое количество конструкций к декорациям, то, что на нашем театральном языке ранее именовалось «дровами», теперь и в самом деле с успехом выполняло эту функцию.

В командах читались газеты, книги, проводились беседы, выпускалась стенная газета, которая печаталась на машинке в нескольких экземплярах для команд. Редактором был В.Э.Томсон.

Все даты красного календаря по-особому отмечались. Сообща встречали мы и Новый Год, для чего приберегли свой скудный паёк хлеба, конфет. Начальник объекта А.Г.Беляков поздравил нас с Новым Годом, и мы подняли тост за скорейшую победу нашей Родины.

* * *

Все мы охотно заходили посумерничать в медпункт. Как магнит, притягивала туда очень исхудавшая, но всегда бодрая внимательная сестра милосердия Мария Фёдоровна Фёдорова-Поликарпова. Она ласкова со всеми, всем хочет чем-либо помочь, каждому у неё найдётся доброе слово, а с курильщиком она поделит свою последнюю щепотку махорки.

* * *

В начале 1942 года возвращаюсь с концерта в театр через Сенную площадь. Там на углу у Московского проспекта бродят несколько продавцов нехитрого товара. У одного вижу десяток намордников. Зачем они? Ведь в городе голод и нет собак? Всё же осторожно спрашиваю: «Что это такое?» — «Собачьи намордники», — отвечает продавец спокойно. У меня же мысль: «Свихнулся, ненормальный». Я быстро отхожу и боюсь, что он в припадке безумия бросится за мной вдогонку... В театре получаю компетентную консультацию. Намордники и ремни съедобны. Из них делают нечто похожее на студень.

* * *

Зима 1941–42 года стояла исключительно морозной. Для обслуживания моряков Балтики в Кронштадт выехала концертная бригада народных артистов: С.Ф.Преображенская, П.З.Андреев, заслуженный артист И.А.Нечаев, артисты А.С.Лыжин, М.Т.Дулов.

Во время концерта на сцене упал от истощения артист А.С.Лыжин.

Об этом немедленно было сообщено командующему Балтийским флотом Б.Ф.Трибуцу. По его распоряжению вся бригада артистов на десять дней была освобождена от всяких выступлений. Им был предоставлен отдых и усиленное питание для поддержания сил. Как это

трогательно и гуманно оказать помощь и поддержку шефом флота в трудную минуту, когда голод косил и моряков Балтики.

* * *

Открытие в чрезвычайно трудных условиях «Дороги Жизни» через Ладожское Озеро и героический труд работников ледяной трассы обеспечили доставку боеприпасов для Ленинградского фронта и продуктов питания всем, находившимся в блокаде.

Решением ГК ВКП(б) и Горсовета были отпущены продукты для открытия ряда стационаров, которые должны были поддерживать, подкормить, поставить на ноги ослабевших от голода тружеников города. Такой стационар был открыт и в помещении театра. Фойе им. Направника было помыто, почищено, правда, вместо стекла была всё та же фанера, поставлены кровати, обеспеченные всем необходимым, установлена печурка-временка. Заведование стационаром возложено на врача П. А. Никифорова, а обеспечение питанием на зав. столовой А. А. Несову. В помощь были подключены ряд артисток и бойцов команд МПВО. В числе первых в стационар были приняты деятели сцены театра: тт. П. З. Андреев, В. И. Касторский, И. И. Плешаков, К. В. Кузнецова, В. И. Сорочинский, А. С. Лыжин, И. И. Рихтер, П. С. Ефимов, М. А. Зюзина, Н. П. Ивановский, М. П. Зандин, С. А. Евсеев, Д. А. Сергеев, работники команд МПВО. Всех удалось поставить на ноги, восстановить силы, вернуть трудоспособность. Ведь некоторых в стационар привозили даже на саночках.

По указанию ГК ВКП (б) с марта 1942 года военно-шефская работа проводилась по нарядам театра. Здесь были сосредоточены силы артистов театра им. С. М. Кирова, Малого Оперного театра, театра им. А. С. Пушкина, Филармонии, Консерватории. Заявки на концерты росли, и артисты выступали по несколько раз в день, причём не всегда был предоставлен транспорт, и приходилось много путешествовать по городу пешим порядком.

* * *

Вспоминается один из концертов в воинской части в полутора километрах от фашистских окопов около Колпина. Там отмечали годовщину организации части. Прибыла бригада артистов: С. П. Преображенская, И. А. Нечаев, А. С. Лыжин, О. Г. Иордан, Г. П. Васильев, А. П. Нелидов, М. Т. Дулов и я. Часть пути проходил по дороге лежнёвке, которую мы называли «ксилофоном». Измученные непривычной для нас тряской, артисты по прибытии сразу были помещены в землянку командира. Чтобы не было лишнего беспокойства, у землянки поставили красноармейца. И вдруг в этом довольно спокойном лесном участке начался артиллерийский обстрел. Землянка обстрел выдержала, а боец, стоящий около неё, убит.

Вечером состоялся концерт. По всей видимости, противник как-то проведаль о приезде гостей в часть и подверг участок артиллерийскому обстрелу. Обратный путь на следующий день был уже другой дорогой, для нас более легкой, но беспокойной.

* * *

Часто во время проводимых концертов начинались артиллерийские обстрелы. Видим, испытующе смотрят на нас бойцы и командиры. Как будут вести себя артисты? Струсят? Уйдут со сцены? Но ведь и мы привыкли к обстрелам. И всё же нужно большое самообладание, чтобы в это время танцевать, декламировать, — не ошибиться, не отвлечься, не изменить образу и настроению исполняемой вещи...

* * *

В июне 1942 года под руководством залуженной артистки Н.Л. Вельтер в большом зале Филармонии был поставлен литературно-музыкальный монтаж «Кармен». Надежда Львовна пела заглавную партию; Хозе — артист В.И. Сорочинский; Эскамильо — засл. артист П.П. Болотин; Цунига — арт. А.С. Лыжин и А.П. Атлантов; Микаэла — засл. арт. М.А. Елизарова, Фраскита — арт. В.И. Шестакова, Мерседес — арт. Т.Ф. Холмовская и М.А. Зюзина. Дирижер С.А. Аркин. Чтец — Н.А. Чернявская. Зал был переполнен. В дальнейшем «Кармен» исполнялась в Летнем театре в саду Отдыха и на площадках в домах культуры.

Отдельные отрывки из оперы «Пиковая дама» и «Князь Игорь» исполнялись ведущими артистами театра на очередных концертах. Наличие высококвалифицированных артистов ставило вопрос об постановке опер и балетов. На учёт были взяты все артистические силы города и Ленинградского Военного округа.

Художественным руководителем оперы утверждён засл. артист И.А. Нечаев, руководителем балета — засл. артистка О.Г. Иордан. К.И. Элиасберг приглашён дирижёром оперы, а дирижёром балета С.А. Аркин. А.А. Люблинскому поручено руководство всей концертной работой. Все оперные и балетные спектакли сопровождал оркестр радиокомитета, в который направлялись музыканты, находившиеся в рядах войск ЛВО и Краснознаменного Балтийского флота.

В отремонтированном помещении театра Комедии на Невском проспекте осенью 1942 года начал свою работу Городской театр оперы и балета. За всю работу по постановке спектаклей и творческих работников ответственность была возложена на директора театра им. С.М. Кирова тов. Белякова А.Г.

Первым оперным спектаклем была опера «Евгений Онегин», поставленная засл. артистом Е.П. Студенцовым.

В марте 1943 года состоялась премьера оперы «Пиковая дама» в постановке засл. артистки Н.Л. Вельтер.

В октябре 1943 года в помещении Малого Оперного театра (к тому времени отремонтированному) вышла новая премьера оперы «Травиата» в постановке засл. артиста Е.П.Студенцова и Н.М.Железновой. В классах шли репетиции «Алеко» и «Царской невесты».

Балетным коллективом под руководством засл. артисты О.Г.Иордан с помощью артистов и режиссёров балета В.Э.Томсона, Р.И.Гербека, М.Ф.Кирхгейм, М.С.Добронравовой поставлены в течение того же времени балетные спектакли «Эсмеральда», «Конек-Горбунок», «Шопениана» и ряд балетных номеров для концертов.

С осени 1942 года по конец декабря 1943 года состоялись 81 оперный и 55 балетных спектакля. Ряд оперных и балетных спектаклей кроме стационара проходил на выездных площадках: в саду Отдыха, клубе им. Капранова, в доме офицеров в Кронштадте. Особенно сложны были поездки в Кронштадт, когда в целях безопасности артистов доставляли под прикрытием дымовой завесы, так как путь по воде был под постоянным контролем фашистских войск с берега Стрельны и Петергофа.

Спектакли начинались в 5 часов вечера. К установленному времени артисты аккуратно являлись в театр, часто пешком пройдя несколько километров, т.к. во время налётов и артиллерийских обстрелов трамваи прекращали движение. Конечно, до начала спектаклей приходили и все работники постановочной части театра.

Зрительный зал был всегда переполнен. Здесь бойцы и командиры армии и флота, непосредственно находящиеся на линии обороны города. Здесь героические рабочие и служащие, работающие на предприятиях под вражеским огнем.

Если бы артисты были в состоянии повторять спектакль несколько раз в день, недостатка в зрителях всё равно бы не было. Приём спектакля и его участников был исключительно тёплым. Иногда спектакль неожиданно прекращался, и режиссёр приглашал зрителей на время тревоги спуститься вниз в бомбоубежище. А артисты в костюмах и гриме сидели в своих уборных или были на боевом посту работников МПВО, чтобы продолжить свой труд по сигналу «отбой воздушной тревоги» или «артиллерийский обстрел прекратился».

Исполнительский состав труппы театра им. С.М.Кирова во время блокады был следующий: опера: нар. артисты С.П.Преображенская, П.З.Андреев, засл. артисты: Н.Д.Болотина, Н.Л.Вельтер, М.А.Елизарова, К.В.Кузнецова, П.П.Болотин, В.Л.Легков, И.А.Нечаев; артисты академических оперных театров: И.И.Алексеев, А.П.Атлантов, В.М.Богнычева, М.А.Зюзина, А.С.Лыжин, Г.И.Никифорова, В.И.Сорочинский, М.А.Устюгова, В.И.Шестакова, Т.Ф.Холмовская; вновь принятые в труппу и оставшиеся работать в театре после войны: М.А.Гусина, В.В.Кожевников, К.А.Луговская, М.И.Моржевская, Ф.Г.Тихонов, Г.В.Скопа-Родионова: артисты-певцы, работающие только до декабря 1943 года:

Г. П. Вишневкина, А. П. Оповровский, Я. А. Соколов, Л. С. Сегаль, В. А. Самсонок, В. П. Филиппов, В. М. Чучайкин.

В составе балетной труппы были: засл. артистка О. Г. Иордан, артисты балета Академических театров: Г. В. Алексеева, Г. П. Васильев, Р. И. Гербек, Е. В. Гемпель, З. О. Дмитриева-Змеева, М. В. Дубровицкая, Т. В. Иванова, Н. В. Красношеева, В. Л. Мацкевич, Н. П. Сахновская, Л. В. Стрельникова, Т. И. Шмырова, Н. М. Шехматов, Н. Б. Ястребова, Ганус Т. С., Е. И. Григорьева, М. С. Добронравова, В. Э. Томсон, М. Ф. Кирхгейм, Л. К. Кирсанова, Г. Л. Никольская, Н. М. Пигарева, Н. В. Владимирова, М. А. Сокольская, Н. В. Фёдорова, Г. А. Фельтен, А. М. Чернова, К. Б. Юрьева. Концертмейстеры и режиссёрское управление: Ю. Д. Грейс, М. Ф. Граменицкая, В. И. Енанешникова, М. П. Преображенская, П. В. Рот, Е. С. Соколова, Т. И. Жуковская, И. С. Руч, М. Т. Дулов, Н. Н. Куклин.

Кроме спектаклей, артисты театра принимали большое участие в военно-шефских концертах и концертах на предприятиях и заводах. С марта 1942 года по май 1943 года только по нарядам театра нашими артистами проведено 1255 концертов. В то же время артисты участвовали в большом количестве концертов по нарядам Городской военно-шефской комиссии, от дома Красной армии, от дома Военно-морского флота, от пушкинского общества, от Радиокомитета. С мая 1943 года вся военно-шефская работа была передана и проводилась по нарядам только Городской военно-шефской комиссии. Всего же артистами нашего театра за время блокады проведено более 3 000 концертов.

* * *

Лето 1942 года было тёплое. Как будто природа хотела нам компенсировать за суровую зиму.

В один из таких солнечных дней одна женщина предложила мне купить починенные валенки. Вспомнила суровую зиму, когда очень мёрзли ноги. А какова будет следующая зима? Но валенки стоят 500 рублей деньгами и хлеб за два дня... Что делать? Ведь два дня без хлеба тяжело!.. В театре с приобретёнными валенками меня встретила удивлённая заслуженная артистка К. В. Кузнецова и спросила: «А вы думаете, что мы выживем?» — «Выживем, безусловно выживем! И ещё не один сезон с вами будем петь в нашем театре». У Клавдии Васильевны на глазах слёзы. Конечно, это слёзы радости и надежды.

* * *

На крейсере «Киров» идёт концерт. Помещение — кубрик. Зрителей много. Душно. С импровизированной сцены не отпускают. «Спойте что-нибудь родное, флотское». «Бескозырочка», «Вечер на рейде», «В землянке» вызывают бурный восторг. После концерта сопровождающий нас офицер, смущаясь, угощает нас после обеда конфетами. Мы знаем,

что это часть пайка экипажа, который от полноты чувств по-братски благодарит нас за творческий труд.

* * *

Осень 1942 года. Вечером только что кончился концерт у раненых в госпитале на Петроградской стороне. Когда я вышла на улицу, началась «воздушная тревога». У моста меня задержал военный постовой. «Что, с ума сошла? — говорит он довольно грубо. — Как пойдешь? Смотри в небо. Самолёты, бьют зенитки. Страшно. Обожди». — «Но мне надо срочно на мой объект. Страшно? А тебе не страшно стоять здесь одному? Надо, так стой!» Очевидно, этот короткий разговор убедил или поколебал постового. «Ну бог с тобой. Беги скорее». Конечно, страшновато бежать одной через длиннющий Кировский мост, когда летают самолёты, когда падают бомбы и осколки зенитных снарядов, также несущих смерть и увечье...

* * *

Иногда «воздушная тревога» или обстрел заставляли нас в госпитале. Старались и тогда проводить концерт. Если же его приходилось прерывать, сидели с ранеными, беседовали, что-либо рассказывали, оказывали помощь и видели, что наше присутствие благотворно сказывается на настроении больных, отвлекает их от тяжёлых дум и переживаний, вселяет бодрость и уверенность в скорейшем выздоровлении.

* * *

Наша бригада приехала днём на концерт к морякам на Васильевский остров. Не успели мы начать концерт, как одновременно с сигналом «воздушной тревоги» всё здание потряс взрыв фугасной бомбы. Это совсем рядом от части бомба попала в стоящий на Неве пароход «Свирь». Бомба разломила пароход на две части. Так и стоял он до самого окончания войны.

* * *

На одном из концертов у краснофлотцев происходит встреча с командиром одной из частей с полуострова «Ханко», куда мне пришлось ездить с концертами. Старый знакомый рассказывает о героической защите этого передового края обороны Ленинграда, который был буквально залит металлом и где насмерть стояли славные сыны Балтики.

Вспоминается и ещё интересная встреча в одной из воинских частей. После концерта ко мне подходит танкист и спрашивает: «Вы были в 1939 году летом в первой Краснознаменной армии на Дальнем Востоке?» — «Была». — «Помните концерт, когда перед вами бойцы сидели на сопке, а вы, артисты, выступали на импровизированной площадке из четырёх грузовых машин, у которых были откинута борта? Мы тогда

очень волновались, как бы артистки балета не оступились между машинами и не сломали себе ноги» — «Да. Было такое дело. И мы волновались. Несчастный случай мог для них окончиться инвалидностью. Но другого выхода не было, и выступали мы в полевой обстановке. А Вы какими судьбами здесь?» — «Переброшен под Ленинград и защищаю великий город Ленина».

* * *

Много приходилось петь и тематических программ по нарядам Пушкинского общества. Лирика Пушкина как-то особенно волновала слушателей. По всей видимости, стихи, знакомые с детства, вызывали воспоминания юности, дома, любимых и родных, оставленных по злой воле фашистов. По-особому осмысливался труд и счастье, к которым можно вернуться, только пройдя тяжёлый путь войны к желанной победе справедливости и человеческого разума... «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — так вдохновляюще звучали слова любимого поэта.

* * *

Однажды в 1943 году бригада артистов часа два ждала отправки на концерт. Уже хотели расходиться по домам, когда за нами пришла машина. Приезжаем в воинскую часть за Московскими воротами, а перед самым нашим приездом помещение, предназначенное для проведения концерта, разрушено прямым попаданием артиллерийского снаряда... Так опоздание машины спасло от верной смерти бойцов части и нас, артистов.

* * *

В октябре месяце 1943 года я получила задание поехать с бригадой артистов эстрады для обслуживания ленинградских лесорубов в восточных районах области. Кроме концертной бригады нам была выделена кинопередвижка с советскими кинофильмами. С нами ехали два лектора Горкома партии. На двух фургонках, которые, конечно, не останавливались, отправлялись мы в путешествие. Путь пролегал по левому берегу Невы, вблизи с частями фашистской Германии, которые регулярно простреливали весь путь. Наша поездка прошла удачно, и в обстрел мы не попали. Как же были рады наши ленинградские женщины-лесорубы, оторванные от города в течение нескольких месяцев и работавшие также под постоянными обстрелами и налётами. Они были направлены в восточные районы области для обеспечения топливом блокированного Ленинграда. У меня было дополнительное задание выяснить условия труда женщин-лесорубов. Надо сказать, что бытовые условия, обмундирование и питание работниц были явно неудовлетворительными, даже в те тяжёлые времена. И всё же они героически

трудилась для промышленности города, изготовлявшего оружие, боеприпасы и всё необходимое для Ленинградского фронта.

Ночью на обратном пути машины немного заблудились, и шофёры отказались до утра продолжать путь, так как фронт был всего в полутора километрах. Порядком продрогли мы в холодную ночь, с рассветом наши машины опять благополучно проскочили опасный участок, на чём и кончились в эти дни наши тревожения.

Кроме лесорубов, бригада обслужила ряд детских домов, госпиталей, собрания партактива в Тихвине и Ефимовском районе.

* * *

К началу спектакля «Евгений Онегин» не явился артист Картелишев. Он исполнял партию Гремина. Отсутствующего товарища срочно заменяет артист А.П.Атлантов. Картелишев, как и ряд других музыкантов, был в рядах Красной армии, и командование отпускало его для участия в спектаклях. На следующий день из части получено извещение. Перед самым выездом на спектакль... Картелишев, командир танка, сгорел в нём.

* * *

Тяжёлые трудовые будни были у тружеников Ленинграда. И в это, казалось бы, самое неподходящее время, была поставлена задача провести смотр художественной самодеятельности. К этой работе был привлечён ряд артистов. В ноябре и декабре 1943 года и я участвовала в подготовке и проведении смотра художественной самодеятельности в Парголово, Токсово, Кавголово, Мурино и Ижоре.

Трудно было найти руководителей, обеспечить кружки нужной литературой, костюмами, париками, бутафорией. Сами кружковцы, в основном совсем юные, проявляли большую изобретательность, находчивость, и их энтузиазм и энергия придавали силы. Несмотря на очень сложное положение с транспортом (ведь тогда поезда ходили очень редко, а вокзалы обстреливались) всё же как-то добирались в подшефные кружки, причем, как правило, пеший путь был и до самого Ленинграда. Смотр художественной самодеятельности прошёл довольно успешно.

* * *

В Ленинграде в начале 1944 года был проведен конкурс певцов. На второй тур в Москву поехали: Г.В.Скопа-Родионова, Г.П.Вишневкина, М.И.Мержевская, и от ансамбля ЛВО тт. Петров, И.П.Алексеев и М.А.Довенман.

* * *

В последних числах декабря 1943 года, после одного из концертов у бойцов в районе «Пери», каждый из нас, артистов, получил

необычный подарок — несколько небольших ёлочек, которые потом украшали наши комнаты и комнаты наших друзей при встрече Нового 1944 года.

Сколько тепла, заботы, внимания, красоты вложено было в этот подарок от тех, кто уже несколько лет, оторванный от родных, от дома, сидит в окопах, грудью защищая город Ленина.

* * *

С чувством глубокой благодарности все мы, артисты, приняли высокую награду Правительства «Медаль за оборону Ленинграда». Это было признанием полезности нашей творческой работы в тяжёлые и незабываемые годы блокады Ленинграда. Мы обещали в дальнейшем все свои силы отдать для победы, на благо советского народа.

* * *

Во второй половине 1943 года началась большая работа по ремонту и восстановлению помещения театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Проводили его специальные военные части, которым мы, работники театра, помогали, и, конечно, устраивали концерты для наших воинов — строителей театра.

* * *

Успешные наступления на юге, освобождение Киева от фашистских захватчиков к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции вселяли в нас уверенность в том, что скоро наступление начнётся и на Ленинградском фронте.

И вот в ночь с 14 на 15 января 1944 года началась мощная канонада войск Ленинградского фронта, канонада, звучавшая для нас как симфония близкой победы. Наступившая затем тишина говорила о том, что войска перешли в наступление. Все наши мысли были там на фронте с бойцами, всё удалявшимися от нас. От всего сердца мы желали им сил и здоровья в великом ратном подвиге.

* * *

В город стало поступать много раненых. Артисты, работники театра и театральные мастера несколько раз участвовали в массовых субботниках по госпиталям, в Военно-медицинской академии, помогая в уборке помещения, уходе за ранеными, починке белья, и проводили концерты.

* * *

В памяти встаёт рассказ одного из раненых зимой 1941 года, который рассказывал мне его во время очередного дежурства по уходу за ранеными в Военно-медицинской академии. Боец был на Карельском

перешейке. Длительное время там больших боёв не было. В одной из стычек с белофиннами в зимний морозный день боец был ранен и потерял сознание. Сколько времени он пролежал — не помнит. Только очнулся он от чьего-то прикосновения. Глядит, а над ним волк. Ужасная мысль. Он незащищен и легко станет добычей зверя. Когда прошёл первый испуг, раненый заметил, что зверь ведет себя странно. Он терпеливо стоит у раненого. И на шее у него привязана фляга, и он в нехитрой собачьей упряжке. Тут дошло до сознания, что это санитарная собака-овчарка. Собака спокойно дала снять с себя флягу и выпить из неё подкрепление. Затем быстро вырыла в снегу под боком у раненого углубление, куда загнала санки. Затем осторожно стала сдвигать его на санки, к чему приложил усилия и сам раненый, так как встать он не мог. Когда раненый был водворен на санки, собака осторожно доставила санки с ним в медсанбат. С большой теплотой и благодарностью поведал мне этот рассказ боец, которому спасла жизнь верный друг человека даже в бою — собака... Сколько их, наших четвероногих друзей, бесстрашно шли на верную смерть под танки противника и уничтожали фашистское чудовище, жертвуя своей жизнью.

* * *

Под Новым Петергофом театру дают участок для подсобного хозяйства. Там недавно стояли гитлеровцы и оттуда стреляли из дальнобойных орудий по Ленинграду и Кронштадту. Мне поручают организацию подсобного хозяйства. Туда со мной направляется небольшой коллектив. Новые задачи, новые трудности и хлопоты. Надо достать трактор и вспахать поле. Надо достать семена, привезти их и посадить. Надо обеспечить сносным питанием и жильём коллектив.

* * *

900 дней тяжелейшей блокады при ежедневных тревогах, воздушных налётах, бомбёжках, недоедании и холоде прошли для города в напряжённом труде. И постоянно все мы чувствовали внимание и заботу Родины, нашей Коммунистической партии, сплотившей нас для борьбы с жестоким и коварным фашистским врагом и окончательной победе над ним.

* * *

16 июня 1944 года состоялась радостная встреча артистов и работников театра, приехавшими с первым эшелонам из Перми.

Еще полтора-два месяца и поднимется занавес театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Оперой «Иван Сусанин» откроется сезон, чтобы славить героизм, мужество, беззаветную любовь к своей Матери Родине, чтобы славить и укреплять мирный труд Советского народа.

С чувством глубокой скорби склоняю свою голову перед светлой памятью товарищей, отдавших свою жизнь в боях за Родину: Н.Шастине, А.Н.Яцко, Н.Н.Митрофанове, И.В.Серове, Дивове, Л.Кунявском, Алексееве.

Безвременно погибших во время блокады Ленинграда: А.В.Белянине, А.М.Кабанова, В.В.Киселёве, Матусевиче, Л.С.Перовском, Е.А.Тимофеевой, Н.И.Рихтере, Д.Ф.Лазаревой, В.А.Поснове, В.Н.Полуниной, Д.М. Сергееве, С.В.Базарове, Гришко, В.Алексеевой, Макаренковой, П.И.Гончарове, О.В.Басмановой, А.Ф.Леонтьевой, А.В.Наумове, Н.Л.Николенко и многих других, чьи имена останутся в наших благодарных сердцах.

Горжусь своими товарищами, самоотверженно работавшими и пережившими блокаду Ленинграда.

Радуюсь за всех, кого отметила Родина, Партия, Правительство, Ленинградский Военный Округ, и Дважды Краснознаменный Балтийский Флот за трудовой и творческий вклад в дело борьбы с фашизмом и его разгромом.

Молодое поколение, наша смена!

Помните своих дедов, отцов и матерей!

Будьте им признательны и благодарны за свободу и независимость нашей Родины.

Умножайте славу и подвиги старших!

Боритесь за мир, счастье и дружбу между народами!

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ
ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ,
СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА
1941–1944 ГГ.

СОСТАВИТЕЛИ БАИР ИРИНЧЕЕВ И ГЕОРГИЙ ШИЛОВ

Выборг, 2023

Издательство «Военный музей Карельского перешейка»

Главный редактор Баир Иринчеев

Верстальщик Максим Цой

**Корректоры Евгений Зленко, Баир Иринчеев, Наталия Иринчеева,
Варвара Лемеш, Ольга Мирскова**

**Гарнитуры Mirta (Елена Новоселова, Студия Артемия Лебедева)
и Новая Букварная (Изабелла Чаева, ПараТайп).**

Подписано в печать 7.03.2023.

**Формат 70·100/16. Объем 19,5 усл. печ. л. Бумага мелованная, печать офсетная.
Тираж 1000 экз.**

**Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206, т. (812) 649-73-13.
Заказ № 23030383. www.l-print.spb.ru**

**Добро пожаловать в Военный музей Карельского перешейка в Выборге
(ул. Крепостная, 26)**

**Наш телефон (10:00–18:00):
+ 7 (904) 856-32-34 (экскурсии)**

www.war-museum.ru

ИСКУССТВО ПОД ОБСТРЕЛАМИ

Составители:

Баир Иринчиев, Георгий Шилов

ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ,
СТЕНОГРАММЫ
ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
КУЛЬТУРЫ БЛОКАДНОГО
ЛЕНИНГРАДА 1941–1944 ГГ.

Данная книга — продолжение издания дневников, воспоминаний, стенограмм выступлений деятелей культуры и искусств блокадного Ленинграда.

В книгу «Искусство под обстрелами» вошли свидетельства артистов Кировского театра И. Нечаева, Н. Сахновской и О. Иордан, ранее опубликованные в книге «Танцуня под обстрелами».

В новой, расширенной книге впервые публикуются стенограммы выступлений искусствоведа А. Земцовой, художественного руководителя Театра музыкальной комедии Н. Янета, художника А. Пахомова. Выступления эти были сделаны в 1942–1944 годах, ещё во время Великой Отечественной войны и Блокады.

Также публикуются воспоминания о Блокаде балетного педагога В. Костровицкой, артисток В. Меркуловой, Г. Короткевич, Е. Лепковской и других.

Посвящается памяти деятелей культуры, искусств и артистов блокадного Ленинграда.

28 ДЕНЬ РАДОВИИ ЦАРЯ 29

МАЛЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР